

Александр
ЗВЯГИНЦЕВ

НЮРНБЕРГ:

ГЛАВНЫЙ ПРОЦЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

К 70-летию Нюрнбергского процесса

К 70-летию Нюрнбергского процесса

Александр Звягинцев

**Нюрнберг. Главный
процесс человечества**

«ЭКСМО»

2016

УДК 94(100)"1945/46"
ББК 63.3(0)63

Звягинцев А. Г.

Нюрнберг. Главный процесс человечества /
А. Г. Звягинцев — «Эксмо», 2016 — (К 70-летию
Нюрнбергского процесса)

ISBN 978-5-699-91716-7

Нюрнбергский международный военный трибунал быстро – и не напрасно – окрестили «процессом века». Книга известного юриста и историка А.Г. Звягинцева – самое полное и всестороннее исследование этого процесса. Книга основана на редких архивных документах, малодоступных источниках, новейших исследованиях, а также воспоминаниях современников и непосредственных участников тех событий. Решения Нюрнбергского трибунала не только подвели черту под преступлениями нацистов в ходе Второй мировой войны и дали оценку нацизму и фашизму как системе. Оценки трибунала самым серьезным образом повлияли на всю систему международного права и послевоенных международных отношений. Сегодня, когда международная агрессия – тягчайшее преступление по определению Нюрнбергского трибунала – становится едва ли не обыденным явлением, работа А.Г. Звягинцева актуальна, как никогда.

УДК 94(100)"1945/46"
ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-699-91716-7

© Звягинцев А. Г., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	7
От автора	9
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	31
Мероприятие «Архив»: окончательное решение по останкам Адольфа Гитлера	31
Прах фюрера унесла река Бидериц	33
Часть 2	35
Глава 7	35
Форма не всегда дисциплинировала содержание	38
Глава 8	42
Главный обвинитель от СССР	42
Помощники Главного обвинителя от СССР	52
Члены Международного военного трибунала	56
Следственная группа при Главном обвинителе от СССР	57
Консультант	57
Судьи от стран-союзниц	58
Помощники судей	58
Главные обвинители	59
Глава 9	61
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	97
Глава 13	102
Глава 14	107
Глава 15	113
Глава 16	148
Глава 17	158
Глава 18	160
Глава 19	163
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Александр Звягинцев Нюрнберг: главный процесс человечества

© А.Г. Звягинцев, 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие

Более 70 лет назад завершилось самое значительное судебное разбирательство в истории человечества – Нюрнбергский процесс. Он подвел черту под длительными дискуссиями, проходившими на заключительном этапе Второй мировой войны и после ее окончания, об ответственности фашизма и нацизма за страшные преступления против человечности.

Нюрнбергский процесс, его работа, завершение и решения явились отражением политических реалий того времени, демонстрируя общность позиций стран – участниц антигитлеровской коалиции, объединившихся во имя борьбы против фашистской угрозы миру.

Решения Международного военного трибунала создали важнейший правовой прецедент, согласно которому были осуждены не просто преступники, но и политическая система, породившая эти преступления, – нацизм, его идеология, экономическая составляющая и, конечно, все военные и карательные органы нацистского рейха.

Важным решением трибунала было и то, что он отверг доводы обвиняемых генералов и их защитников о том, что они всего лишь выполняли приказы, тем самым поставив в условия правовой ответственности не только тех, кто отдавал преступные приказы, но и их исполнителей.

Нюрнбергский процесс ввел еще одну важнейшую норму, отменив срок давности за преступления фашизма и нацизма против человечности. Это положение чрезвычайно важно и актуально и в наши дни, когда в ряде стран делается попытка предать забвению преступления прошлых лет и тем самым оправдать преступников.

На Нюрнбергском процессе был остро поставлен и вопрос о сотрудничестве с фашизмом и нацизмом. В решениях трибунала этот вопрос был выделен в особом пункте. На их основании вслед за Нюрнбергским процессом во многих странах Европы прошли суды, и некоторые деятели, даже самого высокого ранга, были осуждены.

Эти решения сегодня также весьма актуальны. Не секрет, что в ряде стран сейчас не только не осуждают тех, кто пособничал нацистам, но и устраивают парады и смотры тех, кто с оружием в руках воевал в годы Второй мировой войны в одном строю с фашистами, в том числе вместе с эсэсовскими формированиями.

В книге А. Г. Звягинцева рассмотрен широкий комплекс проблем, связанных с подготовкой, ходом и итогами Нюрнбергского процесса. Из этих материалов еще более ясными становятся и роль Советского Союза, и линия нашего обвинения на процессе века.

У нас в стране, да и в мире в целом уже давно не издавалось ни новых серьезных документальных сборников, ни исследовательских трудов по истории Нюрнбергского процесса.

Книга А. Г. Звягинцева восполняет этот пробел. Наряду с другими достоинствами ее ценность состоит еще и в том, что автор использовал многочисленные, ранее фактически неизвестные документы, в том числе из личного архива участников Нюрнбергского процесса.

В этой связи хочется обратить особое внимание на исследовательскую часть книги, где автор выходит на уровень обобщения и анализа документов, событий, фактов, делится воспоминаниями о встречах с людьми, имеющими непосредственное отношение к освещаемой теме. И здесь чувствуется особый нерв и глубокая обеспокоенность ситуацией в мире.

Обращаясь сегодня к истории 70-летней давности, мы еще раз не только говорим о таких «уроках Нюрнберга», как неприятие и осуждение ксенофобии, насилия, отказ от агрессии, воспитание людей в духе уважения друг к другу, терпимости к иным взглядам, национальным и конфессиональным различиям, – но и как прежде заявляем, что никто не забыт, ничто не забыто. И настоящая книга призвана поддерживать этот вечный огонь памяти.

*А. О. Чубарьян, академик РАН, директор Института всеобщей истории
РАН*

От автора

Человечество давно научилось судить отдельных злодеев, преступные группировки, бандитские и незаконные вооруженные формирования. Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. С тех пор прошло 70 лет...

8 августа 1945 г., через три месяца после Победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и трибунал стал с полным правом называться Судом народов.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и продолжался почти 11 месяцев. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Такого в истории еще не было. Также впервые был рассмотрен вопрос о признании преступными ряда политических и государственных институтов – руководящего состава фашистской партии НСДАП, штурмовых (СА) и охранных (СС) ее отрядов, службы безопасности (СД), тайной государственной полиции (гестапо), правительственного кабинета, Верховного командования и Генерального штаба.

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Обвинительный акт на немецком языке был вручен подсудимым за 30 дней до начала процесса, и далее им передавались копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т. д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Все 403 заседания трибунала были открытыми. В зал суда было выдано около 60 тысяч пропусков. Работу трибунала широко освещала пресса, велась прямая радиотрансляция.

«Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы), – сказал мне летом 2005 г. заместитель председателя Верховного суда Баварии господин Эвальд Бершмидт, давая интервью съемочной группе, которая тогда работала над фильмом «Нюрнбергский набат». – Это все-таки был суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но необязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Чья вина была меньше – получили другие наказания. Кое-кто даже был оправдан. Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом для всех – и для генералов, и для политиков».

30 сентября – 1 октября 1946 г. Суд народов вынес свой приговор. Обвиняемые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбыть пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, Верховное командование, Генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, таковыми признаны не были.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и оправданием троих обвиняемых, не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Да, по отдельным проблемам среди судей трибунала существовали серьезные разногласия. Однако они не идут ни в какое сравнение с противоборством взглядов на одни и те же события и персоны, которое развернется в будущем.

Но сначала о главном. Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций. Единые в своем неприятии насилия над человеком и государством народы мира доказали, что они могут успешно противостоять вселенскому злу, вершить справедливое правосудие.

Горький опыт Второй мировой войны заставил всех по-новому взглянуть на многие проблемы, стоящие перед человечеством, и понять, что каждый человек на земле несет ответственность за настоящее и будущее. Тот факт, что Нюрнбергский процесс состоялся, говорит о том, что руководители государств не смеют игнорировать твердо выраженную волю народов и опускаться до двойных стандартов.

Казалось, перед всеми странами открылись блестящие перспективы коллективного и мирного решения проблем для светлого будущего без войн и насилия.

Но, к сожалению, человечество слишком быстро забывает уроки прошлого. Вскоре после известной Фултонской речи Уинстона Черчилля, несмотря на убедительные коллективные действия в Нюрнберге, державы-победительницы разделились на военно-политические блоки, и работу Организации Объединенных Наций осложнило политическое противоборство. Тень «холодной войны» на долгие десятилетия опустилась над миром.

В этих условиях активизировались силы, желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить и даже свести к нулю главенствующую роль Советского Союза в разгроме фашизма, поставить знак равенства между Германией, страной-агрессором, и СССР, который вел справедливую войну и ценой огромных жертв спас мир от ужасов нацизма. 26 миллионов 600 тысяч наших соотечественников погибло в этой кровавой бойне. И больше половины из них – 15 миллионов 400 тысяч – это были мирные граждане.

Появилась масса публикаций, фильмов, телевизионных передач, искажающих историческую реальность. В «трудах» бывших храбрых наци и других многочисленных авторов обеляются, а то и героизируются вожди Третьего рейха и очерняются советские военачальники – без оглядки на истину и действительный ход событий. В их версии Нюрнбергский процесс и преследование военных преступников в целом – всего лишь акт мести победителей побежденным. При этом используется типичный прием – показать известных фашистов на бытовом уровне: смотрите, это самые обычные и даже милые люди, а вовсе не палачи и садисты.

Например, рейхсфюрер СС Гиммлер, шеф самых зловещих карательных органов, предстает нежной натурой, сторонником защиты животных, любящим отцом семейства, ненавидящим непристойности в отношении женщин.

Кем была эта «нежная» натура на самом деле? Вот слова Гиммлера, произнесенные публично: «...Как себя чувствуют русские, как себя чувствуют чехи, мне абсолютно все равно. Живут ли другие народы в благоденствии или вымирают с голоду, меня интересует лишь постольку, поскольку мы можем их использовать в качестве рабов для нашей культуры, в остальном мне это совершенно все равно. Умрут ли при строительстве противотанкового

рва 10 тысяч русских баб от истощения или нет, меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть построен для Германии...»

Это больше похоже на правду. Это – сама правда. Откровения в полной мере соответствуют образу создателя СС – самой совершенной и изощренной репрессивной организации, творца системы концлагерей, ужасающих людей по сей день.

Теплые краски находятся даже для Гитлера. В фантастическом по объему «гитлероведении» он – и храбрый воин Первой мировой войны, и артистическая натура – художник, знаток архитектуры, и скромный вегетарианец, и образцовый государственный деятель. Есть точка зрения, что, если бы фюрер немецкого народа прекратил свою деятельность в 1939 г., не начав войны, он вошел бы в историю как величайший политик Германии, Европы, мира!

Но есть ли сила, способная освободить Гитлера от ответственности за развязанную им агрессивную, самую кровавую и жестокую мировую бойню? Конечно, позитивная роль ООН в деле послевоенного мира и сотрудничества присутствует, и она абсолютно бесспорна. Но несомненно и то, что эта роль могла быть гораздо весомее.

К счастью, глобальное столкновение не состоялось, но военные блоки нередко балансировали на грани. Локальным конфликтам не было конца. Вспыхивали малые войны с немалыми жертвами, в некоторых странах возникали и утверждались террористические режимы.

Прекращение противостояния блоков и возникновение в 1990-х гг. однополярного мироустройства не добавило ресурсов Организации Объединенных Наций. Некоторые политики даже высказывают, мягко говоря, очень спорное мнение, что ООН в ее нынешнем виде – устаревшая организация, соответствующая реалиям Второй мировой войны, но никак не сегодняшним требованиям.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в беспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, цивилизаций.

Возникло новое, масштабное зло – терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

В самой опасной, международной, разновидности это явление направлено против всей цивилизации. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе с этим злом, подобное тому, что сказал 70 лет назад германскому фашизму Международный военный трибунал.

Успешный опыт противостояния агрессии и террору времен Второй мировой войны актуален по сей день. Многие подходы применимы один к одному, другие нуждаются в переосмыслении, развитии. Впрочем, выводы вы можете сделать сами.

В этой книге изложены самые яркие эпизоды Суда народов. В ней представлены ранее не публиковавшиеся материалы, свидетельства очевидцев, недавно рассекреченные архивные документы. Во многом благодаря этому удалось более полно и всесторонне взглянуть на Нюрнбергский процесс, открыть для широкого круга читателей его неизвестные страницы, понять мотивацию поведения участников трибунала, поступков глав государств и правительств в контексте истории.

Не секрет, что популяризаторы фашизма имеют определенное влияние на молодые умы, что таит огромную опасность для будущих поколений. Книга составлена так, чтобы быть понятной в том числе и для юных читателей. В ней нет заумных рассуждений, нраво-

учений, зато есть горькая правда жизни. Тот, кто хочет иметь собственное и квалифицированное мнение об истории, особенно об истории военных преступлений, с интересом прочтет этот труд.

Некоторые темы автор подал под углом собственных представлений и вновь открывшихся фактов. В книге также развенчиваются или дезавуируются некоторые распространенные стереотипы и мифы. Время не только хоронит секреты, но иногда выдает их, в том числе и через десятилетия. Может быть, автору повезло больше, чем предшественникам, обращавшимся к истории Нюрнбергского процесса, ибо начиная с 1970 г. ему довелось встречаться с Романом Андреевичем Руденко, слушать его выступления, в том числе и воспоминания о Нюрнбергском процессе, которые всегда и везде становились предметом обсуждения. Обо всем, что было связано с Нюрнбергом, о деятельности Р. А. Руденко, мне рассказывали не только его братья – Николай Андреевич и Антон Андреевич, но и другие родственники и ближайшие сподвижники, в том числе непосредственно работавшие под его началом в Нюрнберге. Представленные ими документы и фотографии стали ценным дополнением к фактологической составляющей книги, как и мнения авторитетных российских и зарубежных исследователей.

Время – суровый судья. Оно абсолютно. Будучи не детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, – будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письма тем, кто пытается с ним фамиллярничать.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию решений Нюрнбергского трибунала на очень слабые плечи политиков. Поэтому и неудивительно, что коричневая гидра фашизма во многих странах мира вновь подняла голову, а шаманствующие апологеты терроризма каждый день рекрутируют в свои ряды все новых и новых прозелитов.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют «Нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей Третьего рейха, распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправданна. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945–1946 гг., в эйфории Великой Победы. Никто сегодня не может утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно.

В этой связи напрашивается вопрос: сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности...

Часть 1

До начала процесса

Глава 1

Карать нацистов на месте или судить цивилизованно?

1 сентября 1939 г. войска фашистской Германии вторглись на территорию Польши. Это событие стало началом Второй мировой войны, самой кровопролитной и жестокой в истории человечества. Континент потрясли бомбардировки, артобстрелы, залпы расстрельных команд. Основой «нового немецкого порядка» в захваченных странах стал террор.

Агрессивные планы фашистов сбывались со зловещей быстротой. Первым большим результатом «блицкрига» – молниеносной войны – стала оккупация почти всей Европы. Нацистская идея мирового господства стала наполняться реальным содержанием.

Завладев ресурсами десятков стран, 22 июня 1941 г. гитлеровцы напали на СССР, видя в нашей стране очередную жертву блицкрига. Однако после успехов первого периода войны, объяснявшихся фактором внезапности, лучшим вооружением и боевым опытом, гитлеровцам пришлось расстаться с надеждой на быструю победу.

По мере продвижения захватчиков в глубь страны сопротивление советских войск не ослабевало, а нарастало. Официальное объявление войны руководством СССР как Великой Отечественной полностью соответствовало реальности. С нашей стороны борьба быстро приобрела всенародный, патриотический характер.

Действуя по детально проработанным сатанинским планам, фашисты с первых дней войны достигли предела жестокости и варварства в обращении с военнопленными и мирным населением. Массовые убийства ни в чем не повинных людей, отправка граждан в рабство, ограбление огромных территорий были обычной практикой. Наш народ поднялся на справедливую и священную войну с отчетливым желанием избавить себя и мир от абсолютного зла – «коричневой чумы» фашизма.

Сведения о чудовищных зверствах нацистов быстро стали достоянием общественности. Весь мир с нарастающим ужасом наблюдал за происходящим в странах, подвергшихся нашествию. Предложения о строгом наказании военных преступников стали нормальной человеческой реакцией на жуткие и омерзительные деяния.

Они исходили не только от общественности. Уже на первой стадии войны начались действия на государственном уровне. 27 апреля 1942 г. Правительство СССР вручило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы – фотоснимки, акты экспертиз, эксгумации тел

погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами и полностью их изобличающие.

Однако идея международного процесса возникла и утвердилась не сразу. Некоторые западные государственные деятели думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о процедуре и формальностях. Например, еще в 1942 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль решил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал и в дальнейшем.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 г. Госсекретарь США К. Хэлл заявил на обеде, где присутствовал посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство»¹.

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. 10 июля 1944 г. американский генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству»².

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий Генштаб, а это несколько тысяч человек, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии, вплоть до низовых, и т. д. Президент США Франклин Д. Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

Такие суждения были типичны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 г., 67 % граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане тоже горели жадой мести и были в состоянии обсуждать, по замечанию одного из политиков, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок.

Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции. Внесудебные расправы все-таки вершились, и трудно обвинить, например, бойцов движения Сопротивления, расстрелявших диктатора Италии Бенито Муссолини. (27 апреля 1945 г. отряд партизан остановил автоколонну вермахта, в одном из грузовиков которой находился Муссолини, переодетый в немецкую форму. Он был опознан и задержан. На другой день прибывший из Милана полковник движения Сопротивления Валерио казнил диктатора, его любовницу Клару Петаччи и двух приближенных дуче. Затем тела убитых были повешены вверх ногами на бензоколонке в Милане.)

Бойцы французского движения Сопротивления казнили без суда 8348 фашистов и их пособников.

Возмездие, конечно, состоялось, но несомненно и то, что в случае гласного суда урок истории более соответствовал бы духу времени и понятиям законности и стал бы еще нагляднее и поучительнее.

Горячие головы предлагали уничтожить Германию как промышленное государство. Министр финансов США Генри Моргентау выдвинул «Программу по предотвращению развязывания Германией третьей мировой войны». В соответствии с ней предполагалось расчленение и децентрализация побежденной страны, полное уничтожение тяжелой промыш-

¹ Ирвинг Д. Нюрнберг: Последняя битва. М.: Яуза, 2005. С. 20.

² Там же. С. 21.

ленности и авиации, превращение ее в аграрную территорию под жестким контролем США и Великобритании. Моргентау думал превратить Германию в одно большое картофельное поле.

Этот план серьезно обсуждался, например, 11 сентября 1944 г. на встрече в Квебеке американского президента Франклина Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, однако принят не был. У плана нашлись серьезные противники, среди которых были британский министр иностранных дел Антони Иден, Госсекретарь Соединенных Штатов Кордел Хэлл и министр обороны США Стимсон. В последующем произошла утечка информации в прессу. Реакция общественности была резко негативной. Пять американских профсоюзов приняли декларацию, отвергающую план как экономически не обоснованный и содержащий «семена новой войны». Однако Моргентау еще долго не оставлял попыток продвинуть свои «радикальные» идеи.

Гораздо дальновиднее западных политиков оказался Сталин, еще в начале войны выступивший за юридическую процедуру наказания военных преступников. Когда Черчилль пытался навязать ему свое мнение, Сталин твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!»

«Мы должны сделать так, – утверждал премьер-министр Великобритании на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г., – чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса. «Слишком жесткие меры возбудят жажду мести», – ответил он Черчиллю.

Этот подход высказывался не только на переговорах. Требование о создании Международного военного трибунала содержалось, например, в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

Еще в ходе войны в СССР состоялись первые процессы над нацистскими преступниками. Например, на заседании советского военного трибунала в Харькове в декабре 1943 г. было рассмотрено дело трех немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением «газенвагенов», или, проще говоря, душегубок. Сам суд и публичная казнь осужденных стали темой документального фильма, показанного всей стране.

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. Наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешенного расстрела высказывались мысли о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов.

«Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой, – говорил судья Роберт Х. Джексон, в будущем – Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе от США, – то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора».

Возможность проведения Международного суда заложили соглашения между союзниками о взаимопомощи в ведении войны против агрессии и о сотрудничестве в послевоенное время в интересах мира и безопасности. Крепкой основой совместной деятельности стало создание Организации Объединенных Наций. Конференция представителей СССР, Великобритании, США и Китая по вопросу об образовании ООН состоялась 21 августа – 28 сентября 1944 г. в Вашингтоне.

Тема наказания военных преступников, развязавших Вторую мировую войну, неоднократно возникала при встречах глав государств и правительств Великобритании, США, СССР и других стран.

Контуры будущих действий обозначались все яснее. 17 июля – 2 августа 1945 г. работала Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы, были приняты важные решения о демилитаризации и денацификации Германии и в том числе о наказании военных преступников. Союзники приняли официальное обязательство судить виновных скорым и справедливым судом. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся переговорах в Лондоне будет выработано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Историческая Лондонская конференция проходила в Черч-Хаусе (Вестминстер). Принятию Устава Международного военного трибунала и других документов предшествовала долгая и кропотливая работа.

Атмосфера конференции была напряженной из-за огромной ответственности участников встречи. Международный военный трибунал обещал стать грандиозным мировым событием, открывающим новую эпоху международного сотрудничества. Небывалым был и масштаб преступлений. Страницы газет и журналов пестрели леденящими душу подробностями о зверствах фашистов, перед глазами участников встречи стояли руины некогда цветущих городов и селений. Многотомные документальные свидетельства преступлений нацистов вызывали определенную растерянность у опытных юристов.

Первое заседание конференции состоялось 21 июня. На нем рассматривался список обвиняемых, были назначены четыре подкомиссии для решения спорной ситуации между англичанами и американцами, расходившимися во мнении о том, каков должен быть подход к судопроизводству: на основе поименного списка, по мнению англичан, или на основе предварительного сбора улик, как считали американцы.

Советская делегация на первом заседании не присутствовала. Заместитель народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинский в ответ на запрос сообщил, что представители СССР прилетят 23 июня. Однако советская делегация прибыла 26 июня и сразу внесла конструктивное предложение подписать соглашение или протокол, в который в дальнейшем будут внесены необходимые изменения или добавления. Таким образом, будет выработан Устав суда, который определит правила и процедуры процесса. Предложение было принято.

Началась работа над Уставом Международного военного трибунала. Сразу возникли споры. Ведь все договаривающиеся стороны имели разные правовые системы. В каждой стране существовали свои национальные школы, действовало свое национально-процессуальное законодательство. Роберт Х. Джексон вспоминал, что испытал нечто наподобие шока, «услышав, как российская делегация отзывается о нашей англо-американской практике [обвинения], считая ее несправедливой по отношению к подсудимым. Они приводили следующий довод: мы предъявляем обвинения в общих чертах и затем представляем доказательства на суде. Их подход требует, чтобы при предъявлении обвинения обвиняемому были предоставлены все доказательства, использованные против него, как документы, так и показания свидетелей. Обвинительный акт в такой форме превращается в доказательственный документ. Таким образом, три судебных разбирательства становятся не столько делом изложения доказательств обвинительного акта, сколько попытки подсудимого опровергнуть доказательства, изложенные в обвинительном акте. Таким образом, они полагают, что поскольку континентальная система права возлагает бремя доказывания на подсудимого, то англо-американская система права кажется им несправедливой, так как она не дает подсудимому представления о полном объеме доказательств, собранных против него. Когда мы представляем их в суде, то многие могут быть удивлены и, возможно, не смогут адекватно

отреагировать, поскольку слишком поздно предпринимать какие-либо действия. Считается, что наш подход превращает уголовное судопроизводство в игру. В этой критике определенно есть рациональное зерно».

Устав стал главным документом, определяющим организацию и порядок деятельности Международного военного трибунала. В нем был зафиксирован, например, состав трибунала: по одному судье и его заместителю от каждой из четырех стран-победительниц – СССР, США, Великобритании и Франции. Назначались они правительствами соответствующих государств.

Устав трибунала дал процессуальные гарантии подсудимым, а именно: право защищаться на суде лично или при помощи адвоката, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять суду доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленным им обвинениям, допрашивать свидетелей лично или через адвоката, обращаться к суду с последним словом. Устав предусматривал вручение обвиняемому копии обвинительного акта на немецком языке до начала судебного процесса.

Многие взаимоприемлемые решения на конференции давались трудно. Самая серьезная проблема состояла в противоречиях между правовыми системами СССР, Великобритании, США и Франции, учреждавших трибунал. Преодоление их требовало больших затрат времени и нервов, длительных дискуссий, уступок. Компетентность юристов стран-победительниц не вызывала сомнений, но их правовые и политические воззрения были порой резко противоположными. К чести этих людей, они старались находить компромисс и выполнили возложенную на них мировым сообществом обязанность.

8 августа 1945 г., в день подписания соглашения, главные обвинители от каждой из четырех стран собрались на первое совместное заседание для составления согласованного списка подсудимых. Все сходились во мнении, что это будет, скорее всего, 10–12 человек из разных властных структур нацистов. Представитель СССР И. Т. Никитченко настаивал, что в списке обязательно должны находиться также и промышленники. В результате число подсудимых увеличилось.

Суду были преданы 24 военных преступника из всех властных структур нацистской Германии: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Густав Крупп, Дениц, Редер, Ширах, Заукель³, Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче и Борман – за подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, за военные преступления и преступления против человечности.

Но не все они заняли места на скамье подсудимых. Лей до начала суда покончил жизнь самоубийством. Дело Круппа было приостановлено, поскольку он был признан неизлечимо больным. Розыск Бормана не дал результатов, и его судили заочно.

В этот же день произошли изменения среди представителей СССР. Генерал И. Т. Никитченко был переведен из обвинителей в состав судей Международного военного трибунала. Он срочно уехал в Москву набирать сотрудников. Обвинителем с советской стороны был назначен Прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко.

Соглашение об организации Международного военного трибунала, призванного вершить суд над главными военными преступниками, не имело аналогов в истории. Оно было важным не только для стран – участниц войны, но и для судеб человечества.

Характеризуя процесс, Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко подчеркивал, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений. На скамье подсудимых оказались люди, чья преступная деятельность не ограничилась пределами одного государства и привела к неслыханным по своей тяжести последствиям.

³ Далее также встречается: Иодль.

О необходимости такого процесса заявляли многие страны, представители общественности, и не случайно, что к нему затем присоединились еще 19 государств.

Приговор Международного военного трибунала, признавшего агрессию тягчайшим международным преступлением и покаравшего агрессоров, справедливо оценивается мировым сообществом как приговор истории.

Глава 2

Почему Нюрнберг?

Поначалу никто не думал о том, что место заседаний Международного военного трибунала должно быть символичным. Советская сторона настаивала на проведении суда в Берлине, американцы называли Мюнхен. Выбор Нюрнберга определился тем, что находящийся там Дворец правосудия во время боевых действий почти не пострадал. Большим преимуществом его оказалось то, что в одном крыле здания была тюрьма и отпадала нужда в перевозках обвиняемых.

В дальнейшем, с подачи Главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, все начали говорить о персте рока при выборе места для суда над главарями нацистов. Нюрнбергский адрес даже считали определенного рода возмездием – ведь гитлеровским преступникам пришлось познать крах надежд на мировое господство и предстать перед судом в городе, который был для них своеобразной столицей фашистской империи, где они утверждали, что нет иных законов, кроме тех, что установили сами.

Нюрнберг – старинный город, ему без малого тысяча лет. Здесь появились первые карманные часы и первый глобус, на котором не было еще не открытой тогда Америки. Именно в Нюрнберге появились, одни из первых в Европе, астрономическая обсерватория и гимназия. В этом городе родился и работал художник Дюрер, творили скульпторы Крафт, Фишер, Штос, создал свои знаменитые стихи и музыкальные произведения народный композитор Ганс Сакс.

В 1356 г. Карл IV провозгласил, что каждый новый император Священной Римской империи германской нации должен собирать свой первый имперский рейхстаг только здесь. Этот город очень любил Фридрих I Барбаросса, помешанный на идее мирового господства и бесславно погибший на подступах к Палестине во время Третьего крестового похода. Закономерно, что в 1930-е гг. XX в. Нюрнберг стал партийной столицей нацистов. Они считали свою Германию Третьим рейхом после Священной Римской империи и государства Бисмарка, созданного в 1871 г.

Любопытна хронология этих рейхов. Первый просуществовал десять веков, из них на протяжении шести он постепенно слабел. В 1806 г. его последний император Франц II отрекся от престола. По указу Наполеона Нюрнберг потерял статус имперского города и стал одним из населенных пунктов Баварии.

Однако идея империи не умерла. Прошло всего 60 лет, и 18 января 1871 г., после победы над Францией, Отто фон Бисмарк провозгласил Второй рейх. Век этой империи измерился 47 годами. После поражения в Первой мировой войне в 1919 г. Германия потеряла не только все завоевания, но и возможность содержать армию из-за выплаты огромных репараций.

Новая пауза между империями составила лишь 14 лет. Творцом Третьего рейха в 1933 г. стал Адольф Гитлер. Объявленная им «тысячелетняя» нацистская империя рухнула через 12 лет и закончилась Судом народов над ее основателями.

Нюрнберг подвергался интенсивным бомбардировкам союзников еще и в силу своей имперской роли. Здесь нацисты устраивали партийные съезды и манифестации. Гитлер выполнил предписание Золотой буллы, изданной Карлом IV: свой первый партийный съезд после прихода к власти он провел в Нюрнберге. Целям нацистских соборий служили прежде всего Конгрессхалле – Дворец съездов и Цеппелиновы поля – самая широкая в мире дорога для парадов.

Вот как описывает одно из мест массовых нацистских акций Аркадий Полтораки, работавший в секретариате Нюрнбергского процесса: «Огромный стадион с трибунами из серого камня. Господствуя над всем, высилась машина центральной трибуны с множеством ступе-

ней и скамей, с черными чашами на крыльях, где в дни фашистских соборщ горел огонь. Словно рассекая эту махину пополам, снизу вверх проходит широкая темно-синяя стрела, указывающая своим острием, где следует искать Гитлера. Отсюда он взирал на марширующие войска и штурмовые отряды. Отсюда под рев осатанелой толпы призывал их к разрушениям чужих очагов, к захватам чужих земель, к кровопролитиям.

В такие дни город содрогался от топота тысяч кованых сапог. А вечерами вспыхивал, как гигантский костер. Дым от факелов застилал небо. Колонны факельщиков с дикими возгласами и визгом проходили по улицам.

Теперь огромный стадион был пуст. Лишь на центральной трибуне стояло несколько дам в темных очках, очевидно американских туристов. Они по очереди влезали на место Гитлера и, щелкая фотоаппаратами, снимали друг друга».

Этот же автор оставил нам подробное описание здания суда: «На одной из улиц Нюрнберга – широкой и прямой Фюртштрассе – остался почти невредимым целый квартал зданий, и среди них за безвкусной каменной оградой с овальными выемками, с большими двойными чугунными воротами – массивное четырехэтажное здание с пышным названием Дворец юстиции. Первый его этаж без окон представляет собой крытую галерею со сводами, опирающуюся на короткие, круглые, тяжелые, как бы вросшие в землю колонны. Выше – два этажа, оформленных гладким фасадом. А на четвертом этаже в нишах – статуи каких-то деятелей Германской империи. Над входом – четыре больших лепных щита с различными эмблемами.

Редкая полоска деревьев с внутренней стороны ограды отделяет здание от улицы.

Если присмотреться внимательно, то и здесь видны следы войны. На многих колоннах выщерблен камень не то очередью крупнокалиберного пулемета, не то осколками снарядов. Пусты некоторые ниши на четвертом этаже, очевидно освобожденные от статуй внезапным ударом взрывной волны.

Рядом с Дворцом юстиции – соединенное с ним переходом другое административное здание. А со двора перпендикулярно внутреннему фасаду вплотную к Дворцу примыкает длинный четырехэтажный тюремный корпус. Тюрьма как тюрьма. Как все тюрьмы мира. Гладкие оштукатуренные стены и маленькие зарешеченные окна, наклепленные рядами почти вплотную одно к другому»⁴.

Побывав более чем через 50 лет во Дворце юстиции, автор этой книги уже не увидел следов войны, о которых писал Аркадий Полторак. Зато отметил для себя, что весь комплекс находится в отличном состоянии, а зал, в котором некогда вершился Суд народов, стал более торжественным и гармоничным благодаря большим люстрам, свисающим с потолка. Они были в здании изначально, но, чтобы придать залу большей строгости, перед процессом вместо них повесили обыкновенные светильники.

Прилетевшие в первый раз в Нюрнберг 17 августа 1945 г. Р. Х. Джексон, И. Т. Никитченко, Х. Шоукросс, А. Гро застали город, в котором еще не действовали водопровод, канализация, не было электричества, не работали транспорт и связь. Но Дворец правосудия был почти готов к работе трибунала, и можно было начинать предварительное следствие.

⁴ Полторак А. Нюрнбергский эпилог. М.: Юридическая литература, 1983.

Глава 3

Суд еще не открылся, но уже заседает...

Поскольку судебное действие такого масштаба происходило впервые в мире, нужно было решить множество как стратегических, так и организационных проблем. Для этого, еще до начала судебного процесса, прошло несколько организационных заседаний Международного военного трибунала. Эти заседания проходили не в Нюрнберге, а в Берлине, в здании четырехстороннего Контрольного совета по Германии. Был обсужден и принят Регламент трибунала, рассмотрены текущие вопросы, в том числе о форме одежды судей, порядке их размещения в зале суда, об организации переводов, приглашении защитников, создании секретариата трибунала, о присяге для членов трибунала и работников секретариата.

В разбомбленном городе нелегко было разместить делегации союзников. Если из Великобритании, Франции и СССР ожидалось группы в 20–25 человек, то США заявили о приезде 600 представителей, которые хотели жить с комфортом. Пожелания в основном были выполнены. Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон поселился в огромном особняке с теннисным кортом и музыкальной гостиной, в которой стоял концертный рояль. За столом во время обеда могли разместиться 20–25 человек. Ездил этот американец на бронированном лимузине Гитлера и шикарном «Мерседесе» Риббентропа.

Больших и малых проблем, требующих решения, было очень много. Вдруг всплыл факт, что во Дворце правосудия нет кафетерия, то обнаружилось, что мало переводчиков, то обвинители присутствуют не в полном составе...

Конечно, важнее всего были юридические вопросы, например разногласия по списку обвиняемых. Советская сторона настаивала на публикации его к 1 сентября 1945 г., однако споры продолжались вплоть до начала суда. Англичане, например, были против включения в список преступных организаций Генерального штаба фашистской Германии. Все решило голосование: англичан никто не поддержал. Шли дискуссии также по статьям обвинения.

Споры о форме и содержании обвинительного акта продолжались все лето 1945 г. 10 октября представители обвинения от США, Великобритании и Франции готовы были представить трибуналу свой вариант обвинительного акта. Прибывший в Германию 12 октября Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко нашел в тексте ошибки в формулировках, ряд других недостатков и настоял на доработке. Союзники не скрывали раздражения. Ходили слухи, что советские представители затягивают процесс, согласовывая в Кремле каждую запятую.

Первое организационное заседание состоялось 9 октября 1945 г. Было принято решение создать временный Секретариат трибунала. Временно Генеральным секретарем назначили секретаря американской делегации Гарольда Вилли, который, однако, вскоре был заменен бригадным генералом армии США Уильямом Митчеллом.

На организационных заседаниях до начала процесса члены трибунала председательствовали поочередно. Исключение было сделано для открытого организационного (распорядительного) заседания, на котором принималось обвинительное заключение от Комитета обвинителей. Председательствующим на этом заседании был избран член трибунала от СССР генерал-майор И. Т. Никитченко.

Председательствующим для ведения самого процесса в Нюрнберге был избран член трибунала от Великобритании лорд-судья Джеффри Лоренс. Решением от 17 октября Международный военный трибунал уполномочил лорда Лоренса подписывать все официальные распоряжения и приказы.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось открытое организационное (распорядительное) заседание трибунала. На нем присутствовали: Главный обвинитель от Советского

Союза Р. А. Руденко, Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, Главного обвинителя от США Роберта Джексона замещал его помощник Шиа, Главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона представлял его помощник Дюбост.

Все члены трибунала поочередно приняли присягу, торжественно заявив о том, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно.

Заседание открыл член трибунала от Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. Затем Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко вручил суду текст обвинительного заключения на русском языке, а представители обвинения от Франции, Великобритании и США вручили тексты на французском и английском языках. После этого председательствующий И. Т. Никитченко сделал заявление: «Обвинительный акт, представленный Комитетом главных обвинителей, рассматривает преступления следующих обвиняемых: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара (Яльмара) Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Балдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Йодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче – индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группы службы безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), Генеральный штаб и высшее командование германскими вооруженными силами – всех, как изложено в приложении «В».

Согласно статьям 16 и 23 Устава Международного военного трибунала, обвиняемые могут осуществлять свою защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять свои обязанности перед судом в своей собственной стране, или же через специального защитника, назначенного военным трибуналом. Выделяется специальный секретарь трибунала, на которого возлагается обязанность довести до сведения обвиняемых их права. Если кто-либо из обвиняемых пожелает иметь защитника, который не в состоянии выполнять свои обязанности, то трибунал назначит ему защитника.

Обвинительное заключение будет вручено обвиняемым сегодня.

Международный военный трибунал назначит дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение будет опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября сего года».

На этом заседание трибунала было закрыто.

В дальнейшем, с началом работы процесса, нужда в организационных заседаниях не отпала, и они проводились регулярно. Обычно это происходило по окончании дневных судебных заседаний, а также, при необходимости, в перерывах между судебными заседаниями. Стенограмма заседаний не велась. В соответствии с п. «с» ст. 4 Устава решения трибунала, за исключением решений о виновности и мере наказания, принимались большинством голосов. Голос председательствующего при обсуждении спорных вопросов являлся решающим.

Несмотря на то что решения трибунала иногда были непоследовательны и противоречивы, требования Устава в целом выдерживались. Свою роль в этом сыграли и организационные заседания.

...Час открытия Нюрнбергского процесса приближался.

Отдадим же дань памяти и уважения тем, кто справедливо и строго вершил правосудие над нацистскими преступниками.

Состав трибунала:

Член трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, председатель – лорд-судья Джеффри Лоренс.

Заместитель члена трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – судья Норман Биркетт.

Член трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко.

Заместитель члена трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – подполковник юстиции А. Ф. Волчков.

Член трибунала от Соединенных Штатов Америки – Фрэнсис Биддл.

Заместитель члена трибунала от Соединенных Штатов Америки – Джон Дж. Паркер.

Член трибунала от Французской Республики – Анри Донедье де Вабр.

Заместитель члена трибунала от Французской Республики – Робер Фалько.

Секретариат:

Генеральный секретарь – бригадный генерал Уильям И. Митчелл (с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г.), полковник Джон Е. Рей (с 24 июня 1946 г.).

Секретарь делегации СССР – майор А. И. Полторак, В. Я. Коломацин (с февраля 1946 г.).

Секретарь делегации США – Гарольд Вилли (с 6 ноября 1945 г. до 11 июля 1946 г.), Вальтер Гилкисон (с 16 июня 1946 г.).

Секретарь делегации Великобритании – И. Д. Мак-Иллрейт.

Секретарь делегации Франции – А. Мартен-Анвар.

Обвинители от Союза Советских Социалистических Республик:

Главный обвинитель – Р. А. Руденко, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант).

Заместитель Главного обвинителя – полковник юстиции Ю. В. Покровский.

Помощники Главного обвинителя:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря.

Полковник юстиции Д. С. Карев.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) М. Ю. Рагинский.

Старший советник юстиции (полковник) Л. Н. Смирнов.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) Л. Р. Шейнин.

Следственная часть:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Г. Н. Александров.

Полковник юстиции С. Я. Розенблит.

Старший советник юстиции (полковник) Н. А. Орлов.

Подполковник юстиции С. К. Пирадов.

От Соединенных Штатов Америки:

Главный обвинитель – судья Роберт Х. Джексон.

Заместители Главного обвинителя:

Полковник Роберт Стори, г-н Томас Додд, г-н Сидней Олдерман, бригадный генерал Телфорд Тэйлор, полковник Джон Харлан Эймен⁵, г-н Ральф Альбрехт.

Помощники Главного обвинителя:

Полковник Леонар Уилер, подполковник Уильям Болдуин, подполковник Смит Брокхарт, командор Джеймс Бритт Донован, майор Фрэнк Уоллис, майор Уильям Уолш, майор Уоррен Фарр, капитан Сэмюэл Гаррис, капитан Дрексел Шпрехер, капитан-лейтенант Уитней Харрис, лейтенант Томас Ламберт, лейтенант Генри Аттертон, лейтенант Брэди О. Брайсон, лейтенант Бернард Д. Мельтцер, доктор Роберт Кемпнер, г-н Вальтер Брудно.

От Великобритании:

Главный обвинитель – Генеральный прокурор Хартли Шоукросс.

Заместитель Главного обвинителя – королевский адвокат, член парламента сэр Дэвид Максвелл-Файф.

Главный консультант – помощник Главного обвинителя – королевский адвокат Джеффри Робертс.

Помощники Главного обвинителя:

Подполковник Дж. М. Дж. Гриффит-Джонс, полковник Г. Дж. Филлимор Майор, член парламента – Ф. Элвин Джонс, майор Дж. Харкурт Баррингтон.

От Франции:

Главный обвинитель – министр юстиции г-н Франсуа де Ментон (до января 1946 г.), г-н Огюст Шампетье де Риб (с января 1946 г.).

Заместители Главного обвинителя: г-н Шарль Дюбост, г-н Эдгар Фор.

Помощники Главного обвинителя, начальники отделов:

Г-н Пьер Мунье, г-н Шарль Жертоффер, г-н Дельфин Дебене.

Помощники Главного обвинителя:

Г-н Жак В. Герцог, г-н Генри Дельпеш, г-н Серж Фюстер, г-н Констан Катр, г-н Генри Моннерей.

Каким бы великим, историческим ни был суд в Нюрнберге, он не был избавлен от прозы жизни. Перед началом процесса вдруг выяснилось, что средства оргтехники советской делегации находятся на уровне наркома юстиции.

«Тов. Руденко! Прошу Вас сообщить тов. Рычкову (народный комиссар юстиции Н. Н. Рычков. – *Прим. авт.*), что присланные НКЮ машинки с русским шрифтом никуда не годны. Прошу, если возможно, захватить с собой несколько комплектов русского шрифта для машинок или выслать еще две машинки с русским шрифтом, а также направить двух машинисток. Отсутствие машинок и машинисток лишает возможности печатать материалы судебного производства».

Телеграфная просьба из Нюрнберга

⁵ Являлся начальником следственной части. – *Прим. авт.*

Глава 4

Вся бездна нацистского зла

Пока союзники готовились к процессу, в тюрьме ждали своей участи пойманные главари нацистов. Приходилось мириться с тем, что в списке арестованных главных фигур Третьего рейха были крупные изъятия. Ушел от судебной ответственности «наци № 1» – Адольф Гитлер, 30 апреля 1945 г. совершивший самоубийство в обреченном Берлине. За ним покончил с собой министр народного просвещения и пропаганды Геббельс, предварительно вместе с женой отравивший шестерых своих детей. В британском плену свел счеты с жизнью Гиммлер. Британский военный врач не успел извлечь из рта рейхсфюрера обнаруженную ампулу с ядом и через 12 минут констатировал смерть. Таинственно исчез соратник фюрера Борман. Только спустя годы выяснилось, что он был убит на улице во время бегства из имперской канцелярии.

Но и арестованных заправил Германии было немало. Были схвачены главный адмирал флота Дениц, в последние дни перед крахом назначенный Гитлером главой Третьего рейха, фельдмаршал Кейтель – начальник штаба Верховного главнокомандования, Риббентроп – министр иностранных дел, Штрейхер – «специалист по еврейскому вопросу» и другие фигуры из высших эшелонов власти.

Кто-то из арестованных некоторое время пребывал в плену представлений о собственном величии и рассчитывал если не на полную безнаказанность, то на особое к себе отношение. Рейхсмаршал Геринг, задержанный 9 мая 1945 г. американскими военными, настаивал на встрече с командующим оккупационными войсками США Дуайтом Эйзенхауэром и был удивлен, что генерал на его просьбу не отреагировал. Рейхсфюрер СС Гиммлер, скрывшийся было в потоке беженцев, при аресте 21 мая 1945 г. британцами сразу назвал свою фамилию, ожидая, видимо, почетных условий. За два дня он убедился, что поблажек не будет, и стал готовиться к самоубийству...

Сначала нацистские вожди содержались в американской тюрьме в селении Мондорф, на границе с Люксембургом, затем, 12 августа 1945 г., на двух транспортных самолетах их доставили в Нюрнберг.

Арестантский быт в Мондорфе все же не был тяжким. Но здесь они оказались в классической тюрьме, узнавая на собственном опыте, что значит лишиться прав и свобод и испытывать презрение окружающих в ожидании суда и приговора, который мягким быть не мог. Риббентроп похудел и стал похож на узника концлагеря, Кейтель потерял в весе 15 килограммов, на прежде непомерно тучном Геринге кожа повисла складками...

Никто не собирался создавать для высокопоставленных гитлеровцев комфортные условия. Престарелый Кейтель считал издевательством, что его вынуждают сидеть на табурете, а не на стуле со спинкой. Рацион был скудным, контакты с миром ограничены.

В одиночной камере тюремного блока Дворца правосудия, площадь которой составляла около 11 квадратных метров, на высоте среднего человеческого роста имелось окно, выходящее в тюремный двор. Окошечко в дверях было постоянно открытым – через него арестанту передавалась еда и осуществлялось наблюдение. В углу камеры был туалет, из мебели – кровать, жесткое кресло и стол. Разрешалось класть на стол семейные фотографии, бумагу, карандаши, табак и туалетные принадлежности. Остальное изымалось.

Ложиться на койку арестованный обязан был так, чтобы его голова и руки всегда оставались на виду. Нарушителя сразу будили. Ежедневный туалет (бритье безопасной бритвой) совершал проверенный парикмахер из военнопленных под наблюдением охраны.

Камеры освещались снаружи для исключения возможности самоубийства электрическим током. Орудием смерти могли стать осколки стекла, поэтому в окнах были одни

решетки без стекол, и по помещениям гуляли сквозняки. Очки арестованным выдавались только на определенное время, на ночь не оставались ни в коем случае.

Тщательные обыски происходили один-два раза в неделю. В банный день, полагающийся один раз в неделю, заключенные предварительно проходили осмотр в специальном помещении.

Начальник тюрьмы американский полковник Эндрус специально объявил, что жалобы на эти строгие и унижительные меры приниматься не будут: «...все протесты против условий вашего здесь содержания являются не только необоснованными, но и неправомерными. Ваше представление о собственном статусе ошибочно – вы не являетесь ни пленными офицерами, ни военнопленными... Вы представляете немногочисленную группу людей, которые... относились к международным договорам, как к никчемной «макулатуре», и полагали, что их можно использовать лишь для собственной выгоды и безнаказанно нарушать, когда дело касалось народов «неарийской расы»...» (*Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва. М.: Яуза, 2005. С. 289–290*).

Более того, тюремные условия становились все более жесткими. Во избежание попыток суицида были приняты дополнительные меры: вместо столов использовались картонные коробки, к окну разрешалось подходить не ближе чем на метр. Стулья в камеры ставили только днем, на ночь их изымали. Если арестованный пользовался расческой, карандашом или очками, то при этом обязательно присутствовал надзиратель.

19 октября 1945 г. каждому арестованному вручили под расписку обвинительный акт. Это был этапный момент, после которого все находившиеся под стражей перешли из категории интернированных в категорию обвиняемых. Тяжесть и масштаб инкриминируемых деяний произвели на бывших руководителей Германии сильное впечатление. Несмотря на все предосторожности, принятые в тюрьме, одному из обвиняемых, Роберту Лею, все-таки удалось покончить жизнь самоубийством. Итак...

Глава 5

Они все сказали – нет!

Первое судебное заседание Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников было открыто 20 ноября 1945 г. в 10 часов утра под председательством лорда-судьи Лоренса.

За день до этого его (заседание) пытались отложить. Виной тому была телеграмма из Москвы (она пришла 19 ноября). В ней сообщалось, что Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко заболел, а потому необходимо отложить начало процесса. На совещании требование советской делегации поддерживали французы, задетые отказом трибунала внести в список обвиняемых промышленника Альфреда Круппа. Заместитель Главного обвинителя от Франции Дюбост даже пригрозил, что Франция возьмет самоотвод, если процесс начнется без советского обвинителя. Англичане в этой ситуации объединились с американцами, требуя, чтобы Советский Союз официально объявил о том, что берет на себя ответственность за дальнейшие задержки. Масла в огонь подлил Главный обвинитель от США Джексон, который резко заявил, что Соединенные Штаты откроют процесс в намеченное время, даже если им придется это сделать в одиночку. Здесь уже возмутились не только французы, но и англичане. Джексон фактически сорвал совещание, поскольку поднявшийся шум и перепалка не позволили его продолжить.

Снова собрались вечером. Рассмотреть вопрос, что не разрешился днем. Французы стояли на своем: мол, если начнете процесс без советской делегации, мы возьмем самоотвод. Заместитель члена трибунала от обвинителей Великобритании Норманн Биркетт заметил, что если будет создан прецедент, то и в дальнейшем придется откладывать заседания в случае болезни судей или обвинителей.

Пререкания союзников прервало появление полковника Ю. В. Покровского, заместителя Р. А. Руденко, который объявил, что Главный обвинитель от СССР скоро прибудет в Нюрнберг. Он подчеркнул, что Роман Руденко должен присутствовать на открытии процесса лично, и отказался замещать его.

Что задержало прибытие Руденко? Пытался ли СССР сорвать процесс? Конечно, нет.

Но, зная о том, что все в СССР решалось с благословения И. В. Сталина, можно предположить, что, пока «отец народов» не утвердил стратегию, тактику и конкретные действия членов делегации на Нюрнбергском процессе, а подходил он к этому очень щепетильно и ответственно, Руденко оставался в Москве.

Обмен телеграммами между Р. А. Руденко и Ю. В. Покровским показывает, что советская сторона хотела ненадолго – на две-три недели – отложить открытие процесса. Покровскому, видимо, по неведению выступившему в печати против переноса срока, было высказано неудовольствие московских инстанций. Руденко, находясь в Москве, просил своего заместителя пока действовать через союзников: «...поддерживайте активно Джексона в вопросе отложения процесса». Усилия Покровского дали плоды: с переносом срока согласилась французская делегация. Однако Главного обвинителя от США Джексона «обработать» не удалось. Благо до конфликта не дошло – советская сторона успела решить все проблемы.

Зал на третьем этаже нюрнбергского Дворца юстиции, где предстояло вершиться правосудию, выглядел строго и даже мрачновато. И это было сделано специально. Как ранее отмечалось, помпезные люстры, которые раньше украшали помещение, теперь были заменены на обыкновенные светильники. В отделанном темно-зеленым мрамором помещении все окна были плотно зашторены, дневной свет в зал не проникал.

На возвышении был расположен стол для судей, за ним – большие государственные флаги СССР, США, Великобритании и Франции. Уровнем ниже – секретариат, еще ниже – стенографистки, столы сотрудников прокуратуры – справа за ними размещалась пресса.

Скамья подсудимых находилась слева от входа. Герман Геринг, «наци № 2», занимал самое видное место – в первом ряду справа, рядом с ним расположился Рудольф Гесс, демонстративно читавший пасторальные новеллы, далее – Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Ялмар Шахт. Во втором ряду – Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче.

За их спинами и по бокам стояли американские военные в белых касках, вооруженные пистолетами в белых лакированных кобурах, в руках – белые дубинки. Броскую экипировку военной полиции дополняли белые же пояса и гетры.

Впереди скамьи подсудимых располагались защитники в адвокатских мантиях.

Из числа нацистских лидеров, привлеченных к ответственности, всеобщее внимание привлекал Герман Геринг, второй после Гитлера человек в государстве. Он и здесь лидер, за что был окрещен «фюрером скамьи подсудимых».

Рейхсмаршал, прежде неимоверно тучный, сильно похудел, щеки обвисли, одежда висела на нем, как на вешалке. В Германии он был известен патологической страстью к нарядам. У него было тридцать мундиров, которые он придумал для себя. И на суде Геринг был одет необычно: серая куртка с желтыми кантами и золотыми пуговицами, с такими же кантами бриджи, заправленные в высокие сапоги. Он постоянно что-то писал, время от времени передавая листки через охрану своему защитнику. Иногда он отрывался от письма и что-то оживленно говорил Гессу, сидящему слева от него, затем снова принимался писать.

Гесс, бывший до перелета в Англию заместителем фюрера, был погружен в чтение книги. Он изображал человека, потерявшего память. Порой его мутный взгляд из глубоких, как норы, глазниц обходил зал, Гесс приподнимался, что-то начинал шептать Риббентропу и быстро смолкал, углубляясь в книгу.

Риббентроп все время сидел в излюбленной позе, скрестив на груди руки. Кейтель, в зеленом мундире без погон и наград, напряженно вытягивал шею, придерживая одной рукой наушники. Розенберг, задрав острый нос, вслушивался в реплики судей и обвинителей...

Кальтенбруннер на первом заседании отсутствовал, поскольку у него за два дня до этого произошло кровоизлияние в мозг. Семидесятипятилетний Густав Крупп был признан неподсудным по состоянию здоровья. Мартин Борман считался пропавшим без вести.

Все в зале суда говорило о хорошо продуманном порядке. Каждое место, включая места подсудимых, было радиофицировано, так что любое выступление можно было слушать по желанию на русском, английском, французском и немецком языках. Стенографистки менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня подготовить полную стенограмму заседания на четырех языках. Съемки судебного процесса велись через специальные застекленные проемы в стенах – чтобы не нарушать тишину.

Снаружи Дворец юстиции был окружен надежной охраной. Движение на близлежащих улицах было перекрыто, и по ним разезжали только патрульные американские танки.

В кратком вступительном слове председательствующий лорд Лоренс подчеркнул:

«...Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости».

Все находящиеся в зале прониклись исторической важностью события. Набежала мрачная тень на лица обвиняемых, которые до этого старались держаться непринужденно – переговаривались, писали записки адвокатам, делали записи для себя. Видно было, что предстоит большая и острая борьба. Никто из подсудимых не спешил с покаяниями. На вопрос председательствующего о признании их виновными все нацистские деятели ответили: «Нет».

Что ж, на то и суд, чтобы, исследовав все «за» и «против», дать им беспристрастную юридическую оценку.

Допросы подсудимых начались в феврале 1946 г. Среди них были весьма неглупые люди, с твердым характером, умелые демагоги. Словесные поединки с ними требовали большого напряжения. При всем том, что трибунал отстаивал правое дело и опыта судьям и обвинителям было не занимать, нацистские бонзы, в особенности такие, как Геринг, в некоторых случаях переигрывали их, ловили на ошибках, неточностях.

Тюремный доктор Гилберт, врач-психиатр, составил в помощь трибуналу любопытный документ, в котором отразил свои наблюдения над подсудимыми. Гилберт определил их коэффициенты умственного развития, важные черты характера и отношения друг к другу.

По мнению Гилберта, самый высокий IQ имел Шахт, самый низкий – Штрейхер. Гилберт считал, что Шпеер, Шахт, Фриче и, возможно, Франк будут свидетельствовать против Геринга. Поддержат Геринга Риббентроп и Розенберг. Кейтель и Ширах колеблются.

Штрейхера он определил как человека косного, одержимого навязчивыми идеями. Гилберт предположил, что он будет строить свою защиту, ссылаясь на духовное очищение, мировой сионизм, учение Талмуда.

Риббентроп – амбициозный эгоист и оппортунист. Можно было рассчитывать, что Нейрат, Папен, Шахт и Шпеер, если задать им правильные вопросы, будут «топить» Риббентропа.

Папен – учтивый, благоразумный, дальновидный. Враждебно относится к Герингу, Риббентропу, Розенбергу. Для получения показаний против них лучше не «давить» на Папена, а использовать перекрестные допросы.

Гесс пассивен, апатичен. Истерик с параноидальными отклонениями. От него можно ожидать чего угодно, в том числе рецидива амнезии. Лучше не подвергать его интенсивным допросам.

Кейтель имеет IQ почти такой же, как и Риббентроп. За внешней решительностью скрывается слабый характер. Наиболее серьезные показания против Кейтеля может дать Шпеер.

По мнению Гилберта, Йодль – один из немногих, кто занимает собственную позицию в вопросах морали и военного дела. При правильных вопросах Йодль может дать показания против Геринга, которого не любит за высокомерие и нажитое в военное время богатство. Из офицерской солидарности не даст показаний против Кейтеля.

Розенберг – философ-дилетант, слепой приверженец Гитлера. С ним нужно обращаться поостороже. Можно обвинить его в том, что он активно проповедовал идеологию, с помощью которой совершено множество злодеяний.

Ганс Франк страдает раздвоением личности, имеет скрытые гомосексуальные наклонности, что стало причиной проявлений садизма и мазохизма. Отдает себе отчет в том, что виновен и будет казнен. Неясно, как он будет вести себя при допросе.

Вильгельм Фрик – крайне эгоистичный субъект, для которого мораль и нравственность не существуют. Поведение спрогнозировать трудно.

Шахт – человек честолобивый и высокомерный. Кипит негодованием оттого, что оказался на скамье подсудимых вместе с приспешниками фюрера. Шахт сделал заявление о том,

что готовил покушение на Гитлера и в конце войны сам оказался в нацистском концентрационном лагере.

IQ Деница доктор Гилберт оценил чуть ниже, чем у Шахта. Он спокоен и уверен в себе, тюрьма его не сломила.

Редер болезненно чувствителен, раздражителен, склонен к фантазиям.

Глава 6

Побег в царство мертвых

Миллионы людей земли тогда хотели бы видеть на скамье подсудимых в Нюрнберге главного виновника трагедии XX века – фюрера Германии Адольфа Гитлера. Однако он избежал Суда народов, сведя счеты с жизнью во время штурма Берлина советскими войсками. Смерть от яда выбрали и некоторые его высокопоставленные приспешники. О других, например о Мартине Бормане, в то время достоверных сведений не было...

ГИТЛЕР Адольф (1889–1945) – фюрер и канцлер Третьего рейха. Участник Первой мировой войны – ефрейтор. С 1919 г. – член Рабочей партии Германии (ДАП), впоследствии, с 1920 г., – Национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП). Создал штурмовые отряды (СА) и охранные отряды (СС), предпринял в 1923 г. попытку государственного переворота – «Пивной путч». В тюрьме провел девять месяцев, где написал книгу «Майн кампф» («Моя борьба»). В 1930 г. НСДАП становится второй по величине партией в стране, получая финансовую поддержку промышленников. С 1933 г. – канцлер. В 1934 г. объединил посты канцлера и президента, объявив себя фюрером. Внутри страны проводил политику репрессий. На международной арене сделал ставку на агрессию (выход из Лиги Наций в 1933 г., создание вермахта в 1935 г., захват Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г., присоединение Австрии и захват Чехословакии в 1938 г., нападение на Польшу в 1939 г., оккупация Европы в 1940 г., нападение на СССР в 1941 г.). В развязанной им войне погибли десятки миллионов людей, в том числе мирных граждан. Огромные потери понесло хозяйство оккупированных территорий и стран. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. при взятии Берлина Советской армией. Труп Гитлера был облит бензином и сожжен во дворе имперской канцелярии.

Мероприятие «Архив»: окончательное решение по останкам Адольфа Гитлера

После войны циркулировало немало легенд о том, что обожженный труп принадлежал двойнику, а самому Гитлеру удалось скрыться. Время от времени появлялись «очевидцы», «встречавшиеся» с фюрером в разных уголках планеты.

На самом деле останки Гитлера были идентифицированы с абсолютной точностью, их тайно захоронили и перезахоронили на территории советских военных городков в Восточной Германии. Вместе с ними дважды предавались земле тела Евы Браун, Йозефа Геббельса, его жены Магды и шестерых детей. Второе захоронение было сделано 21 февраля 1946 г. в Магдебурге. В апреле 1970 г. захоронение вскрыли, и все останки были окончательно уничтожены.

Сов. секретно

Экз. №

Серия «К» _____

«УТВЕРЖДАЮ» _____

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АНДРОПОВ

26 марта 1970 года

ПЛАН

проведения мероприятия «Архив»

Цель мероприятия: изъять и физически уничтожить останки захороненных в Магдебурге 21 февраля 1946 года в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне ул. Клаузенерштрассе) военных преступников.

К участию в проведении указанного мероприятия привлечь: начальника ОО КГБ в/ч п/п 92626 полковника КОВАЛЕНКО Н. Г., оперативных сотрудников того же отдела... В целях осуществления мероприятия:

1. За два-три дня до начала работ над местом захоронения силами взвода охраны ОО КГБ армии установить палатку, размеры которой позволили бы под ее прикрытием производить предусмотренные планом работы.

2. Охрану подходов к палатке, после ее установления, осуществлять силами солдат, а в момент производства работ – оперсоставом, выделенным для проведения мероприятия «Архив».

3. Организовать скрытый пост для контрнаблюдения за близлежащим от места работы домом, в котором проживают местные граждане, с целью обнаружения возможной визуальной разведки. В случае обнаружения такого наблюдения принять меры к его пресечению, исходя из конкретно сложившейся обстановки.

4. Раскопки произвести ночью, обнаруженные останки вложить в специально подготовленные ящики, которые на автомашине вывезти в район учебных полей саперного и танкового полков ГСВГ в районе Гнилого озера (Магдебургский округ ГДР), где сжечь, а потом выбросить в озеро.

5. Исполнение намеченных планом мероприятий задокументировать составлением актов:

А) акт о вскрытии захоронения (в акте отразить состояние ящиков и их содержимого, вложение последнего в подготовленные ящики);

Б) акт о сожжении останков.

Акты подписать всем перечисленным выше оперативным работникам ОО вч пп 92626.

6. После изъятия останков место, где они были захоронены, привести в первоначальный вид. Палатку снять через два-три дня после проведения основных работ.

7. Легенда прикрытия: поскольку мероприятие будет осуществляться в военном городке, доступ в который местным гражданам воспрещен, необходимость объяснения причин и характера производимых работ может возникнуть только в отношении офицеров, членов их семей и вольнонаемных служащих штаба армии, проживающих на территории городка.

Существо легенды: работы (установка палатки, раскопки) производятся в целях проверки арестованного в СССР преступника,

по данным которого в этом месте могут находиться ценные архивные материалы.

8. В случае, если первая раскопка вследствие неточных указаний о местонахождении «Архива» не приведет к его отысканию, организовать командировку на место находящегося ныне в отставке и проживающего в Ленинграде генерал-майора тов. ГОРБУШИНА В. Н., с помощью которого осуществить мероприятия, предусмотренные данным планом.

Начальник 3 Управления КГБ

генерал-лейтенант Федорчук

20 марта 1970 г.

Ф. К-1ос, оп. 4, д. 98, л. 2–3

(подлинник)

Прах фюрера унесла река Бидериц

В течение ночи и утра 4 апреля 1970 г. оперативники вскрыли тайное захоронение «военных преступников» возле дома № 36 по Клаузеништрассе и обнаружили пять истлевших ящиков, «поставленных друг на друга накрест». Дерево сгнило и превратилось в труху, останки перемешались с грунтом. От тел детей почти ничего не осталось. По подсчету наиболее сохранившихся берцовых костей и черепов, в захоронении находилось 10–11 трупов. На другой день, 5 апреля, все тщательно собранные кости были уничтожены.

«Мероприятие» обошлось без чьего-либо нежелательного внимания. Наблюдение за близлежащим домом, в котором проживали немецкие граждане, не выявило «подозрительных действий с их стороны». Никак не отреагировали на секретную акцию и советские люди, находившиеся в военном городке: «...прямого интереса к проводимым работам и установленной на месте раскопок палатке не проявлялось».

После изъятия останков территорию привели в прежний вид...

Вх. № 1759

10.4.70

Совершенно секретно

Экз. единственный

Серия «К»

г. Магдебург (ГДР)

в/ч п/п 92626

5 апреля 1970 г.

АКТ

(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела... произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения

в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе).

Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга.

Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626

полковник Коваленко

Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626

(подписи)

5 апреля 1970 г.

Ф. К-1ос, оп. 4, д. 98, л. 7–8

(подлинник)

Часть 2

Горы фактов кричали о возмездии!

Глава 7

Это был «процесс документов»

Впереди было предъявление веских доказательств по всем пунктам обвинения – судебный марафон длиной в год, в ходе которого даже у людей безразличных либо прежде сочувствовавших нацизму не осталось сомнений в преступном характере как всей фашистской власти, так и ее руководства. Документов, показаний свидетелей, улик имелось огромное множество. Важно было правильно ими распорядиться, согласовав подходы представителей разных юридических систем.

Уставом и Регламентом трибунала были установлены следующие виды доказательств:

- а) показания свидетелей (устные и письменные);
- б) показания и объяснения подсудимых (устные и письменные);
- в) документы;
- г) вещественные доказательства.

Таким образом, Устав и Регламент трибунала почти целиком, за вычетом экспертизы, воспроизводили систему доказательств, принятую в советском доказательственном праве. Однако фактически на Нюрнбергском процессе применялась и экспертиза – судебно-психиатрическая и судебно-медицинская. Ходатайство защиты об экономической экспертизе было трибуналом отклонено.

Главную роль в работе трибунала играли трофейные документы. Преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью. Свидетельские же показания представляли ценность живого слова, когда речь шла о событиях большого политического масштаба или о конкретных фактах преступлений – военных и против человечности. Непосредственно в суде было допрошено 116 свидетелей и принято 143 письменных показания свидетелей, а документальных доказательств принято около 2500, то есть в десять раз больше.

Защита чаще, нежели обвинение, прибегала к свидетельским показаниям. На процессе было допрошено 33 свидетеля, вызванных обвинением, и 61 свидетель, вызванный защитой.

В обычном судопроизводстве свидетели именуются либо свидетелями обвинения, либо свидетелями защиты. На Нюрнбергском процессе порой бывало, что свидетель защиты в результате перекрестного допроса становился свидетелем обвинения. Яркий пример – допрос фельдмаршала Мильха.

Поскольку процесс был международным, возник вопрос о разных видах присяги. 21 ноября 1945 г., на второй день после открытия процесса, трибунал вынес дополнительное постановление о присяге, в котором указывалось: «Каждый свидетель должен быть приведен к своей национальной присяге по той форме, которая существует в его стране. В случае возражения, базирующегося на религиозных принципах, он может дать клятву в форме, приемлемой для трибунала».

Для свидетелей, признающих религиозную присягу, был выработан такой текст: «Клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне Бог!» Граждане СССР давали торжественное обещание: «Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торже-

ственно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавлять и не утаивать».

В этот же день со вступительной речью выступил Главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон. Затем выступили: 4 декабря 1945 г. – Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, 17 января 1946 г. – Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон. По договоренности с союзниками Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко выступал 8 февраля 1946 г., как бы резюмируя и давая правовые оценки событиям и фактам.

Но вернемся к документам. В качестве доказательств трибуналу были представлены:

- официальные правительственные документы – ноты, сообщения, доклады, отчеты, письма, донесения, телеграммы, тексты законов и постановлений, инструкции, приказы, директивы, протоколы, договоры, соглашения, декларации;
- личные письма и заявления;
- дневники и мемуары;
- записи публичных выступлений в рейхстаге, на съездах, собраниях, заседаниях, по радио;
- записи бесед;
- газетные и журнальные статьи, книги;
- географические карты, схемы, планы;
- кинокартины и фотографии;
- приговоры судебных органов.

Особую ценность, несомненно, представляли официальные немецкие документы. Их число было огромно. Только американцами было просмотрено более 100 тысяч материалов, отобрано до 4000 и 1400 представлено трибуналу в качестве доказательств.

Исходя из требования Устава о том, что суд не должен быть связан формальностями при приеме доказательств, трибунал допускал представление фотографий не только для идентификации, как было принято, например, в английском законодательстве, но в качестве самих доказательств. Советские обвинители предъявили суду многочисленные снимки, на которых запечатлены зверства гитлеровцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Многочисленные фотодокументы представила советская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Трибунал беспрепятственно принимал в качестве доказательств карты, диаграммы и схемы, изготовленные обвинением, а также документальные кинофильмы.

На судебном заседании демонстрировались кинофильмы, выпущенные в свое время гитлеровцами, и кинофильмы союзников. При демонстрации этих фильмов обвинители предоставляли доказательства достоверности кинолент: свидетельства об источнике фильмов, справки, при каких обстоятельствах киноленты были смонтированы, или удостоверения кинооператоров и лиц, монтировавших документальное кино.

На процессе в качестве доказательства применялась и экспертиза, как судебно-психиатрическая, так и судебно-медицинская. Например, судебно-медицинской экспертизе был подвергнут Крупп фон Болен унд Гальбах для выяснения, может ли он по состоянию здоровья предстать перед судом. Судебно-психиатрической экспертизе подвергли также подсудимых Гесса и Штрейхера. Оба они были признаны вменяемыми.

Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс документов. Именно документальные доказательства здесь были решающими. Союзники захватили важнейшие архивы гитлеровской Германии, например архив германского Генерального штаба со всей оперативной документацией, раскрывающей подготовку и развязывание войн.

Действующая с ноября 1942 г. в СССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщ-

ников внесла огромный вклад в доказательную документальную базу трибунала. В соответствии со ст. 21 Устава трибунала акты Чрезвычайной государственной комиссии подлежали принятию трибуналом без дальнейших доказательств. Уже сами по себе эти материалы представляли большую доказательственную ценность и обеспечивали поддержание обвинения от имени Союза ССР против главных немецких военных преступников. Аналогичные материалы представили Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Норвегия.

В распоряжении суда оказались огромные собрания немецких документов. Были захвачены правительственные и личные архивы некоторых главарей фашистской Германии, например: архив штаба оперативного руководства гитлеровского Верховного главнокомандования во Фленсбурге; архив Риббентропа; архив Розенберга (документы были замурованы в потайном хранилище в его замке в Баварии); архив Франка. 485 тонн архивов нацистского МИДа были захвачены 1-й американской армией.

Чтобы переработать такой массив материалов, был создан документальный отдел. Одно из отделений его собрало большое число официальных изданий с законодательными и ведомственными материалами, газет, публицистической литературы, принадлежавшей перу лидеров нацистской партии. Эти доказательства сыграли на процессе немаловажную роль. Другой отдел – допросный, его возглавлял полковник Эймен, – в составе группы следователей, их помощников, переводчиков и стенографов вел допросы обвиняемых и свидетелей.

Перед советским обвинением стояла задача максимального использования всех документальных материалов из найденных фашистских архивов. Для этого была создана следственная часть, в обязанность которой входила подготовка документальных доказательств, в том числе материалов из архивов, захваченных англо-американскими войсками, допрос обвиняемых и некоторых гитлеровских генералов и руководителей ведомств, которые на процессе фигурировали как свидетели.

Советские следователи обнаружили особо ценные документы, в частности подлинный план «Барбаросса». Существование этого плана предполагало наличие различного рода дополнительных документальных данных, которые гитлеровский Генеральный штаб должен был разрабатывать для реализации плана военного нападения на СССР. На поиски этих документов, перевод на русский язык и систематизацию были направлены большие усилия. Собирались материалы, подтверждающие виновность главных военных преступников по всем пунктам предъявленного им обвинения. Документы систематизировались по отдельным видам преступлений и по каждому из обвиняемых. Одновременно изучались протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, которые производились американскими следователями.

Кроме того, нашими следователями были допрошены почти все обвиняемые и значительное число свидетелей.

Допрос велся обязательно через переводчика и под стенограмму. По наиболее значимым вопросам стенограмма велась одновременно на русском и немецком языках. Расшифрованная немецкая стенограмма на следующий день давалась на подпись допрошенному и таким образом превращалась в официальный протокол допроса, имеющий силу судебного доказательства.

В составе советской делегации документы изучала специальная следственная группа во главе с государственным советником юстиции 3-го класса Г. Н. Александровым.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко назначил руководителем документальной части профессора Д. С. Карева, достойной помощницей которого на протяжении всего процесса являлась Татьяна Александровна Илерицкая. Такая же документальная часть была организована и в аппарате советских судей в Международном трибунале. Здесь систематизацией доказательств занимались майор юстиции А. С. Львов и Г. Д. Бобкова-Басова.

Форма не всегда дисциплинировала содержание

Особо хотелось бы остановиться на работе переводчиков. Это был сложный и ответственный труд. Ведь именно от умения квалифицированно, быстро и абсолютно адекватно перевести услышанное во многом зависел успех обвинения. Следует отметить, что синхронный перевод сразу на несколько иностранных языков начал применяться лишь в 40-х годах. Но только, пожалуй, после Нюрнбергского процесса, где он прошел серьезную обкатку, синхронный перевод вышел на широкую дорогу. Затем он был применен на Токийском процессе, а потом уже и в Организации Объединенных Наций.

Из воспоминаний советских переводчиков, участвовавших в Нюрнбергском процессе, видно, насколько непросто делались ими первые шаги. Сын одного из руководителей наших переводчиков – Илья Евгеньевич Гофман – любезно предоставил автору этого издания как документы того времени, так и рукописные мемуары своего отца, Евгения Абрамовича Гофмана, который с февраля 1946 г. возглавлял группу советских переводчиков в Нюрнберге. Вот что он пишет: «Впервые мне пришлось выступать в роли синхронного переводчика в 1946 году в Нюрнберге. Когда я направлялся в этот старинный город, приковавший в то время внимание миллионов людей всего мира, следивших за работой Международного военного трибунала, я не имел ни малейшего представления о задачах, которые мне предстояло выполнять. И вот я в мрачном сером здании Дворца юстиции. Видавший виды, дышащий Средневековьем, главный зал выглядит необычно...»

Дальше идет описание зала. Он детализируется Гофманом под углом зрения переводчика и, естественно, немного отличается от тех, которые ранее давались в научной и художественной литературе. И это неудивительно еще и потому, что он почти год сидел в метре от подсудимых. Если бы не высокая стеклянная перегородка, он мог бы рукой дотянуться до этих извергов.

Евгений Абрамович, в частности, пишет: «Слева, в два ряда, скамьи подсудимых, огороженные массивной дубовой оградой, справа, на возвышении, длинный судейский стол, в центре столы защитников и стенографисток, в глубине зала четыре стола обвинения от СССР, США, Англии и Франции, еще дальше места прессы, над которыми навис балкон для немногочисленных гостей. В левом углу мое внимание привлекло странное сооружение из стекла, похожее на соты из четырех ячеек с чернеющими за стеклом микрофонами. Это и были кабины переводчиков...»

Наибольший интерес в его воспоминаниях, конечно же, представляют истории, касающиеся непосредственной работы переводчиков. И вот как все тогда начиналось: «На другой день после приезда американцы, возглавлявшие группу переводчиков, устроили проверку новым переводчикам. Из зала в микрофон читался немецкий текст, который нужно было переводить на остальные рабочие языки (русский, французский, английский). Проверка прошла благополучно, и уже на другой день я сидел в кабине рядом со своими коллегами. Председательствующий предоставил слово немецкому адвокату, защитнику подсудимого гросс-адмирала Редера. На меня посыпался дождь юридических толкований различных законов, сформулированных в сложнейших синтаксических периодах. С огромнейшим трудом я продирался через эту чашу, старался ухватиться за малейшие проблески здравого смысла... Когда я вышел из кабины, в голове у меня был сплошной туман...»

Как же был организован синхронный перевод на Нюрнбергском процессе?

«Каждая делегация обеспечивала перевод на свой родной язык. Перевод на немецкий язык делали американские переводчики. В каждой из четырех открытых сверху кабин одновременно сидели переводчики с английского, немецкого и французского языков. На столе кабины, перед стеклом, за которым сразу же начинались скамьи подсудимых, был установ-

лен переносной микрофон, которым владел один из переводчиков, в зависимости от того, выступал ли оратор на английском, немецком или французском языке. Случалось и так, что за 6 часов работы французскому переводчику ни разу не пришлось произнести ни слова. Зато когда выступали подсудимые и их защитники, немецким переводчикам приходилось «жарко». Часто они работали без отдыха всю смену (1,5 часа), а когда один из коллег выбывал из строя по болезни, то и две и даже три смены... Непосвященного человека, входившего в зал, поражал многоголосый гул, доносившийся из кабин...»

Гофман уточняет, что среди иностранных переводчиков преобладали американцы. В основном это были «люди солидного возраста и с большим переводческим стажем. Значительная часть из них были эмигранты, проживающие много лет в Англии или США». При знакомстве они представлялись: «князь Серебрянников», «князь Васильчиков», «граф Толстой...».

В иностранных делегациях между синхронными и письменными переводчиками было проведено строгое размежевание. Синхронные переводчики не занимались письменными переводами, и наоборот. У нас же таких разграничений, судя по записям Евгения Абрамовича, не было. Ну это на работе и отношениях никак не сказывалось. Жили дружно. «По вечерам после работы и в перерывах между сменами мы сверяли свои стенограммы с оригиналами, правили их и считывали после перепечатки на машинке, переводили документы и речи, выступали в роли устных переводчиков при переговорах с представителями других делегаций. Так незаметно прошел почти год. Процесс закончился, но мы продолжали трудиться сначала в Нюрнберге, а затем в Лейпциге над обработкой стенограмм. Эта работа была завершена лишь в 1947 году».

Возвращаясь опять к работе трибунала, надо признать, что процесс не всегда шел ровно. Гофман вспоминал случаи, когда во время заседаний вдруг все стопорилось – переводчики (в основном американцы, наши, естественно, себе такого не позволяли) вскакивали, срывали с себя наушники, отказывались переводить. Заседание трибунала прекращалось. Происходило это в основном тогда, «когда оратор, несмотря на сигналы переводчиков, мчался, закусив удила... Оратору делалось внушение, он просил извинения у переводчиков», и трибунал опять продолжал работу.

Но были моменты и покруче. Однажды трибунал по вине «иностранных стенографисток» вообще несколько дней не заседал. «Стенографистки объявили забастовку, требуя повышения заработной платы». И их требования были частично удовлетворены...

Справедливости ради настало время сказать, что не все ладилось и в работе советской делегации. Прошли те времена, когда наши авторы идеализировали действия советских людей за рубежом, выставляя носителями отрицательных черт только граждан капиталистических государств. Представители же СССР, застегнутые на все пуговицы, делали все абсолютно верно. И им были чужды всякие человеческие слабости.

Видимо, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, члены советской делегации в Нюрнберге, как правило, показывались в военной форме, тогда как союзники – в штатском.

Видимо, считалось, что «форма дисциплинирует содержание».

Но люди – с Запада или с Востока – порой одинаково далеки от совершенства. Даже в Нюрнберг, несмотря на строгий отбор, в состав советской миссии попали офицеры не без недостатков. В связи с чем в достаточно слаженной работе нашей делегации порой возникали непредвиденные сложности, конфликты, иногда доходило даже до чрезвычайных происшествий. Так что форма не всегда дисциплинировала содержание...

Вот только один пример. Классическая ситуация соперничества в Нюрнберге однажды обернулась неприятными инцидентами. Следствием во время процесса занималась прокурорская группа во главе с Г. Н. Александровым. Она находилась в подчинении Главного

обвинителя от СССР Р. А. Руденко. Оперативные вопросы решала специальная бригада Главного управления контрразведки «Смерш». Руководил ею М. Г. Лихачев.

Между ними существовали трения. Некоторые работники группы питали подозрения друг к другу, обменивались упреками, а иногда дело заходило еще дальше. Как-то, еще до начала процесса, контрразведчики донесли в Москву, что Г. Н. Александров якобы «слабо парирует» антисоветские выпады обвиняемых. Александрову пришлось письменно оправдываться перед прокурором СССР Горшениным, что никаких выпадов со стороны обвиняемых ни против СССР, ни против него лично не было и что беспочвенные обвинения мешают работе.

Однако этим история не закончилась. Помощник Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнин, который в дальнейшем сам оказался подследственным в органах МГБ, в своих показаниях утверждал, что одной из причин его ареста стал именно конфликт с Лихачевым.

По свидетельству Шейнина, Лихачев с первых дней пребывания в Нюрнберге показал себя заносчивым человеком, чем вызвал к себе крайне негативное отношение окружающих. «И вот дошло до того, – писал Шейнин, – что Лихачев вовлек в сожительство молоденькую переводчицу, проживавшую в одном с нами доме, и она забеременела. Лихачев принудил ее сделать аборт и, найдя немца-врача, заставил его провести операцию, прошедшую неудачно».

8 декабря 1945 г. был смертельно ранен один из водителей советской делегации, дождавшийся своего начальника возле «Гранд-отеля». Поползли слухи о попытке покушения на Руденко, однако более вероятной целью был Лихачев. Миссия, возглавляемая им, проводила в Нюрнберге очень большую и весьма полезную работу. Были все основания считать, что кто-то хотел запугать контрразведчиков, одновременно устранив их руководителя.

Вот как вспоминала об этом эпизоде переводчица Лихачева О. Г. Свиридова: «Многие вечера мы проводили в ресторане «Гранд-отеля»... Однажды мы – а именно Лихачев, Гришаев, Борис Соловов и я – собрались, как обычно, поужинать в «Гранд-отеле», но у меня возникли какие-то дела, и я решила остаться дома.

Лихачев вместе с компанией поехал в Нюрнберг на очень заметном лимузине – на черно-белом «Хорьхе» с салоном из красной кожи, про который говорили, что он из гаража Гитлера. У Лихачева была привычка садиться впереди, справа от шофера. Не доезжая до «Гранд-отеля», Гришаев и Соловов попросили остановить машину, поскольку остаток пути решили пройти пешком. Поколебавшись несколько секунд, к ним присоединился и Лихачев.

Минутой позже кто-то в форме рядового американской армии рывком распахнул переднюю правую дверь остановившейся у «Гранд-отеля» машины и в упор выстрелил в шофера Бубена. Лично я считаю, что жертвой нападавшего должен был стать Лихачев, поскольку он наверняка думал, что Лихачев, как всегда, сидит на своем обычном месте. Смертельно раненный Бубен успел сказать: «В меня стрелял американец».

По словам Шейнина, о всем, что происходило в Нюрнберге, в особенности о скандале вокруг Лихачева, Руденко сообщил прокурору СССР Горшенину, в то время находившемуся в Нюрнберге, Горшенин передал информацию в ЦК партии и начальнику «Смерша» Абакумову. Лихачева отозвали из Нюрнберга и посадили на десять суток под арест.

По прошествии времени Лихачев стал заместителем начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР и, занимаясь делом Еврейского антифашистского комитета, выместил зло на Шейнине, выбив на него, как считал сам Шейнин, компрометирующие показания, после чего он был арестован.

Правда, и Лихачев вскоре превратился из охотника в дичь. В декабре 1954 г. он вместе с Абакумовым и другими руководителями МГБ СССР за допущенные злоупотребления был осужден и расстрелян.

К сожалению, это был не единственный драматический эпизод в работе советской делегации. 22 мая 1946 г. в своем номере был найден мертвым помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Николай Дмитриевич Зоря. По поводу его смерти по сей день существует несколько версий. Официальная – неосторожное обращение с оружием. Ее пока никто доказательно не опроверг. Сын Зори, Юрий Николаевич, при жизни высказывал автору этой книги сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время она не была тщательно расследована.

Напряженно работала советская делегация на Нюрнбергском процессе. Ее руководителям все время приходилось держать «руку на пульсе». Особенно велика была степень ответственности Р. А. Руденко. Ему приходилось скрупулезно вникать не только в процессуальную составляющую рассматриваемого трибуналом дела, детально изучать документы, готовиться к выступлениям, но и организовывать всю работу нашей миссии, улаживать возникающие вызовы и угрозы, решать задачи и проблемы, которые могли иметь большой международный резонанс. И такие проблемы возникали постоянно. И не только внутри нашей делегации...

20 ноября 2006 г. на Международной научной конференции, посвященной 60-летию Нюрнбергского процесса, проходившей в Академии наук Российской Федерации, профессор Джон К. Баретт⁶ вспоминал, как «однажды зимним вечером американские солдаты вытащили из советского грузовика, который доставлял к зданию суда захваченные документы нацистов, и сожгли их, чтобы согреться...».

Случай, конечно, не только интересный, но и возмутительный. Однако еще более интересно было узнать о реакции на этот произвол Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Романа Андреевича Руденко. Как повел он себя в этой ситуации? Ведь речь шла о документах, которые, как раньше было уже отмечено, играли весьма важную роль в системе выстраивания доказательств обвинения против нацистских преступников и их обличения в совершенных злодеяниях.

Назревал большой скандал. Джексон нервничал. Руденко, напротив, спокойно разбирался с ситуацией. Вероятно, советовался с Москвой. И когда он понял, что сожженные документы не представляют особой ценности, ему достало мудрости, чтобы не раздувать пламя ссоры, и благородства, чтобы не портить нервы своему коллеге. Хорошо понимая, что Джексон переживает по поводу случившегося, Руденко по-мужски и весьма дипломатично успокоил его, доброжелательно сказав: «Мы можем забыть об этом инциденте». Джексон был приятно удивлен. После этого случая отношения между двумя прокурорами стали более доверительными. И как ответственно заметил Джон Баретт во время беседы, состоявшейся у меня с ним в кулуарах конференции, «Джексон тепло и искренне относился к Руденко и симпатизировал представителям СССР...». Он также «уважал завершающее заявление, которое сделал Советский Союз в конце процесса».

Представляется, что это были не пустые слова. В своих мемуарах Джексон действительно записал: «Несогласие представителей СССР с оправданием Шахта, фон Папена и Фриче и то, что нам не удалось объявить генералитет и Верховное командование преступниками, является сдержанным, но значимым мнением, которое не только не ослабляет, но подтверждает правовые принципы, изложенные в приговоре трибунала».

⁶ Профессор права, Школа права Университета Св. Иоанна, Куинс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки (www.law.stjohns.edu).

Глава 8

О тех, кто обвинял и судил нацистов

О Нюрнбергском процессе, его обвиняемых, а также судьях и обвинителях со стороны США, Великобритании, Франции написано за рубежом много статей и даже книг, благодаря которым участники суда превратились в своих странах в главных действующих лиц и героев Суда народов. Они этого достойны. Но ведь в работе трибунала по изобличению нацистских преступников участвовали не они одни. Пора восстановить историческую справедливость и более подробно рассказать о судьбах тех, кто представлял в Международном военном трибунале Советский Союз. О них почти ничего не известно. А ведь эти люди внесли немалый вклад и в работу трибунала, и в укрепление правопорядка в нашем Отечестве.

В первую очередь это касается Романа Андреевича Руденко. Конечно, он был продуктом сложной исторической эпохи. И не только он... Но ведь, как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают».

Главный обвинитель от СССР

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – государственный и общественный деятель, действительный государственный советник юстиции.

Р. А. Руденко, долгие годы находившегося на посту Генерального прокурора СССР, называли человеком блестящей карьеры. Ведь роль Главного обвинителя в Международном военном трибунале, которую он исполнил с блеском и достоинством, во многом предопределила его судьбу. Советская пресса периода перестройки утверждала, что Руденко был облакан властью. Еще до войны ему, молодому и способному юристу, явно благоволили такие видные политические деятели, как Н. С. Хрущев и А. Я. Вышинский.

Однако ни в одном официальном документе или публикации не сообщалось о том, что всего за шесть лет до Нюрнбергского процесса будущий Главный обвинитель попал в такую ситуацию, что не знал, чем и когда закончится его жизнь.

В работе прокуратуры Сталинской области, которую он возглавлял, были выявлены недостатки. В основном речь шла о том, что областная прокуратура надлежащим образом не реагировала на заявления граждан. Руденко получил партийный выговор и был снят с должности. По тем временам, а это случилось в 1940 г., нужно было ждать ареста и более суровых мер.

Рассчитывать на помощь покровителей не приходилось. Руденко знал недавнюю историю П. Н. Малянтовича – последнего генерал-прокурора во Временном правительстве Керенского, подписавшего в 1917 г. постановление о задержании Ленина по делу о шпионаже. Ранее Малянтович был адвокатом и очень самоотверженно защищал в суде социал-демократов. В помощниках его ходили А. Я. Вышинский и А. Ф. Керенский. Вышинский считал Малянтовича своим учителем, до революции бывал у него дома и даже столовался.

После ареста Малянтовича его жена, Анжелика Павловна, не раз обращалась к Вышинскому, доказывая, что муж ни в чем не виноват. Но высокопоставленный ученик ничем не помог учителю и даже не сообщил Анжелике Павловне о его расстреле.

Более года Руденко был без работы, находясь в постоянном плену тягостных мыслей, однако духом не пал и использовал это время для продолжения образования. Начавшаяся война, видимо, списала его грехи, и Роман Андреевич был вновь востребован на профессиональном поприще.

Назначение прокурора Украины, имевшего «черную метку» в биографии, Главным обвинителем от СССР было неожиданным и стремительным взлетом к вершине мировой

юриспруденции. Оно вовсе не вытекало из логики тогдашнего мышления. Можно представить волнение и трепет Романа Андреевича, которому предстояло выполнить историческую миссию.

Родился он 17 (30) июля 1907 г. в селе Носовка Черниговской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Кроме Романа у родителей было еще пятеро сыновей: Николай, Иван, Федор, Петр и Антон, а также две дочери – Нина и Надежда. До революции его отец имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить большое семейство, работал по найму, в основном плотничал, а мать, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. После Октябрьской революции Андрей Руденко получил от советской власти немного земли, но семья жила так же трудно. В 1929 г. вступили в колхоз.

Роман рос сметливым и бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище «ватажок». Окончив в 1922 г. школу-семилетку в Носовке, работал в родительском крестьянском хозяйстве, летом пас скот по найму. В 1924 г. поступил на сахарный завод чернорабочим, на предприятии стал комсомольским активистом.

Старший брат, Николай Андреевич, рассказывал автору этой книги, что еще в детские и юношеские годы Роман имел неумную тягу к знаниям, отмечал его собранность и дисциплинированность. Видимо, именно эти черты характера позволили ему пройти путь от чернорабочего до Генерального прокурора СССР и Главного обвинителя от Советского Союза в Международном военном трибунале.

В декабре 1925 г. Романа Руденко избрали членом Носовского райкома комсомола. На пленуме райкома он вошел в состав бюро и стал штатным комсомольским работником, заведующим культурно-пропагандистской деятельностью. Одновременно работал инспектором в райисполкоме. После вступления в партию (декабрь 1926 г.) возглавил райотдел культуры.

Следующим шагом была должность инспектора окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции в городе Нежине. Здесь Руденко познакомился с юриспруденцией, выступая общественным обвинителем в суде, приобрел и журналистский опыт, сотрудничая с местными газетами.

Плоть от плоти крестьянин, Роман Андреевич безоговорочно разделял политику большевистской партии, и, как сам писал в анкетах, у него «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, и партийные комитеты их нещадно эксплуатировали, бросая на самые трудные участки работы. Так произошло и с Руденко.

В 1922 г. была образована советская прокуратура. Она остро нуждалась в кадрах. Грамотных людей в стране было не так уж и много, а юридически подкованных – тем более. В ноябре 1929 г. окружной комитет партии принял решение о мобилизации молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он оказался в должности старшего следователя окружной прокуратуры в Нежине.

Руденко оказался из тех, кто схватывает все на лету, и через семь месяцев его перевели помощником окружного прокурора в Чернигов. А спустя еще четыре месяца Роман Андреевич в возрасте 23 лет возглавил Бериславскую районную прокуратуру в Николаевской области.

Росту способствовали незаурядные личные качества Руденко – высокая работоспособность, вдумчивость, принципиальность, умение отстаивать свою точку зрения. Окружающим были симпатичны его скромность, доброжелательность, умение располагать к себе, создавать теплую обстановку в коллективе.

Быстрое выдвижение способных людей было характерной чертой того бурного времени. В 1931 г. Руденко – помощник Мариупольского городского прокурора. В 1932 г. – старший помощник областного прокурора в Донецке. В 1933 г. – прокурор города Макеевка... В конце 1937 г. мы видим его на посту прокурора Донецкой области, а затем, после разделения ее на Сталинскую и Ворошиловградскую, – прокурором Сталинской области.

Роман Андреевич стал заметной политической фигурой. В 1939 г. он присутствовал с правом совещательного голоса на XVIII съезде ВКП(б). Его знал и ценил Н. С. Хрущев, избранный в феврале 1938 г. первым секретарем ЦК компартии Украины.

Роман Андреевич был на особом счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 г. встал вопрос о назначении нового Прокурора СССР, Вышинский, уходящий на должность заместителя председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать толкового областного прокурора, и назначение тогда не состоялось.

Однако очень скоро перспективного прокурора постигло увольнение, о котором упоминалось выше. Проведенная в 1940 г. проверка выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. о перестройке работы по надзору за органами НКВД установила, что прокурор Сталинской области этого постановления не выполнил. Например, спецотдел прокуратуры оказался неукomплектованным – вместо пяти человек по штату работали только двое. Также на день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали, по существу, не разрешенными с 1939 г. Отдельные жалобы волочились с 1938 г. Истребованные еще в январе 1940 г. из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Не будем искать у этой проверки двойного дна – скорее всего, эти недостатки действительно были. Прокурора области, которому было от роду 33 года, сняли с работы и объявили выговор по партийной линии. Решение об этом принималось в Москве. Заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Бакакин и инструктор управления кадров Гришин подписали заключение, в котором было предложено ЦК КП(б) Украины и Прокуратуре СССР освободить Руденко от занимаемой должности. В августе 1940 г. такое решение состоялось. Обычно в те годы увольнением дело не заканчивалось, и за ним вполне мог последовать арест.

Надо полагать, много бессонных ночей провел тогда Роман Андреевич, тем не менее устоял и даже не оставил мыслей продолжить прокурорскую службу. Правда, об этой горькой странице своей жизни он никогда и никому не говорил. 15 сентября 1940 г. Роман Андреевич стал слушателем Высших академических курсов Всесоюзной правовой академии. Одновременно его зачислили в экстернат Московской юридической школы Наркомата юстиции РСФСР. Таким образом, учиться ему пришлось на «два фронта».

Выпускные экзамены на Высших курсах совпали с началом Великой Отечественной войны. Свидетельство об окончании курсов Руденко получил 27 июня 1941 г. Оценки почти по всем предметам у него были отличные. А еще через три дня, 1 июля, Роман Андреевич успешно выдержал экзамены в юридической школе. В том же 1941-м Руденко поступил на экстернат Московского юридического института, однако продолжить учебу помешала война.

26 июня 1941 г. судьба вновь улыбнулась Руденко. Приказом Прокурора СССР он назначается начальником отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами милиции. В коллективе Роман Андреевич прижился довольно быстро. Сослуживцы уважали его за выдержанность, спокойствие и трудолюбие. В Москве Роман Андреевич оставался до начала весны следующего года.

В феврале 1942 г. встал вопрос о направлении Руденко в Прокуратуру Украинской ССР на должность заместителя Прокурора республики вместо Ф. А. Беляева, поставленного Прокурором Узбекской ССР. Наверное, это было сделано не без инициативы тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Украины Н. С. Хрущева, хотя официально вопрос согласовывался с секретарем республиканского ЦК Спиваком. 25 февраля 1942 г. Прокурор СССР В. М. Бочков обратился с соответствующей просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. В союзном ЦК партии не возражали, и 12 марта 1942 г. Бочков издал приказ о назначении Руденко заместителем Прокурора Украинской ССР по общим вопросам.

Аппарат Прокуратуры Украины, большая часть территории которой была оккупирована, располагался в то время в Ворошиловграде. При невеликом штате – всего 23 человека вместе с техническими работниками – задач по прокурорскому надзору непочатый край: выполнение оборонных заказов, ремонт боевой техники, строительство оборонительных сооружений и т. д. В числе главных направлений работы было также укрепление трудовой дисциплины и предупреждение эпидемических заболеваний. Работникам прокуратуры приходилось выезжать в прифронтовые районы, помогать районным прокурорам. Добираться до места обычно приходилось на попутных машинах, а то и пешком.

В конце июля 1942 г. военная обстановка осложнилась и советские войска полностью оставили Украину. На территории РСФСР продолжила деятельность оперативная группа Прокуратуры республики во главе с исполняющим обязанности Прокурора Украины Р. А. Руденко.

В 1943 г. началось освобождение украинской земли, которое было завершено в октябре 1944 г. Оперативной группе Прокуратуры УССР предстояло восстановить все звенья прокурорского надзора. В начале 1943 г. группа базировалась в очищенных от врага районах Ворошиловградской области, затем – Харьковской, а с августа 1943 г. – в самом Харькове.

23 июня 1943 г. Р. А. Руденко назначается на пост Прокурора Украинской ССР, сменив Л. И. Яченина, находившегося в Красной армии на должности прокурора фронта.

Забот у руководителя прокуратуры второй по величине советской республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Прокурорский надзор был направлен на выполнение директив правительства о восстановлении народного хозяйства, соблюдение прав военнослужащих и членов их семей, инвалидов войны, трудящихся предприятий и колхозов, борьбу с детской беспризорностью. Р. А. Руденко лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинств и террора нацистов против мирных жителей. Собранные по этому вопросу материалы передавались в созданную правительством СССР Чрезвычайную государственную комиссию.

Незадолго до освобождения Киева, 4 октября 1943 г., Руденко своим приказом создал специальную группу. В приказе говорилось: «1. Группе войти в Киев в день его освобождения. 2. Под руководством и при содействии партийных и советских органов обеспечить соблюдение в нем социалистической законности и советского правопорядка».

Прокуроры вошли в город 6 ноября, вслед за боевыми порядками войск. Член группы К. Н. Гавинский вспоминал: «...Оставив позади пылающую Дарницю, наша группа вышла к Днепру. Нашли лодку без весел и поплыли по течению, подгребая к правому берегу обломком доски. Нас снесло к разрушенному мосту. По его фермам добрались до берега. Среди руин Крещатика шла узкая тропа. По безлюдным улицам, промокшие и озябшие, но бесконечно счастливые, мы вышли на площадь Калинина.

Было шесть часов вечера. Неожиданно из репродуктора, установленного воинской частью на одной из стен полуразрушенного здания городского Совета, раздался голос диктора: «От Советского информбюро...» Прозвучало сообщение об освобождении Киева.

На следующий же день мы приступили к делу. Прежде всего установили связь с прибывающими в город партийными и советскими работниками. Каждый из нас, возглавив одну из прокуратур района, обязан был немедленно организовать ее деятельность».

Следом в столицу республики, еще дымящуюся военными пожарами, переместился Р. А. Руденко и весь аппарат прокуратуры.

Гавинский рассказывал автору книги, что Роман Андреевич проявил тогда большие организаторские способности и умение работы в экстремальных условиях. Был очень доступным для общения руководителем и исключительно трудоспособным человеком. Все вопросы решал быстро, четко и профессионально.

В начале 1944 г. на освобожденной территории Украины уже действовала 321 районная прокуратура. Кадры собирались по всей стране. По состоянию на июнь 1944 г. в распоряжение Прокурора УССР прибыло две тысячи человек. Их, конечно, было недостаточно, и по распоряжению Р. А. Руденко в шести городах были созданы краткосрочные юридические курсы.

Профессионал своего дела, он часто выступал в судах в качестве государственного обвинителя, в том числе и в Москве. Например, с 20 по 22 июня 1945 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других (всего 15 человек), руководивших польским подпольем в тылу Красной армии (так называемой Армией Крайовой). В ходе террористической деятельности этой «армии» только с июля 1944-го по май 1945 г. было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров.

Основным обвинителем был утвержден Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал Прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Процесс был громким, его широко освещала советская и зарубежная пресса, некоторые заседания транслировались по радио на всю страну. Роман Андреевич показал себя на процессе настойчивым и находчивым обвинителем, ярким, красноречивым оратором, что было замечено вождем и сыграло роль при его назначении в Нюрнберг Главным обвинителем от СССР.

Надо сказать, Прокурор Украинской ССР блестяще справился с трудной задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе – ярчайшая страница в его биографии.

Он прославился как юрист высочайшей квалификации, человек твердых принципов, великолепный оратор. Стиль допроса Руденко отличался наступательностью, в нем преобладавала четкая аргументация и убийственная логика преподнесения факта, которую невозможно опровергнуть.

Характерную деталь привел участник Нюрнбергского процесса А. Полторак. Он писал: «Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приему, для того чтобы посеять рознь между обвинителями четырех держав. Держась в рамках судебного приличия в отношениях с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора. Как только Руденко начал вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжалось это недолго. Стоило только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхсмаршала сдали нервы, он быстренько опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббентропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего министра иностранных дел и лаконично подвел итог: «С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломлен».

«С не меньшим основанием, – писал А. Полторак, – Риббентроп мог сказать это и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на свое место после допроса советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился нелепый слух, будто Руденко, возмущенный в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста № 2. 10 апреля 1946 г. об этом даже сообщила газета «Старз энд страйпс». Такая дичайшая газетная «утка» многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: «Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось от пулеметной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя...»

Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и слышал весь мир. Его выступления вошли в учебники для юридических вузов как образцы доказательности, логики и ораторского искусства.

Заключительную речь Главный обвинитель от СССР Руденко произносил два дня, 29 и 30 июля 1946 г. Конечно, эта речь – коллективное творчество советской делегации, но произнес ее Роман Андреевич мастерски. Об этом единодушно говорят все очевидцы событий тех лет.

30 августа 1946 г. Руденко произнес заключительную речь по делу преступных организаций. В конце ее Руденко сказал: «Обвинение выполнило свой долг перед Высоким Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов – Суд справедливый и суровый!»

После завершения Нюрнбергского процесса Роман Андреевич продолжал руководить Прокуратурой Украинской ССР, по праву считаясь одним из лучших юристов страны.

В начале 50-х гг. должность Генерального прокурора СССР занимал Г. Н. Сафонов, который не пользовался большим уважением у руководства страны. Великолепный практик и исполнитель, он был хорош на вторых ролях, а вот обязанности первого лица были для него трудны. Претензии к Сафонову накапливались, но он оставался на своем посту. Ход событий ускорил арест Берии, произведенный группой высокопоставленных военных на заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 г.

У Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова, вершивших тогда дела в стране, возникла необходимость в авторитетном и умелом прокуроре, облеченном должностью союзного масштаба. В Москву был срочно вызван Прокурор УССР Руденко.

В воспоминаниях Хрущева об этом сказано так: «Тут же мы решили, назавтра или послезавтра, так скоро, как это было технически возможно, созвать пленум ЦК, где и поставить вопрос о Берии. Одновременно было решено освободить Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, что он может объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили товарища Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии».

Роман Андреевич отправился в Москву из Киева 29 июня 1953 г. Скорее всего, в тот момент он еще не знал о цели вызова. В командировочном удостоверении было указано, что он едет в столицу «по служебным делам» на семь дней. Однако недельная командировка растянулась на 27 лет напряженной работы на посту главного законника страны.

События развивались с ошеломительной скоростью. В тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС Руденко был утвержден Генеральным прокурором СССР вместо смещенного Сафонова. 29 июня вышел соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. На том же заседании Президиума ЦК было принято Постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии».

Ведение следствия поручалось Руденко. Ему предлагалось в суточный срок подобрать следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний», к выявлению и расследованию «фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)».

1 июля 1953 г. работников Прокуратуры СССР срочно собрали в Мраморном зале. Перед ними появился Р. А. Руденко – один, без обычного в таких случаях представителя ЦК, и объявил, что он назначен Генеральным прокурором.

Следственная работа закипела. Однако, как в былые времена крупных сталинских процессов, ей была свойственна заданность. Еще до начала следствия были опубликованы партийные и государственные решения по делу Берии, в которых он уже был назван преступником. Следствию, а затем и суду лишь предстояло облечь в юридическую «упаковку»

партийные и советские директивы. Вновь назначенный Генеральный прокурор при всем желании не смог бы сломать этот порядок вещей.

Нарушений юридических норм и традиций было немало. Проект обвинительного заключения рассматривался и дорабатывался не в прокуратуре, а на заседании Президиума ЦК. Более того, «для усиления партийного влияния» к шлифовке этого документа был представлен секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов. Кандидатов в состав специального присутствия Верховного суда СССР был обязан предложить Р. А. Руденко, то есть прокурору предстояло определить судей по делу, по которому он вел следствие. Вдобавок Президиум ЦК решил, что дело Берии и его соучастников должно рассматриваться в закрытом судебном заседании, без участия сторон, то есть на него не допускались ни обвинители, ни защитники.

Из восьми назначенных судей только двое имели отношение к органам юстиции – первый заместитель председателя Верховного суда СССР и председатель Московского городского суда Л. А. Громов. Остальные являлись партийными и профсоюзными функционерами, военными. Один судья – К. Ф. Лунев – был первым заместителем министра внутренних дел СССР.

Генерал армии Москаленко, участвовавший в аресте Берии, оказался в нескольких ипостасях. Он был в составе следственной бригады, затем оказался в числе судей и, наконец, участвовал в расстреле Берии. Чтобы один и тот же человек арестовывал, вел следствие, судил и приводил приговор в исполнение – такого не случалось даже во время репрессий 1930-х гг.

Все преданные суду лица обвинялись по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за государственные преступления (измена Родине, совершение террористических актов, активная борьба против рабочего класса и революционного движения и т. д.). Судебное заседание открылось 18-го и закончилось 23 декабря 1953 г. вынесением смертного приговора всем подсудимым. В день окончания суда приговор был приведен в исполнение в присутствии Генерального прокурора СССР.

Далее Роману Андреевичу пришлось заняться и другими одиозными материалами. Именно ему поручили провести следствие по делу В. С. Абакумова, бывшего министра государственной безопасности СССР, инициатора так называемого «Ленинградского дела». Подход к нему также трудно назвать правовым. На заседании Президиума ЦК КПСС 15 сентября 1954 г. был фактически предрешен приговор, утверждена судебная коллегия.

Судя по всему, Генеральный прокурор в какой-то степени действовал в той же системе координат, поскольку выступал за слушание дела Абакумова в закрытом судебном заседании (как и дела Берии), однако его предложение не прошло.

На суде, начавшемся 14 декабря 1954 г., Абакумов виновным себя не признал, утверждая, что дело его сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым. Тем не менее Абакумов и некоторые его соучастники были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. Абакумову даже не дали возможности его обжаловать.

В 1955–1956 гг. Руденко участвовал и в процессах над бывшими грузинскими «друзьями» Берии – Рапавой, Рухадзе, Церетели, Савицким, Кримяном, Надария, Хазаном и Парамоновым, а также «соратником» Берии – бывшим первым секретарем ЦК компартии Азербайджана и председателем Совета министров республики Багировым. Вместе с Багировым на скамье подсудимых оказались еще пятеро руководителей органов внутренних дел Дагестана, Армении и Азербайджана.

Однако времена менялись, и Р. А. Руденко чувствовал императив к приоритету права. Роман Андреевич начал постепенно расчищать авгиевы конюшни, в которые фактически превратились органы правопорядка, да и сама законность в стране. Именно Руденко осуществил мероприятия по восстановлению в своих правах прокурорского надзора после долгих

лет диктатуры и произвола. И не просто восстанавливал, а создавал гарантии социалистической законности, соответствующей духу перемен.

Он подчеркивал обязательность советских законов для всех, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, неразрывную связь законности с культурностью. Эти идеи он проводил в жизнь, конечно, в тех пределах, которые допускались руководством страны. Однако и в этой ситуации перемены к лучшему были хорошо заметны. Например, при нем в центральном аппарате появилась стабильность кадров – чехарда, свойственная предыдущим годам, исчезла.

Ранее безликие и, по существу, бесправные прокуроры стали наиболее активными проводниками социалистической законности. Слово «закон» стало, наконец, употребляться в связке с такими понятиями, как справедливость, порядочность, честность. Началось постепенное, пока еще медленное и нерешительное, исправление недостатков и преступлений, имевших место в сталинское время.

Одной из причин произвола при расследовании преступлений, пусть не главной, был низкий уровень следственной работы, недостаточная квалификация следователей. Приказ Руденко «О мероприятиях по повышению квалификации следователей органов прокуратуры» от 14 октября 1953 г. был одной из его первых директив. По всей стране началась учеба кадров, улучшалось техническое оснащение следствия.

После июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС повеяло «оттепелью» и какой-то, пусть урезанной, ограниченной определенными рамками, но все же свободой. Прежде всесильные органы внутренних дел и государственной безопасности были поставлены в рамки закона и играли уже не ту роль, что прежде, в жизни общества. Восстанавливались в своих правах суды и прокурорский надзор. Внесудебные расправы ликвидировались.

Вскоре после назначения Генеральным прокурором Р. А. Руденко подписал первые документы, касающиеся реабилитации лиц, невинно привлеченных к уголовной ответственности. Раньше другая справедливость была восстановлена в отношении высшего командного состава Красной армии. 19 марта 1954 г. Руденко, министр внутренних дел Круглов, председатель КГБ Серов и министр юстиции Горшенин направили в Президиум ЦК записку с предложением образовать Центральную комиссию по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах (467 946 человек) и находящихся в ссылке на поселении (62 462 человека). Кроме Центральной, предлагалось создать соответствующие комиссии в республиках, краях и областях. 4 мая 1954 г. такие комиссии были образованы и вскоре приступили к работе.

Первая кампания по пересмотру дел была довольно осторожной. Примерно каждый второй из осужденных получал отказ в реабилитации. Характерен такой пример. Поэтесса А. А. Ахматова обратилась к К. Е. Ворошилову с просьбой пересмотреть дело ее сына, Льва Николаевича Гумилева, молодого ученого-востоковеда, вторично арестованного органами МГБ СССР в 1949 г. и приговоренного особым совещанием к 10 годам лишения свободы. На письме имеется резолюция Ворошилова: «Руденко Р. А. Прошу рассмотреть и помочь». Тем не менее в своей записке на имя Ворошилова Руденко сообщил, что Гумилев занимался антисоветской деятельностью, осужден правильно и что Центральная комиссия по пересмотру дел 14 июня 1954 г. приняла решение отказать Ахматовой в ее ходатайстве.

Но тенденция к расширению процесса реабилитации была очевидной. Р. А. Руденко подчеркивал: «Всем нам придется столкнуться с тем, что оценки некоторых событий и их участников, казавшиеся неизменными, нужно будет пересмотреть. Сделать это надо во имя истины, справедливости и правды истории».

Важно было также не делать новых ошибок. 4 августа 1955 г. Генеральный прокурор Союза издал приказ, который касался усиления прокурорского надзора за соблюдением

законности при задержании, аресте и привлечении граждан к уголовной ответственности. Р. А. Руденко потребовал от подчиненных ювелирной точности при решении этих вопросов.

В приказе прямо предписывалось применять арест в качестве меры пресечения лишь при совершении тяжких преступлений, тогда как многие прокуроры прибегали к нему по незначительным поводам. Как пример Р. А. Руденко привел действия прокурора одного из районов Баку, который за единичный случай обвеса покупателя арестовал продавщицу, на иждивении которой находилось девять человек, из них семь малолетних детей. В Московской области районный прокурор арестовал трех подростков за кражу голубей.

С другой стороны, Роман Андреевич активно боролся с волокитой, которую демонстрировали некоторые прокуроры при привлечении к ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления.

В начале 1957 г. была реформирована структура Прокуратуры СССР, а затем и прокуратур республик, краев и областей. Этими мерами руководство стремилось подчеркнуть изменения, наметившиеся в правоохранительной системе, показывая, что с прошлым покончено раз и навсегда. Менялось судопроизводство, уголовное, уголовно-процессуальное и даже гражданское законодательство. Прокуратура СССР и Р. А. Руденко, как ее руководитель и одновременно депутат Верховного Совета СССР, деятельно участвовали в подготовке законопроектов, обсуждая и шлифуя каждую статью новых нормативных актов.

Улучшению деятельности прокурорской системы способствовало образование в феврале 1959 г. в Прокуратуре СССР и в прокуратурах союзных республик коллегий. Коллегиальность была хорошим средством снизить число поспешных, необоснованных и субъективных решений. Первыми членами коллегии Прокуратуры Союза стали: Р. А. Руденко (председатель), А. Т. Горный, П. И. Кудрявцев, В. В. Куликов, А. М. Мишутин, Г. Н. Новиков, И. Е. Савельев, Д. Ш. Салин, Г. А. Терехов.

При Руденко изменилась не только форменная одежда прокурорских работников, но что самое главное, содержание служебной деятельности стражей законности. Прокуроры, оставаясь главными защитниками государственных интересов, теперь были ориентированы в неизмеримо большей степени, чем раньше, на обеспечение прав и законных интересов граждан.

Занятый государственными делами, Руденко уже не так часто, как в первые годы, поднимался на судебную трибуну. Однако, как только возникло громкое уголовное дело, Генеральный прокурор взялся поддерживать по нему обвинение. Это было дело американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса, сбитого над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Процесс над Пауэрсом показал большой прогресс, достигнутый советской правоохранительной системой, и высочайшую квалификацию Р. А. Руденко. После окончания судебного следствия и исследования всех доказательств Роман Андреевич произнес исключительно аргументированную, взвешенную и обстоятельную обвинительную речь. По оценкам западных юристов, Руденко был предельно справедлив по отношению к Пауэрсу.

«Я не думаю, что если бы Пауэрса судили в США, то к нему отнеслись бы так же вежливо и внимательно», – подчеркнул американский юрист В. Холлинен. Английский же юрист Л. Дейчес заметил, что ему было «приятно отметить вежливую, сдержанную манеру допроса обвиняемого Генеральным прокурором. Его допрос не оскорблял и не задевал Пауэрса. Именно такой стиль допроса обвиняемого любят в Англии».

19 августа 1960 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пауэрса к 10 годам лишения свободы, причем первые три года он должен был находиться в тюрьме. Два года спустя по решению советского правительства Пауэрс был обменен на задержанного в США советского разведчика Абея.

Материалы следствия и судебного процесса над летчиком-шпионом Пауэрсом, а также вся история с этой подрывной акцией, разработанной под руководством небезызвестного

директора ЦРУ Даллеса, легли в основу двухсерийного художественного фильма, снятого в 1985 г. режиссером-постановщиком народным артистом СССР Т. Левчуком по сценарию Б. Антонова и И. Менджерицкого. Но фильм «Государственный обвинитель» был посвящен все же Генеральному прокурору СССР Руденко, чью роль блестяще исполнил киноактер С. Яковлев.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. Роман Андреевич Руденко достиг вершины, на которую до него не поднимался ни один союзный прокурор. Руденко внес живую струю не только в содержание прокурорского надзора, но, что не менее важно, и в атмосферу прокурорских коридоров. Бывший Генеральный прокурор Сафонов мог «не заметить» при встрече не только рядового работника, но и начальника отдела. С Романом Андреевичем никогда такого не случалось.

При всей своей требовательности и взыскательности он был неизменно корректен, доброжелателен и доступен для всех. Прокурор отдела мог прийти к нему на прием и доложить свою точку зрения на тот или иной решаемый вопрос. Единственное, на чем настаивал Руденко, так это на соблюдении прокурорской иерархии. Роман Андреевич требовал, чтобы ему докладывали о делах, по которым состоялись решения его заместителей. Руденко не только уважал и ценил процессуальную независимость любого работника, но и насаждал ее, добивался, чтобы каждый был ответствен за свое решение. Он был непримирим, когда дело касалось очищения органов прокуратуры от нечистоплотных работников, злоупотребляющих своим высоким положением. Многие современники, хорошо знавшие Романа Андреевича, отзывались о нем как о действительно государственном человеке.

Но даже явные достоинства, большие заслуги и то, что он был вхож к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, не гарантировали Руденко безоблачной карьеры. Интриги начал плести заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. Р. Миронов. И над Романом Андреевичем вновь сгустились тучи...

Партийное руководство тогда поставило авантюрную задачу – в кратчайшие сроки ликвидировать преступность. За сверхбыстрое решение «эпохальной» задачи рьяно взялся Миронов, а подыгрывал ему тогдашний министр внутренних дел Щелоков. Победить преступность одним махом можно было только путем сокрытия преступлений. Но на пути стояли работники прокуратуры, в первую очередь Генеральный прокурор, требовавший от подчиненных регистрации всех преступлений.

Миронов многое успел предпринять: открыто критиковал Руденко, подготовил почву для смены Генпрокурора в ЦК и даже внедрил в заместители Романа Андреевича своего ставленника – М. П. Малярова, которого прочили на главное место. Но ход событий резко изменился. 19 октября 1964 г. погибает в авиационной катастрофе Миронов, а за несколько дней до этого, 14 октября, на заседании Пленума ЦК был освобожден от должности Н. С. Хрущев. Центральный Комитет возглавил Л. И. Брежнев, с которым у Руденко были неплохие отношения.

Однако Роман Андреевич, хотя и был по натуре большим дипломатом, уже тогда поднимался до открытых возражений.

Во времена Брежнева развернулась настоящая битва за следствие. Право прокуратуры расследовать уголовные дела ставилось под сомнение. Особенно усердствовал в критике министр внутренних дел Щелоков, добивавшийся передачи всего следствия в МВД.

Большой поддержки он не получил и, наконец, поставил вопрос в урезанном виде – передать в подследственность МВД хотя бы дела несовершеннолетних. На свою сторону он заранее склонил Леонида Ильича, который неожиданно для всех вынес предложение Щелокова на заседание Политбюро. Гром вновь грянул над головой Романа Андреевича.

Руденко, безусловно, знал об особых, дружеских отношениях Брежнева и Щелокова. Однако в ходе заседания Роман Андреевич пошел ва-банк – он решительно и аргументиро-

ванно выступил против предложения Щелокова. К сожалению, «бунт» Генерального прокурора никто из членов Политбюро не поддержал и все, даже те, кто на самом деле был против, послушно проголосовали за то, что предложил генсек.

Авторитет Руденко был столь велик, что его выступление осталось без последствий. Сознывая, видимо, неловкость ситуации, Брежнев развел руками и сказал, словно извиняясь перед Руденко: «Вот видите, Роман Андреевич, никто вас не поддерживает», – и добавил еще несколько слов о том, как Политбюро уважает и ценит Генерального прокурора.

Будучи абсолютно преданным слугой Советского государства, Роман Андреевич совершенно искренне отрицал «всякое диссидентство». Именно он, например, приложил руку к выдворению из страны А. И. Солженицына и ссылке академика А. Д. Сахарова.

Но чаша добрых дел на весах истории несравненно больше. Особенно весом вклад Романа Андреевича в укрепление прокурорских кадров. Когда он только пришел в Генеральную прокуратуру СССР, высшее юридическое образование имели лишь 30 % прокуроров и следователей. Менее чем через 20 лет их стало уже 70 %, а в 1981 г. – почти 99 %. Две трети районных и городских прокуроров, основного звена прокурорской системы, имели стаж работы свыше 10 лет, то есть были умелыми и опытными руководителями. Среди них было немало и тех, кто занимал должности три, а то и четыре конституционных срока подряд.

Стараниями Романа Андреевича Руденко в 1970 г. были созданы Высшие курсы повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР, впоследствии преобразованные в институт, который существует и поныне.

Р. А. Руденко был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями, являлся депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, на четырех партийных съездах избирался в Центральный Комитет КПСС.

Р. А. Руденко скончался в Москве 23 января 1981 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Помощники Главного обвинителя от СССР

ПОКРОВСКИЙ Юрий Владимирович (1902–1953) – специалист в области права, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве заместителя Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделам обвинения «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии» и «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», участвовал в допросах подсудимых и свидетелей. Далее работал начальником правового отдела советской части Союзнической комиссии в Австрии. Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

ЗОРЕЯ Николай Дмитриевич (1907–1946) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Отца не помнит, мать умерла в 1921 г. Жил в Киеве. В детстве был обучен французскому языку, живописи, игре на фортепиано. После смерти матери беспризорничал, затем попал в детский дом. В 1927 г. окончил юридическое отделение факультета общественных наук Московского университета.

Поначалу работал следователем районной прокуратуры в Пятигорске, потом в органах прокуратуры в Тамбове, Воронеже. Затем был назначен на должность заместителя главного прокурора на железнодорожном транспорте.

Отличительные черты Н. Д. Зори – принципиальность, точность и предельная честность.

С началом Великой Отечественной войны служил в действующей армии помощником, а затем заместителем прокурора фронта, прокурором армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской, Сталинградской, Орловско-Курской операциях. В августе 1944 г. он был назначен советником по правовым вопросам Н. Булганина, возглавлявшего советское представительство при польском комитете национального освобождения. Это было сложное время Варшавского восстания, стоившее Зоре сильнейшего психологического напряжения. Он вышел в отставку и год оставался без работы. В мае 1945 г. его назначили помощником Прокурора СССР, а 28 декабря 1945 г. направили в Нюрнберг помощником Главного обвинителя от СССР. Грамотный юрист и великолепный оратор, он произнес речи по разделам обвинения «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в фашистское рабство», участвовал в допросах свидетелей.

Как уже ранее отмечалось, 22 мая 1946 г. произошла трагедия: Н. Д. Зоря был найден мертвым в своем номере...

Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

РАГИНСКИЙ Марк Юрьевич (1903–1991) – известный юрист, государственный советник юстиции 2-го класса, доктор юридических наук. В 1923 г. начал работать следователем в органах прокуратуры Петроградской губернии, затем в Гомеле, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Москве. В 1934 г. переведен в Прокуратуру СССР прокурором отдела.

Затем он – следователь, следователь по важнейшим делам, помощник Прокурора СССР.

Во время Великой Отечественной войны руководил оперативной группой прокуратуры по контролю за производством боеприпасов. В мае 1942 г. назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны на один из уральских заводов Наркомата боеприпасов. Объемы выпуска продукции на предприятии постоянно росли, а рабочих не хватало. Для пополнения кадров Рагинский использовал свои прокурорские полномочия. «Мне было известно, что на территории области отбывают наказание лица, осужденные за самовольный уход с предприятий, – вспоминал он. – В течение нескольких дней вместе с работниками областной прокуратуры мы ознакомились с материалами на этих осужденных, со многими из них побеседовали. Получив по телефону разрешение Прокурора СССР В. М. Бочкова, я отобрал несколько сотен человек, приостановил в отношении их исполнение приговора и направил их на завод. Эти люди самоотверженным трудом искупили свою вину, в установленном порядке были помилованы, а по окончании войны многие из них награждены орденами и медалями».

В военное и послевоенное время участвовал в подготовке и проведении судебных процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Был помощником Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Выступал по разделам обвинения «Ограбление и уничтожение культурных ценностей», «Разрушение и уничтожение городов и сел», допрашивал свидетелей.

С 1950 г. работал во Всесоюзном институте юридических наук, с 1963 г. – во Всесоюзном институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. С 1968 г. – доктор юридических наук, профессор.

Автор около двухсот научных работ и многих книг. Среди них: «Ни давности, ни забвения...», «Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хабаровского процессов)», «Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника».

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) – видный юрист, государственный и общественный деятель. Начал трудиться с 15 лет: сотрудник молодежной газеты, лектор, инспектор-методист отдела культурно-просветительной работы Ленинградского горисполкома.

С 1934 г. работал в органах прокуратуры. Занимал должности старшего следователя Ленинградской областной и Мурманской окружной прокуратур, прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшего следователя-методиста Ленинградской городской прокуратуры.

С 1941 г. на фронте – следователь военной прокуратуры. В 1943 г. переведен в аппарат Прокуратуры СССР – следователь по важнейшим делам, прокурор следственного отдела, прокурор для особых поручений при Прокуроре СССР.

Выполнял специальные поручения по расследованию и поддержанию обвинения по ряду дел о злодеяниях фашистских захватчиков, в частности в качестве государственного обвинителя выступал на Смоленском процессе. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника Главного обвинителя от СССР. Представлял доказательства по разделам обвинения «Преступления против мирного населения», «Преступления против человечности», а также о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британских воздушных сил, расстрелянных после неудачного побега из концлагеря.

Л. Н. Смирнов был помощником советского обвинителя на процессе в Токио над главными японскими военными преступниками, поддерживал государственное обвинение на Хабаровском процессе, который осудил японских милитаристов, виновных в подготовке бактериологической войны.

С 1957 г. Л. Н. Смирнов – заместитель председателя Верховного суда СССР. С 1962 г. – председатель Верховного суда РСФСР. В 1972–1984 гг. он возглавлял Верховный суд СССР.

Входил в Советский комитет защиты мира, был членом совета Международной ассоциации юристов-демократов, председателем Ассоциации советских юристов.

Награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1981 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КАРЕВ Дмитрий Степанович (1908–1972) – специалист в области права, доктор юридических наук, полковник юстиции. На юридическом факультете МГУ преподавал курс судопроизводства и уголовного процесса. Автор учебников и учебных пособий для студентов и практиков. На Нюрнбергском процессе был помощником Главного обвинителя от СССР. Ведал документальной частью обвинения, докладывал на заседаниях суда порядок представления доказательств. Автор брошюры «Нюрнбергский процесс».

ШЕЙНИН Лев Романович (1906–1967) – специалист в области права, государственный советник юстиции 2-го класса, писатель и драматург. Родился 12 марта 1906 г. в поселке Брусованка Велижского уезда Витебской губернии в семье служащего. В 1921–1923 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

С 1923 г. по комсомольской мобилизации работал следователем в органах прокуратуры Орехова-Зуева, Москвы, Ленинграда. С 1935 г. – начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

На способного молодого работника обратило внимание руководство. Тогдашний Прокурор Союза ССР Акулов (позднее один из подследственных Шейнина) по рекомендации Вышинского взял его с собой в Ленинград, где проводилось расследование убийства С. М. Кирова. Поскольку следствие «вершил» лично Сталин со своими подручными Ягодой, Ежовым, Аграновым, роль Акулова была там второстепенной, а уж Шейнина – тем более. Тем не

менее участие в этом деле дало ему возможность выдвинуться – скоро он стал правой рукой Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского. Видимо, это и спасло Шейнина от участи многих прокуроров, попавших в жернова сталинских репрессий конца 1930-х гг. То и дело «ставили к стенке» то одного, то другого очередного «заговорщика» – неудивительно, что имя Льва Шейнина тоже фигурировало в некоторых протоколах допросов. Но ход этим показаниям сразу почему-то не дали.

Следственным отделом Прокуратуры Союза ССР Шейнин руководил более 12 лет и слыл большим «спецом» по политическим делам.

С октября 1945 г. принимал участие в работе Нюрнбергского трибунала, был помощником Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделу обвинения «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности». Участвовал в освещении процесса в печати.

Благосклонность к нему власти предрежащей была поразительна – правительственные награды, в том числе орден Ленина, заграничные командировки (даже во время войны!), материальное благополучие. Возможно, дело было в том, что кто-то из сотрудников госаппарата высших партийных органов высоко ценил его писательский талант. Его имя было широко известно, особенно в начале 1950-х гг. Тогда у нас практически не печатали детективную литературу – ни Агату Кристи, ни Жоржа Сименона, – поэтому его неприязненные «Записки следователя» стали очень популярными. Он писал пьесы (в соавторстве с братьями Тур), киносценарии, ставил спектакли. Знаменитый фильм «Встреча на Эльбе» принес ему Сталинскую премию.

Он был вхож в тогдашние «звездные круги» – вращался среди писателей, артистов, художников, ученых, спортсменов, политиков. Гонорары получал немалые – хватило и на машину «Победа», доступную для немногих избранных, и на двухэтажную дачу в Серебряном Бору, и на богатый гардероб. Образ жизни вел довольно свободный, хотя был женат. Меж московских интеллектуалов после войны ходила стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры, и с ними, заводя амуры, Лев Шейнин из прокуратуры».

Тучи над его головой начали сгущаться в конце 1940-х гг. В 1949 г. его освобождают от должности, не объясняя причин. Обещали поставить директором Института криминалистики, но назначение так и не состоялось. Шейнин выжидает, сидя дома, занимается литературой, но почву зондирует постоянно. Наверняка он знал, что ему грозит, – на одной из вечеринок подвыпивший сотрудник «органов» сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник, умная у тебя башка, но все же мы за тебя взялись». Незадолго до ареста то же самое он услышал от знакомого драматурга – один из сотрудников госбезопасности посоветовал тому держаться подальше от Шейнина, «которого скоро посадят».

В то время, особенно после гибели Михоэлса, власти усиленно будировали так называемый еврейский вопрос. Для того чтобы его раскрутить, следовало найти «заговорщиков». Шейнин оказался очень кстати – прокурор, писатель, он имел весьма обширные связи в еврейской среде. К тому же все знали, что хитрый и осторожный Шейнин был изрядно труслив. Не было секретом, что этот «любитель ночных бдений» сам панически боялся допросов с пристрастием. По свидетельству знакомых, человеком он был нестойким, ненадежным, способным изменить взгляды и привязанности в любой момент.

Его арестовали 19 октября 1951 г. В постановлении на арест указывалось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и советского правительства». Арест санкционировал Генеральный прокурор Союза ССР Г. Н. Сафонов.

Шейнин не возлагал надежд на то, что Прокуратура СССР поможет ему вырваться из тюрьмы. Поэтому он пошел путем, казавшимся ему наиболее эффективным, – стал строчить заявления лично первым лицам государства: Сталину, Берии, Игнатьеву, Поскребышеву и другим. Язык у литератора был подвешен неплохо. В письме Сталину, написанному в июле 1952 г., хитрый Шейнин сообщал: «У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

После смерти Сталина многие дела стали прекращаться, но Льва Романовича продержали в тюрьме еще более восьми месяцев. Он резко изменил свои показания, многое из сказанного стал отрицать. Писал многостраничные заявления руководству МВД: «Я «признавал» факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следователей же в тот период интересовали не факты, а сенсационные «шапки» и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

Дело было прекращено только 21 ноября 1953 г.

С 1950 г. Шейнин занимался только литературной работой. Выступил организатором движения «Явка с повинной».

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Члены Международного военного трибунала

НИКИТЧЕНКО Иона Тимофеевич (1895–1968) – деятель советской военной юстиции, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Председателем военного трибунала стал в годы Гражданской войны. Занимал руководящие посты в судебных органах СССР, неоднократно избирался членом Верховного суда СССР.

В июне 1945 г. возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне о создании Международного военного трибунала, участвовал в выработке его Устава. Как представитель СССР входил в число членов Нюрнбергского суда.

Среди судей пользовался большим уважением. На процессе его называли «судьей жесткого курса». И. Т. Никитченко корректно, но решительно пресекал попытки подсудимых и их адвокатов извращать истину, задавать свидетелям наводящие вопросы, представлять сомнительные доказательства, затягивать процесс.

Выступал за наказание военных преступников в полную меру их доказанных злодеяний. В Нюрнберге выступил с особым мнением, касающимся оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, Верховного командования и Генерального штаба вермахта.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

ВОЛЧКОВ Александр Федорович (1902–1978) – специалист по международному праву, подполковник юстиции. Занимал должности следователя, прокурора. С 1931 г. работал в наркомате иностранных дел, в годы войны – в Наркомате юстиции. На Нюрнбергском процессе был заместителем члена трибунала от СССР, получил признание как квалифицированный и принципиальный юрист. В 1960–1970 гг. возглавлял Инюрколлегию. Занимался преподавательской деятельностью, написал ряд работ по международному праву. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Следственная группа при Главном обвинителе от СССР

АЛЕКСАНДРОВ Георгий Николаевич (1902–1979) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Участник Гражданской войны. С 1934 г. работал в Прокуратуре СССР на ответственных должностях. С сентября 1945 г. был в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В ходе процесса допрашивал Шахта, Шираха, Заукеля, свидетелей. В дальнейшем много занимался организацией розыска и осуждения скрывающихся нацистских преступников.

Г. Н. Александров являлся ученым секретарем Научно-методического совета при Прокуратуре СССР. Ему принадлежат многие публикации по вопросам уголовного права и криминалистики. Он автор книги «Нюрнберг вчера и сегодня» и других произведений, разоблачающих преступления нацистов.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

ОРЛОВ Николай Андреевич (1908–1970) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. С 1933 г. работал в органах прокуратуры. На Нюрнбергском процессе входил в состав следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В дальнейшем плодотворно трудился в сфере прокурорского надзора за исполнением законов и постановлений по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних. Награжден орденом «Знак Почета».

ПИРАДОВ Сергей Каспарович (1893–1974) – специалист в области права, полковник юстиции. С 1923 г. работал в органах прокуратуры. Занимал ответственные должности в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. На обоих участках внес заметный вклад в укрепление законности и правопорядка. Участвовал в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды.

РОЗЕНБЛИТ Соломон Яковлевич (1897–1969) – специалист в области права, кандидат юридических наук, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Затем работал военным следователем. С 1929 г. – военный прокурор. С 1941 г. – на руководящих должностях в Главной военной прокуратуре. На Нюрнбергском процессе входил в следственную группу при Главном обвинителе от СССР. В 1946 г. был помощником заместителя обвинителя от СССР на Токийском процессе над японскими военными преступниками. С 1950 г. – научный сотрудник Института криминалистики Прокуратуры СССР. Автор научных трудов и практических пособий для юристов. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени.

Консультант

ТРАЙНИН Арон Наумович (1883–1957) – специалист в области права, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор МГУ. Во время Нюрнбергского процесса был консультантом советской делегации. Автор монографий, книг, статей по проблемам ответственности нацистских военных преступников. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Судьи от стран-союзниц

ЛОРЕНС Джеффри (1880–1947) – видный специалист в области права, лорд-судья Великобритании. С 1906 г. – адвокат высшей квалификации (барристер). Участник Первой мировой войны. С 1925 г. – королевский советник. В 1924–1946 гг. – мировой судья (рикордер) в Оксфорде, одновременно судья по допросу свидетелей по делам, связанным с церковным правом. Генеральный атторней при принце Уэльском.

В сентябре 1945 г. назначен членом Международного военного трибунала в Нюрнберге. В октябре 1945 г. избран председателем суда. Пользовался уважением коллег из стран антигитлеровской коалиции. Строго следил за соблюдением Устава трибунала.

БИДДЛ Фрэнсис (1886–1968) – специалист в области права, государственный деятель США. С 1912 г. – член Ассоциации юристов штата Пенсильвания. В 1922–1926 гг. – помощник Генерального атторнея США в восточном округе штата Пенсильвания. Работал в частных юридических фирмах, в том числе в фирме «Барнс, Биддл и Майерс». С 1940 г. – заместитель министра юстиции США, с 1941 г. – министр юстиции.

Был членом Международного военного трибунала в Нюрнберге от США.

Доктор права Бостонского университета. Автор книг.

ДЕ ВАБР Анри Доннедье (1886–1964) – специалист в области уголовного и международного права, профессор Парижского университета. Участвовал в разработке Устава Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен членом трибунала от Франции. Автор книг и публикаций по юридическим вопросам.

Помощники судей

БИРКЕТТ Уильям Норман (1883–1963) – специалист в области права, политический деятель. Был членом парламента Великобритании. С 1924 г. – королевский советник. С 1941 г. – судья отделения Королевской скамьи Высокого суда. В 1950–1957 гг. – лорд-судья Высокого апелляционного суда. В сентябре 1945 г. был назначен заместителем члена Международного военного трибунала от Великобритании. Являлся почетным доктором права университетов Лондона, Бирмингема, Кембриджа, Халла.

ПАРКЕР Джон Джонстон (1885–1965) – специалист в области права, политический деятель. С 1923 г. – специальный помощник министра юстиции США. С октября 1925 г. – окружной федеральный судья, член сенатской комиссии по подготовке новой редакции конституции штата Северная Каролина. В сентябре 1945 г. назначен заместителем члена Международного военного трибунала от США.

ФАЛЬКО Робер (1897–1979) – видный специалист в области права. Участник Первой мировой войны. На протяжении многих лет – судья-магистрат. Член Высшего кассационного суда Франции. В составе французской делегации участвовал в разработке Устава и Регламента Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен заместителем члена трибунала от Французской Республики. На процессе занимал твердую, активную позицию и действовал в строгом соответствии с Уставом трибунала.

Главные обвинители

ДЖЕКСОН Роберт Хауорт (1892–1954) – видный специалист в области права, государственный деятель. Родился 13 февраля 1892 г. в штате Пенсильвания. В 1913 г. занялся частной юридической практикой в Джеймстауне, штат Нью-Йорк, и довольно быстро стал заметной фигурой в нью-йоркских апелляционных судах. Отличался независимостью и прямотой суждений. В 1934–1938 гг. – генеральный советник Департамента налогов и сборов, помощник министра юстиции США. Поддерживая политику президента Рузвельта, активно проводил антимонопольные мероприятия. С 1938 г. – заместитель министра юстиции. В январе 1940 г. назначен министром юстиции и помощником президента Рузвельта. Джексон становился популярной фигурой. Пресса называла его в числе возможных кандидатов в президенты. С июля 1941 г. – член Верховного суда США.

Джексон возглавлял делегацию США на встрече союзников в Лондоне по созданию Международного военного трибунала. В Нюрнбергском процессе участвовал как Главный обвинитель от США. В ходе заседаний занимал активную позицию, демонстрировал четкие представления о правосудии и справедливости.

Джексон предупреждал, что никакие судебные процессы не обезопасят человечество, если в новых условиях будет проводиться старая политика в германском вопросе. Во вступительной речи на процессе, произнесенной 21 ноября 1945 г., он отметил: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся».

Почетный доктор права университетов Брюсселя, Варшавы, Дортмунда, Сиракуз.

ШОУКРОСС Хартли Уильям (1902–2004) – видный юрист, политический деятель. В 1945–1958 гг. – член парламента Великобритании от лейбористской партии. С 1944 г. – член консультативного совета министра внутренних дел по обращению с правонарушителями. С 1945 г. занимал пост Генерального атторнея страны.

На Нюрнбергском процессе выступал Главным обвинителем от Великобритании. Назначение Шоукросса в Нюрнберг совпало с началом его деятельности на посту Генерального прокурора Великобритании. Видимо, поэтому он ненадолго отлучался с родины и находился на процессе незначительное время. Выступил со вступительной и заключительной речами. Фактически английскую делегацию возглавлял заместитель Главного обвинителя сэра Дэвид Максуэлл-Файф.

В 1945–1949 гг. – постоянный представитель Великобритании в ООН. В 1951 г. – министр торговли. В 1962 г. – руководитель Королевской комиссии по прессе и Международной торговой палаты. В 1950–1967 гг. – член Арбитражного суда в Гааге. В 1956–1973 гг. – председатель британского отделения Международной комиссии юристов и член совета Ассоциации международного права.

ДЕ МЕНТОН Франсуа (1900–1962) – политический и государственный деятель. Избран президентом ассоциации мэров Верхней Савойи. В 1943–1944 гг. – комиссар юстиции во Французском комитете национального освобождения. После войны – министр юстиции, министр национальной экономики, президент Европейской консультативной ассамблеи, вице-президент комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции.

На встрече союзников в Лондоне участвовал в создании Международного военного трибунала, выработке его Устава и Регламента. На процессе в Нюрнберге был Главным обвинителем от Франции. Здесь он находился непостоянно. В его отсутствие работу вел заме-

ститель Шарль Дюбост. В январе 1946 г. де Ментон вернулся во Францию. В Нюрнберге его заменил Шампетье де Риб.

В соответствии с соглашением между обвинителями о распределении труда французские обвинители представляли суду материалы о преступлениях германского фашизма также против Бельгии, Голландии, Люксембурга. Несомненный вклад сделали они в раскрытие таких тяжких злодеяний, как расправы над участниками движения Сопротивления и заложниками, насильственное использование труда покоренных народов, экономическое разграбление оккупированных территорий.

ДЕ РИБ Шампетье (1882–1947) – политический и государственный деятель. Председатель Французской демократической народной партии. С 1934 г. – член парламента Франции, неоднократно занимал министерские посты. Кабинет министров, в составе которого был де Риб, в 1939 г. объявил войну Германии. В дальнейшем, в 1940 г., выступил против маршала Петена. За оппозиционную деятельность против правительства Виши был интернирован. В августе 1944 г. – вице-президент Комитета освобождения Нижних Пиренеев. С ноября 1944 г. – член Временной консультативной ассамблеи. С января 1946 г. – Главный обвинитель от Франции на Международном военном трибунале в Нюрнберге.

Глава 9

«Майн кампф»: война как благо для Германии

Знатоки утверждают, что книга Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») в первоначальном виде оставляла жалкое впечатление из-за огромного количества изъянов: многословия, неправильных грамматических конструкций, крикливости. По некоторым данным, в ней содержалось 164 000 синтаксических ошибок. Многократный повтор тезисов, изобилие пафосных высказываний, весьма полезные в публичных речах, мастером которых Гитлер несомненно являлся, будучи перенесенными на бумагу, могли вызвать недоумение и раздражение. Первое издание имело длинное и невразумительное название: «4 1/2 года борьбы против лжи, глупости и трусости». Сократил его до двух слов «Моя борьба» один из последующих издателей.

Тем не менее «Майн кампф» быстро завоевала популярность. Еще до прихода Гитлера к власти разошлось более 5 миллионов экземпляров. Необычная книга, наполненная новыми и радикальными идеями, явно понравилась немцам. И не одним немцам – ее перевели на 11 языков.

Причина, наверное, в том, что семена зла способны прорасти быстрее семян добра. А в Германии 20-х гг. прошлого века они упали на подготовленную почву.

Гитлер надиктовал половину своего главного труда соратникам Морису и Гессу, коротая время в тюрьме, куда попал вместе с группой товарищей по партии после неудачного «пивного путча» 1923 г. Условия там были совсем не такие, какие будут установлены в нацистских концлагерях. У каждого была своя спальня и индивидуальная ванная с горячей водой. Будущий фюрер иногда завтракал в постели, шесть часов в день разрешалось гулять в саду.

Гесс после путча сначала скрывался, но потом, узнав из газет о необычайно мягком приговоре, вынесенном Гитлеру, добровольно приехал в Мюнхен и получил 18 месяцев заключения. Фюрер отсидел 9 месяцев, Гесс – 6, а затем они вышли из тюрьмы по амнистии. Вторую часть книги Гитлер написал уже на свободе, в 1925–1927 гг.

Это было время тяжелого кризиса, вызванного поражением Германии в Первой мировой войне, условиями Версальского договора 1919 г., унижительными и разорительными для побежденной страны. Затем к тяготам германского происхождения добавилось давление мирового экономического кризиса. Бедность, безработица, недоедание были спутниками миллионов немцев.

И вот в эту серую, беспросветную жизнь вторгается человек, утверждающий, что немцы выше других наций, что они – раса господ и должны владеть миром и мир должен им покоряться. Весьма амбициозные идеи, лестные посулы запали в душу многим немцам.

Гитлер дал свои ответы на многие злободневные вопросы. Он неожиданно для всех «открыл» глаза соотечественникам на новых врагов нации, якобы виновных в военной неудаче Германии и во всех других несчастьях. Ими оказались евреи – «паразиты на теле других народов». Именно они нанесли «удар кинжалом в спину» во время Первой мировой войны. Во множестве пассажей он доказывал величие «арийской расы» – носителей «чистой крови» и убожество «недочеловеков»-евреев.

Новоявленный вождь предложил и средство прихода к господству – войну, и только войну! «Доктрины, проповедующие мирное решение вопросов, представляют опасную для Германии слабость», – утверждал он, и немцы, мечтавшие о реванше после поражения в 1919 г., мысленно с ним соглашались.

К тому же Гитлер указывал, как именно нужно действовать на этот раз, чтобы добиться успеха. Традиционное направление военных походов на юг и запад Европы – неправильное,

нужно двинуться на восток, по пути тевтонских рыцарей, и завоевать земли «силой торжествующего меча», учил он.

Задолго до прихода Гитлера к власти открыто и громко зазвучала его проповедь национальной исключительности и агрессивной войны. Более того, еще тогда он назвал и страну, за счет которой должна увеличиться Германия: «Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с ней государства».

Перед тем как завоевательные войны стали реальностью, прошли годы интенсивной нацистской пропаганды, основанной на выкладках из «Майн кампф» – библии немецкого фашизма. Не откажешь в точности формулировок бывшему командующему войсками СС, а впоследствии свидетелю на Нюрнбергском процессе Бах-Зелевски. Дескать, если 10 лет вдалбливать немцам, что славянские народы – «низшая раса», а евреи – «недочеловеки», то убийство миллионов этих людей становится естественной целью.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК БАЗА АГРЕССИИ»

[Из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 8 января 1946 г.]

Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Майн кампф», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии. Весь ее тон и содержание подтверждают мнение обвинения о том, что стремление нацистов к осуществлению агрессивных целей не было случайным и не вытекало непосредственно из той политической ситуации в Европе и в мире, которая существовала в период нацистской власти. Книга недвусмысленно устанавливает, что использование агрессивных войн для достижения цели во внешней политике было частью идеологии нацистской партии. Великий германский философ однажды сказал, что «идея имеет ноги и руки». Целью этих подсудимых было сделать идею доктриной и политику «Майн кампф» политическим руководством к действию для германского народа, в особенности для молодежи.

Как уже показали трибуналу мои американские коллеги, с 1933 по 1939 год проводилось упорное вдалбливание идей «Майн кампф» во всех школах и университетах Германии, в рядах «Гитлеровской молодежи» под руководством подсудимого Бальдура фон Шираха, а также в СА, СС и среди германского населения в целом через организацию подсудимого Розенберга.

Эта книга служила официальным подарком для всех молодоженов Германии, и я теперь передаю трибуналу один из этих «свадебных подарков», которые вручались новобрачным в Германии. Трибунал увидит, что на титульном листе имеется посвящение. Оно гласит: «Молодоженам Фридриху Розброку и Эльзе Бек с лучшими пожеланиями счастливого брака. Вручено районной администрацией по случаю их бракосочетания 14 ноября 1940 г. За мэра города – регистратор».

Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа...

Генерал СС фон дем Бах-Зелевски сказал здесь, что, «если вы проповедуете в течение десяти лет, что славянские народы являются низшей расой и что евреи «недочеловеки», логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением». От «Майн кампф» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека.

Каковы были идеи «Майн кампф», я постараюсь показать трибуналу в цитатах. Эти цитаты распадаются на две категории. Первая категория – выражение общих идей Гитлера о необходимости применения силы как средства разрешения международных проблем. Вторая категория содержит более детальные высказывания Гитлера по поводу политики, которой должна следовать Германия. Большая часть цитат второй категории содержит взгляды Гитлера на внешнюю политику. Значение этого факта может быть оценено полностью, если трибунал обратит внимание на то, что вторая часть книги была впервые издана в 1927 г., то есть меньше чем через два года после Локарнского пакта и через несколько месяцев после вступления Германии в Лигу Наций. Дата издания уличает их в отказе от политики международного сотрудничества. Я приведу прежде всего несколько цитат, которые показывают, каковы были общие взгляды Гитлера, принятые и пропагандировавшиеся этими подсудимыми, на общие вопросы войны и агрессии.

«Земля, на которой мы живем, не была даром, ниспосланным небом нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Так же и в будущем наш народ не получит территорию и вместе с ней средства к существованию, не получит ее в качестве подарка от другого народа. Он должен будет завоевать ее силой торжествующего меча. Я считал незаслуженным ударом судьбы, что я родился на этой планете. Мне было грустно, что жизнь моя должна пойти по мирному пути».

«Еще будучи мальчиком, я был всем, чем угодно, только не пацифистом. Всякие попытки сделать меня пацифистом оказались бесплодными».

Ссылаясь на Мольтку, Гитлер писал, что «во время войны самое важное – это как можно скорее принять решение» и что «самые безжалостные методы борьбы являются в то же время самыми человечными».

Обвинение покажет в ходе процесса, как преданно подсудимые следовали этой теории безжалостного применения силы. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей.

«Если бы они не могли использовать членов низшей расы, которых они победили, арийцы никогда не имели бы возможности сделать первые шаги по пути, который вел их к более высокой культуре. Подобным же образом, как без некоторых домашних животных, которых они сумели приручить, они никогда не сумели бы открыть механическую силу, которая впоследствии дала возможность обходиться без этих животных. Именно

поэтому господство над низшими расами является одной из важнейших предпосылок для достижения этой высокой культуры».

«Если в своем историческом развитии германский народ обладал бы стадными инстинктами, которыми так счастливо пользуются другие народы, германская империя, быть может, уже сегодня могла бы стать госпожой всего мира».

...Основное в этой книге – и это повторяется снова и снова – это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также утверждение, что все доктрины, которые проповедуют мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость.

Во всех этих аргументах заключено резкое отрицание возможности регулирующего действия закона в международных отношениях.

Именно в свете этой общей доктрины «Майн кампф» я прошу трибунал рассмотреть более подробно отдельные высказывания Гитлера о специфических проблемах германской внешней политики.

«Я считаю, – писал Гитлер, – что германская Австрия должна быть возвращена великой германской родине. Речь ни в коем случае не идет об экономических расчетах. Нет, нет. Если бы этот союз даже не имел никакого экономического значения и даже если бы он был вреден с точки зрения экономической, тем не менее это должно было бы свершиться».

«Когда территория Германии охватит всех германцев, и если после этого они не сумеют получить достаточно средств к существованию, тогда Германия получит моральное право, исходя из потребностей народа, захватывать иностранные территории. Затем орала будут сменены на мечи, и слезы войны дадут тот хлеб насущный, который необходим будущим поколениям».

В этой книге Гитлер также заявляет, что полное восстановление германских границ в том виде, в каком они существовали в 1914 г., совершенно недостаточно для его целей.

«Для будущего германской нации границы 1914 года не имеют значения». «Мы, национал-социалисты, должны твердо придерживаться той цели во внешней политике, которую мы наметили для себя, а именно: германскому народу должно быть обеспечено территориальное пространство, необходимое ему для существования на земле».

Отрывки из «Майн кампф» показывают, где Гитлер собирался найти эти территории вне пределов германских границ 1914 г.

«...Единственной возможностью для Германии проводить правильную территориальную политику – это политика приобретения новой территории в самой Европе».

«...Политическое руководство германской империей должно направить все свои усилия исключительно к этой цели. Не следует предпринимать никаких политических шагов для того, чтобы проводить в жизнь другие цели, кроме этой; не следует также проводить какие-либо мероприятия, не ведущие к достижению поставленной цели. Германия должна твердо знать, что такая цель может быть достигнута только путем войны и перед лицом неизбежности этой войны нужно стоять всем вместе

спокойно и с решимостью. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать и оценивать всю систему союзных договоров».

«Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча и, таким образом, добыть для нации ее хлеб насущный».

...К этой программе экспансии на восток Гитлер возвращается не раз. После того как он говорит о недостаточности границ Германии в довоенный период, он снова указывает на восток и заявляет, что снова необходим «поход на Восток» («Дранг нах Остен»).

Он пишет: «Поэтому мы, национал-социалисты, намеренно зачеркнули линию, которой Германия следовала в международной политике в довоенный период. Мы покончили с традиционными германскими походами на юг и запад Европы, мы обратили наши глаза на Восток. Мы положили конец колониальной и торговой политике предвоенной эпохи и пришли к новой территориальной политике будущего. Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с нею государства».

Гитлер был достаточно умен, чтобы понять, что его агрессивные планы на Востоке могли быть подвергнуты опасности в случае существования оборонительного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому его внешняя политика, изложенная в книге «Майн кампф», заключалась в том, чтобы оттянуть Италию и Англию от Франции и России и перейти от оборонительной позиции Германии в отношении Франции к наступательной.

«Поскольку вечный конфликт между Францией и Германией сейчас принял форму германской обороны против нападения Франции, этот конфликт никогда не разрешится. Из столетия в столетие Германия будет терять одну позицию за другой. Если мы изучим все перемены, которые произошли начиная с XII века до сегодняшнего дня, в границах, внутри которых говорят на немецком языке, мы едва ли сумеем надеяться на успешный исход в результате принятия нами линии поведения, которая существовала до сих пор и была столь вредной для нас. Только когда Германия примет все это во внимание, мы перестанем обрекать национальную волю к жизни на прозябание в пассивной обороне. Нет, мы объединим ее для последней и решительной схватки с Францией. В этой схватке мы будем бороться за жизненные требования германского народа. Только таким образом будет положен конец вечному франко-германскому конфликту, который был таким истощающим».

...Доказательства, заключенные в книге «Майн кампф», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого Гитлер и его сообщники – подсудимые – были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей. Мы узнали, что «Майн кампф» – не просто литературное упражнение, которым следует пренебречь, как это, к сожалению, рассматривали до войны

те, кому она угрожала. Она есть выражение фанатической веры в силу и обман как орудия господства в Европе и, может быть, во всем мире.

Обвинение считает, что, принимая и пропагандируя звериную философию «Майн кампф», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны.

Глава 10

СССР, разделенный на части

Вместе с главными обвинителями в процессе активно участвовали их заместители и помощники. Они развивали и конкретизировали обвинения и доказательства по отдельным направлениям, детализировали вину каждого из подсудимых. Помощник Главного обвинителя от США Вальтер Брудно выступил по делу Альфреда Розенберга – главного идеолога нацизма, заместителя Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов НСДАП, рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий. Нашумевшая книга Розенберга «Миф XX века» представляла собой философское и теоретическое обоснование расизма.

Задачей суда было разоблачение и тех преступлений, которые совершались за письменным столом. Занятия доктора Розенберга не были простой игрой ума. Его человеконенавистнические идеи были основой для строительства репрессивной машины национал-социализма на огромных территориях. Еще 9 мая 1941 г. Розенберг изложил Гитлеру план расчленения земель, которые планировалось захватить на Востоке, на пять губернаторств.

В первое из них – «Остланд» – предполагалось включить Латвию, Эстонию, Литву и Белоруссию и онемечить в течение двух поколений. Вторым губернаторством мыслилась Украина с некоторыми прилегающими территориями, третьим – Кавказ, но без нефтеносных районов, которыми должны были владеть непосредственно немцы, четвертым – собственно Россия, пятым – Туркестан. Второе губернаторство должно было служить особой опорой Германии в контроле над четвертым.

В числе избранных территорий благодатный Крым предполагалось включить в состав рейха. Розенберг придумывал для городов полуострова немецкие названия. Симферополь он хотел превратить в Готенбург, Севастополь – в Теодорихсхафен...

Только мужество и стойкость Красной армии помешали гитлеровцам реализовать эти планы в полной мере.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ США ВАЛЬТЕРА БРУДНО ПО ДЕЛУ ПОДСУДИМОГО РОЗЕНБЕРГА

[Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 9 января 1946 г.]

Подсудимому Розенбергу предъявлено обвинение по всем четырем разделам обвинительного акта. Представляя доказательства обвинения, я покажу, что Розенберг играл особенно важную роль в развитии и проведении в жизнь доктрин заговора, в развитии и внедрении убеждений, практически не совместимых с христианским учением, в искоренении влияния церкви на германский народ, при проведении программы безжалостного истребления евреев и внесения изменения в систему образования с целью сделать германский народ послушным орудием в руках заговорщиков и подготовить население в моральном смысле для ведения агрессивной войны.

Политическая карьера подсудимого Розенберга охватывает весь период развития национал-социализма и представляет картину каждой стадии заговора, который мы рассматриваем. С целью получить полное представление о влиянии Розенберга на заговор и его участие в нем

необходимо вкратце посмотреть его политическую карьеру и рассмотреть каждое из его политических действий в связи с ходом заговора, который начинается с создания партии в 1919 г. и кончается поражением Германии в 1945 г.

Из документа № 3557-ПС, который представляет собой выдержки из официальной брошюры, озаглавленной «Важнейшие даты в истории национал-социалистской партии», мы видим, что подсудимый Розенберг был членом германской «рабочей» партии, затем стал членом германской национал-социалистской партии в январе 1919 г. и что Гитлер соединил свои усилия с Розенбергом и его коллегами в октябре того же года. Таким образом, подсудимый Розенберг стал членом национал-социалистского движения еще до того, как им стал сам Гитлер.

Сейчас я хочу представить в качестве документального доказательства выдержку из «Дас Дейче Фюрерлексикон» издания 1934–1935 гг. Из этого документа мы извлечем дополнительные биографические данные о Розенберге. Там говорится:

«С 1921 г. до настоящего времени он являлся издателем и редактором «Фёлькишер Беобахтер», издателем национал-социалистских «Монатхейте». В 1930 г. он стал членом рейхстага и представлял вопросы внешней политики партии. С апреля 1933 г. он являлся начальником отдела по внешнеполитическим вопросам национал-социалистской партии. Затем был назначен рейхслейтером. В январе 1934 г. его назначили заместителем фюрера по вопросам морально-философского образования национал-социалистской партии, по вопросам германского рабочего фронта и всех связанных с ним организаций».

Имея в виду эти общие данные о его деятельности, мы остановимся на первом разделе доказательств, которые касаются Розенберга как официального представителя национал-социалистской идеологии. Доказательства, которые я представляю, вскроют характер и масштаб идеологических доктрин, которые он распространял, и то влияние, которое способствовало унификации германского мышления, – унификации, которая являлась значительной частью программы заговора в целях захвата власти и подготовки к агрессивной войне.

Розенберг много писал и активно участвовал буквально в каждой области программы национал-социалистской партии. Его первая книга была озаглавлена «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Эта книга была издана в 1922 г. В этой книге Розенберга приводится его речь, которую мы уже слышали здесь во время демонстрации кинофильма. В этой речи Розенберг говорил: «Часто спрашивают, каковы основные пункты программы нацистской партии и как их следует понимать. В связи с этими вопросами я и составил основную программу целей НСДАП, что составило первичную крепкую связь между Мюнхеном, местными организациями, находящимися в процессе становления, и нашими друзьями внутри империи».

Таким образом, мы видим, что первоначальным создателем и человеком, который выступал в интересах проведения программы партии, был подсудимый Розенберг... Я хочу только представить в качестве доказательства некоторые его высказывания, которые говорят о характере и обширном размахе идеологической программы, которую он проводил

в жизнь. Сейчас вы увидите, что не было ни одного основного принципа нацистской философии, которому Розенберг не дал официального выражения. Розенберг написал книгу «Миф XX века», которая была издана в 1930 г.

Именно Розенберг развивал идею «лебенсраум» – идею, которая была основным лозунгом и импульсом, который толкал Германию к ведению агрессивной войны.

В журнале «Национал-социалистский ежемесячник» за май 1932 г. на с. 199 сказано: «Сознание того, что германская нация, если она не должна погибнуть в полном смысле слова, нуждается в жизненном пространстве для будущих поколений так же, как и для самой нации в настоящее время, и здравое понимание того, что эту территорию больше нельзя захватить в Африке, а лишь в Европе и прежде всего на Востоке, – все эти понятия должны в основном определить германскую внешнюю политику в течение столетий».

Розенберг в своей книге «Миф XX века» изложил свою теорию о месте религии в национал-социалистском государстве. Он писал: «Мы теперь верим, что основные и высшие ценности римской и протестантской церкви не соответствуют нашей душе, потому что они мешают развитию органических сил народа, имеющего высшее предназначение – принадлежность к нордической расе. В этом направлении и следует проводить нынешние религиозные искания».

Вместо традиционной христианской веры Розенберг хотел ввести новый языческий миф крови. На с. 114 книги «Миф XX века» он заявил следующее: «Сегодня мир пробуждается к новой вере – к мифу крови, к вере в то, что божественное существование человека должно защищаться кровью. Эта вера основывается на ясном понимании того, что нордическая кровь составляет ту тайну, которая выше и больше всех старых святынь».

Точка зрения Розенберга на религию была принята как единственная философия, совместимая с национал-социализмом. В 1940 г. подсудимый Борман писал Розенбергу: «Церковь не может быть побеждена путем компромисса между национал-социализмом и христианским учением, но только путем введения новой идеологии, приход которой вы сами возвестили в своих произведениях».

Розенберг активно участвовал в программе уничтожения влияния церкви. Подсудимый Борман часто писал Розенбергу по этому поводу, представляя ему сведения относительно предполагаемых действий против церкви и там, где это было необходимо, требуя также и действий со стороны управления, которым руководил Розенберг. Я ссылаюсь на документ, который представлялся в связи с делом против руководящего состава, это документы, в которых речь шла об уничтожении церковной службы в школах, о конфискации церковной собственности, о прекращении издания протестантских журналов, о закрытии теологических факультетов.

Розенберг особенно ярко проводил свою линию в так называемом «еврейском вопросе». 28 марта 1941 г., в связи с открытием института по исследованию еврейского вопроса, он наметил узловые проблемы его деятельности и подчеркнул путь, по которому должно было идти исследование. Я хотел бы процитировать документ № 2889-ПС.

Это выдержка из «Фелькишер Беобахтер» от 29 марта 1941 г.

Это заявление, сделанное Розенбергом в связи с открытием этого института.

«Для Германии еврейский вопрос будет решен только тогда, когда последний еврей покинет территорию великой Германской империи.

Поскольку Германия, ее кровь, ее национализм навсегда сломали это еврейское диктаторство для всей Европы, совершенно ясно, что Европа в целом освободится от еврейской заразы еще раз и мы сможем, я надеюсь, сказать, что все европейцы освободятся от евреев, потому что для Европы еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда последний еврей покинет Европейский континент».

Мы уже видели, что Розенберг не упускал никакой возможности проводить свои антисемитские взгляды на практике.

В области внешней политики Розенберг требовал уничтожения Версальского договора и отвергал любую мысль о пересмотре этого договора. В своей книге «Характер, принципы и цель национал-социалистской немецкой рабочей партии», которая была написана Розенбергом в 1922 г., он высказывает свое мнение касательно Версальского договора. Он говорит следующее: «Национал-социалисты отбрасывают распространенное мнение о необходимости «ревизовать Версальский договор», поскольку такая ревизия вызывает некоторое сокращение так называемых «обязательств», но весь германский народ остается, как и прежде, рабом других наций».

Розенберг хотел распространения национал-социализма во всем мире и, как мы далее покажем, принимал активное участие в распространении этого «крёдо» и идей нацизма в других странах. В своей книге «Характер, принципы и цели национал-социалистской немецкой рабочей партии» он утверждает: «Национал-социализм все еще верит, что его принципы и идеология, хотя и предусматривают различные методы борьбы, согласно расово-национальным условиям, являются директивами, далеко идущими за границы Германии в неизбежной борьбе за власть в других странах Европы и Америки. Национал-социализм верит, что однажды великая мировая борьба закончится, нынешняя эпоха потерпит поражение и наступит время, когда свастика будет развеиваться на различных знаменах германских народов как арийский символ возрождения».

Это заявление было сделано в 1922 г.

Таким образом, мы видим, что подсудимый Розенберг являлся авторитетным выразителем основных идей, на которых строился национал-социализм и опираясь на которые фактически заговор приводился в действие. Ценность Розенберга для проведения программы заговора получила официальное признание, когда он в 1934 г. был назначен заместителем фюрера по всем идеологическим и философским вопросам образования и руководства национал-социалистской партии. Его деятельность на этом пути была широка и многообразна.

Я теперь представляю в качестве доказательства национал-социалистский ежегодник за 1938 г. под номером США-597. На с. 180 этой книги описаны функции отдела Розенберга как заместителя фюрера. «Деятельность заместителя фюрера по всем духовным и идеологическим вопросам образования, воспитания партии, ее организации, в том числе

«Сила через радость», простирается до наиболее деятельного проведения в жизнь всей образовательной работы партии и преданных ей организаций.

Организация, возглавляемая рейхсleiterом Розенбергом, имеет своей целью подготовку идеологического материала по просвещению, проведению в жизнь образовательной программы и ответственна за воспитание тех учителей, которые будут потом проводить эту воспитательную и образовательную работу».

Как заместитель фюрера Розенберг, таким образом, наблюдал за всей идеологической подготовкой и воспитанием внутри партии.

Личное мнение Розенберга заключалось в том, что, выполняя свои новые функции в качестве заместителя фюрера по идеологическим вопросам, он тем самым давал многое для будущего национал-социализма. Он заявлял:

«Цель всей нашей воспитательной работы с сегодняшнего дня заключается в службе этой идеологии, и от результатов наших усилий зависит, будет ли национал-социализм похоронен вместе с нашим борющимся поколением или, как мы надеемся, он действительно явится началом новой эры».

В качестве заместителя фюрера по вопросам идеологического воспитания Розенберг помогал в подготовке программ для школ Адольфа Гитлера. В эти школы, как известно, отбирали наиболее подходящих кандидатов из числа гитлеровской молодежи для будущего руководства внутри партии. Они были особой школой национал-социализма.

Розенберг оказывал также дальнейшее влияние на воспитание членов партии, организовав общественные школы для всех организаций партии. Документ № 3528-ПС представляет собой перевод с. 297 «Дас дритте Рейх» издания 1934 г. Там сказано: «Мы поддерживаем требования уполномоченного фюрера по вопросам духовного и идеологического воспитания и образования национал-социалистской немецкой рабочей партии Розенберга организовать общественные школы для всех организаций национал-социалистской немецкой рабочей партии, причем школы эти собирать дважды в год для того, чтобы показать идеологическое и политическое единство национал-социалистской немецкой рабочей партии и твердость национал-социалистской воли».

Эта программа поддерживалась подсудимым Ширахом, а также Гиммлером, Леем и др.

Значение деятельности Розенберга в качестве официального идеолога нацистской партии было отмечено всеми. Документ № 3559-ПС, который я хочу представить в качестве документального доказательства, — это биография Розенберга, написанная Хартом и названная «Человек и его работа». В этой книге сказано, что Розенберг получил национальную премию в 1937 г. Вы помните, что создание этой премии было ответом нацистов на то, что Нобелевская премия была получена одним из заключенных в концлагере в Германии. Я цитирую слова, сопровождавшие вручение Розенбергу этой премии:

«Альфред Розенберг помог своими книгами заложить научные интенсивные основы и усилить и укрепить философию национал-социализма и сделать это самым лучшим образом. Национал-социалистское движение и, более того, весь германский народ глубоко благодарны,

что фюрер отличил Альфреда Розенберга как одного из своих старых, самых верных боевых товарищей, наградив его германской национальной премией».

Вклад, который Розенберг своей книгой «Миф XX века» внес в развитие национал-социализма, был высоко отмечен.

Мы полагаем, что вклад Розенберга, который он сделал с помощью формирования и распространения национал-социалистской идеологии, был чрезвычайно важен для заговора. Он являлся апостолом нового язычества, выразителем погони за «лебенсраумом» и основателем мифа о превосходстве нордической расы, он был одним из самых старых и энергичных апологетов антисемитизма, и он сделал очень большой вклад в унификацию германского народа под знаменем свастики. Он был вдохновителем национал-социализма. Его доктрины являются объяснением уничтожения морали и создания извращенной национал-социалистской мечты о мировом господстве для германского народа, превратив его, таким образом, в орудие заговора. Он также помог заговорщикам и их добровольным сотрудникам провести в жизнь их преступный план.

Как было уже показано в цитате из «Фюрерлексикон», Розенберг стал рейхслейтером, то есть он занял самое высшее положение среди нацистских заговорщиков в апреле 1933 г. и был назначен начальником отдела внешней политики в партии. Документ под № 2319-ПС описывает функции этой партийной организации и говорит о том, что они включали проведение влияния на общественное мнение за границей с тем, чтобы убедить все народы в том, что Германия желает мира.

Деятельность этой организации в области прессы была спланирована таким образом, чтобы влиять на общественное мнение, скрыть истинные цели заговорщиков и скрыть мероприятия по подготовке агрессивных войн. Деятельность этой организации проводилась в больших масштабах. Она представляется в документе, который озаглавлен «Краткий отчет о деятельности АПА по иностранным вопросам внутри национал-социалистской партии».

Последний абзац на с. 5 перевода описывает деятельность прессы под руководством этой организации:

«Отделения прессы в канцелярии по иностранным вопросам включают в себя людей, которые все вместе знают все языки, которые находятся в употреблении. Они просматривают примерно 300 газет и передают фюреру или заместителю фюрера и всем другим заинтересованным организациям конспекты по самым важным статьям мировой прессы. Эта организация, более того, содержит и ведет архивы и подшивку самых важных газет во всем мире. В течение многих конференций Германия сумела бы избежать трудностей, если бы она обладала такими архивами.

Далее, пресс-отдел мог бы провести ряд дружеских интервью и приобрести большое количество друзей среди иностранных журналистов по отношению к различным официальным представителям Германии». Цитирую далее: «Херст неоднократно обращался с личной просьбой почаще писать о положении германской внешней политики в его газетах. В этом году появилось подробных пять статей, подписанных мной (т. е. Розенбергом. – *Авт.*), которые были распространены газетами Херста на весь мир. Эти

статьи, как мне сказал лично Херст, содержали очень интересные моменты, и он просил меня для своих газет писать еще и другие статьи».

Таким образом, Розенберг пользовался этой своей организацией для того, чтобы влиять на общественное мнение от имени национал-социализма.

Глава 11

План «Барбаросса» – в сейф агрессию не спрячешь...

Вопрос о том, кто на кого готовился напасть – Германия на СССР или СССР на Германию, всплывал не раз, в том числе и в наши дни. Нацистская пропаганда в годы войны, обвиняемые на Нюрнбергском процессе, некоторые немецкие историки в более позднее время говорили о превентивном, вынужденном ударе по Советскому Союзу, полностью подготовленному к вторжению в Германию.

Представители СССР всегда утверждали, что никаких приготовлений с советской стороны не было и Германия совершила агрессию, вероломно нарушив договор о ненападении. Правда, в последнее время в России появились публицистические произведения, в которых фактически повторяется немецкая версия событий.

Но существует еще и правда жизни. Об агрессивных намерениях нацистов свидетельствуют документы. В начале декабря 1940 г. в немецком Генеральном штабе была выпущена Директива № 21, обозначенная сначала кодовым названием «Фриц», а затем, с 18 декабря 1940 г., – «Барбаросса». Это был стратегический план нападения на СССР с выходом на линию Архангельск – Астрахань.

При этом Директива № 21 вовсе не была отправной точкой подготовки войны. Еще в июле 1940 г. из Франции, где боевые действия завершились, началась переброска войск в Польшу, на границу с СССР. Туда же перебазировались части, ранее предназначавшиеся для штурма Британских островов. В Польше была сосредоточена полумиллионная группировка вермахта. Но и ее было мало для масштабных операций. В сентябре 1940 г. в районе Лейпцига началось формирование примерно 40 новых пехотных и танковых дивизий, предназначенных для новой войны.

Так же задолго до выхода Директивы № 21 нацистское руководство начало обработку потенциальных союзников – Румынии, Финляндии, Венгрии. В качестве платы за соучастие в агрессии сателлитам предлагались земли Советского Союза.

Следов подготовки войны в Германии обнаружено много, а если говорить о намерениях большого похода на Восток, то Гитлер со всей определенностью высказал их еще в своей книге «Майн кампф», опубликованной до прихода к власти. О получении «жизненного пространства» за счет СССР он заявлял неоднократно, например на совещании гаулейтеров в 1938 г.

Архивы советского периода, ныне доступные для исследователей и общественности, подобных документов не содержат. Отрицают существование плана нападения на Германию и военачальники. Сторонникам готовившейся «агрессии» СССР остается предполагать какой-то необыкновенный режим секретности, якобы действующий даже в послеперестроечные времена. Однако скрыть можно результаты труда одного человека или группы людей. Подготовка войны, доведенная до стадии сосредоточения войск, – столь большое и многоплановое дело, что удержать его в тайне невозможно.

Между тем у западных историков, сторонников превентивного немецкого удара, появился дополнительный аргумент: дескать, сами русские пишут о том, что СССР готовился напасть на Германию. Его употребил, например, в книге «Нюрнберг. Последняя битва» английский исследователь Д. Ирвинг, автор более чем 30 трудов по истории Второй мировой войны.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Н. Д. ЗОРЯ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР»

[Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 11, 12 и 13 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моей обязанностью является представление документальных доказательств агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, организованной фашистскими военными преступниками, сидящими ныне на скамье подсудимых.

Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм в своих грабительских целях против свободолюбивых народов, нападение на Союз Советских Социалистических Республик занимает особое место.

Можно с уверенностью сказать, что захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира.

Агрессивные действия германского фашизма до нападения на Союз Советских Социалистических Республик, и в частности германская агрессия против Чехословакии, Польши, Югославии, были, как это доказал мой коллега полковник Покровский, лишь этапами на пути к нападению на Советский Союз.

Украинская пшеница и уголь Донбасса, никель Кольского полуострова и кавказская нефть, плодородные приволжские степи и белорусские леса – все это играло решающую роль в преступных замыслах фашистских захватчиков.

Война против Союза Советских Социалистических Республик велась фашистской Германией также в целях порабощения и эксплуатации советских народов.

В войне фашистской Германии против Советского Союза с ужасающей полнотой нашла свое выражение зоологическая ненависть гитлеровцев к славянским народам.

И наконец, германский империализм, выступавший в его фашистском издании, видел в захвате богатств Советского Союза и его неисчислимых продовольственных и сырьевых ресурсах базу для достижения своих далеко идущих агрессивных целей и завоевания сначала европейской, а затем и мировой гегемонии.

Известная формула германского империализма «Дранг нах Остен», о которой говорилось в речи Главного обвинителя от СССР, в разные периоды трактовалась фашистскими преступниками в самых разнообразных аспектах, но всегда в их агрессивных планах нападения на Советский Союз занимала доминирующее положение.

«Если желать новой территории, – писал Гитлер в книге «Майн кампф» («Моя борьба»), уже имеющейся в распоряжении трибунала, – то в общем и целом ее можно было бы достигнуть за счет России. Новая империя должна была бы двинуться по пути прежних рыцарских орденов»⁷.

⁷ Гитлер А. Моя борьба. Мюнхен, 1930 г. С. 742.

То обстоятельство, что, развязав окончательно фашистскую агрессию в 1939 г., Гитлер начал войну на Западе, по существу, ничего не меняло в этой основной концепции фашизма.

Американским обвинением под № ПС-789 была представлена трибуналу запись совещания Гитлера с главнокомандующими, которое состоялось 23 ноября 1939 г.

На этом совещании Гитлер, по его собственному выражению, давал «обзор мыслей, владевших им в связи с предстоящими событиями».

В этом обзоре он заявил: «Я долго сомневался, не начать ли с нападения на Восток, а затем уж на Запад». И далее: «Вынужденно получилось, что Восток на ближайшее время выпал».

Это заявление Гитлера свидетельствовало о том, что нападение на Советский Союз оставалось в планах фашистской агрессии и весь вопрос заключался лишь в выборе наиболее удачного момента для этого нападения.

Следует тут же отметить, что этот «западный» вариант начала фашистской агрессии не представлялся ее авторам наиболее выгодным вариантом.

Тот же самый Гитлер ровно за пять месяцев до совещания, о котором только что шла речь, на другом совещании, 23 мая 1939 г. (это документ американского обвинения Л-79), инструктируя своих сообщников относительно современного положения и целей политики, говорил: «Если судьба нас толкнет на конфликт с Западом, то будет хорошо, если мы к этому времени будем владеть более обширным пространством на Востоке».

Обширные пространства на Востоке должны были, по мысли гитлеровских заговорщиков, сыграть решающую роль в конфликте с Западом.

И поэтому, когда фашистские полчища оказались не в состоянии форсировать Ла-Манш, остановились на его берегах и надо было искать путей дальнейшей агрессии, заговорщики немедленно стали готовиться к нападению на Советский Союз. Это нападение было основной частью всех их агрессивных планов, которые без него не могли быть реализованы.

Я полагаю, что нет необходимости в использовании документов более раннего периода и в цитировании книги Гитлера «Моя борьба», где вопросы, связанные с грабительским нападением на Советский Союз, были сформулированы задолго до 1939 г.

Советское обвинение намеревается представить трибуналу ряд документов, подтверждающих преднамеренную агрессию фашистской Германии против Союза Советских Социалистических Республик.

Среди этих документов – материалы различных архивов, захваченных частями Красной армии при наступлении, высказывания в печати фашистских вожakov, в том числе и некоторых подсудимых, и показания лиц, располагающих достоверными сведениями о том, как в действительности протекала подготовка к нападению на Советский Союз.

Документы советского обвинения представляются по следующим разделам:

1. Военные приготовления в самой Германии.
2. Обеспечение военных приготовлений по линии разведки.
3. Обеспечение фашистскими заговорщиками участия стран-сателлитов в агрессии против Советского Союза.

Я начинаю первый раздел, касающийся военных приготовлений в самой Германии.

Высказывания Гитлера и его сообщников показывают, что замысел преступного нападения на Союз Советских Социалистических Республик политически созрел в умах фашистских заговорщиков давно.

Однако, помимо этого факта, нас интересует также вопрос о том, когда этот замысел стал облекаться в конкретные формы непосредственно военных приготовлений к грабительской войне против Советского Союза.

18 декабря 1940 г. получила официальное оформление известная трибуналу директива № 21 – «Вариант Барбаросса». Этот документ был представлен американским обвинением под № ПС-446.

Когда подпись командования появляется на такого рода документе, то это является моментом, завершающим длительную и напряженную работу всех звеньев аппарата военного управления.

Эта работа может не быть регламентирована письменными приказами. Тайна, которая окутывает эту работу, заставляет часто прибегать к приказам устным. И наоборот, многие приказы текущего порядка, в силу уже существующего стратегического замысла, приобретают соответствующую направленность, хотя внешне они как будто бы и не имеют с этим стратегическим замыслом ничего общего. <...>

Здесь я хотел бы перейти к тем показаниям Вальтера Варлимонта... Эти показания даны Варлимонтom 13 ноября 1945 г.

Я представляю этот документ в качестве доказательства под № СССР-263.

Вальтер Варлимонт, как известно, был начальником отдела обороны в ОКВ, а затем заместителем начальника оперативного штаба руководства.

Его показания в той части, в которой они затрагивают интересующий нас в данный момент вопрос, я и оглашаю. Я прошу раскрыть страницу вторую русского текста этого документа, который находится на странице двадцатой папки документов, представленной советским обвинением трибуналу. На вопросы обвинения Варлимонт показал: «...Я лично впервые услышал об этом плане (имеется в виду план «Барбаросса») 29 июля 1940 г... В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства... Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого генерал Иодль к нам, пожалуй, не приезжал. Кроме меня, он приказал явиться также трем другим старшим офицерам...»

Я пропускаю несколько строк и перехожу на страницу третью протокола допроса Варлимонта. Это соответствует странице 21 папки документов: «...Я не могу дословно повторить его выражений, но смысл был следующий... Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер обосновал это тем, что война должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной и, во всяком случае, начать необходимые приготовления к ней...»

Пропускаю несколько строчек, которые не имеют значения для интересующего нас вопроса. Продолжаю:

«При этом, или несколько позднее, Иодль заявил, что Гитлер намеревался начать войну против Советского Союза уже осенью 1940 г. Однако он отказался затем от этого плана. Причиной этого явилось то,

что стратегическое сосредоточение армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, помещения для войск, мосты не были подготовлены... средства связи, аэродромы – все еще не были организованы... Поэтому был издан приказ, который должен был обеспечить все предпосылки для того, чтобы такой поход подготовить и чтобы он состоялся».

На вопрос обвинения о том, является ли этот приказ приказом от 9 августа 1940 г., называвшимся Ауфбау-Ост, Варлимонт ответил: «Да, этот приказ был составлен в штабе руководства по приказанию генерала Иодля... По мнению генерала Иодля, концентрация могла состояться только после того, как все приготовления, указанные в этом приказе, будут выполнены».

Далее Варлимонт в своем показании сообщает, что проект плана «Барбаросса», носивший первоначально название «Фриц», докладывался Гитлеру 6 декабря 1940 г., затем редактировался и 18 декабря увидел свет.

Я думаю, что значительную помощь при исследовании вопросов, относящихся к истории подготовки варианта «Барбаросса», может оказать свидетельство такого человека, как Фридрих Паулюс, бывший фельдмаршал германской армии, который принимал, как известно, самое непосредственное участие как в разработке плана «Барбаросса», так и в его реализации.

Я представляю заявление Паулюса, датированное 9 января 1946 г. и написанное в лагере для военнопленных, под № СССР-156 и прошу принять это заявление в качестве доказательства. <...>

Останавливаясь на выяснении сроков начала подготовки к преступному нападению фашистской Германии на Советский Союз, я хотел бы напомнить трибуналу о том, что в утреннем заседании трибунала от 30 ноября 1945 г. был допрошен свидетель Лахузен, давший показания, которые представляют достаточный интерес для нашего дела.

Между прочим, этот свидетель, перечисляя ближайшее окружение начальника разведки и контрразведки германской армии адмирала Канариса, назвал фамилию Пиккенброка.

Я представляю трибуналу под № СССР-228 показания бывшего начальника первого отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Ганса Пиккенброка, бывшего начальника и сослуживца Лахузена. Пиккенброк дал эти показания в установленном законами Советского Союза порядке 12 декабря 1945 г. в Москве.

Пока я хотел бы огласить лишь следующие строки из показаний Пиккенброка, относящиеся к тому вопросу, который мы сейчас разбираем:

«...Я должен сказать, – показал Пиккенброк, – что уже с августа – сентября 1940 г. со стороны отдела иностранных армий Генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания абверу по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России.

О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 г. от Канариса. Какими источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая».

В распоряжении советского обвинения есть также показания начальника 3-го отдела германской военной разведки и контрразведки

генерал-лейтенанта бывшей германской армии Франца фон Бентивеньи, данные им 28 декабря 1945 г. Я представляю эти показания трибуналу под № СССР-230.

Пока я также оглашу лишь те места показаний Бентивеньи, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о начале военных приготовлений против Советского Союза:

«О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 г. от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 г. в своем выступлении на Берлинском совещании гаулейтеров.

...Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию».

И наконец, для того чтобы закончить с вопросом о действительном сроке военных приготовлений фашистской Германии к предательскому нападению на Советский Союз, я хотел бы остановиться на заявлении генерала Мюллера. Это заявление датировано 8 января 1946 г. и написано в лагере для военнопленных. Это заявление я представляю трибуналу под № СССР-149. <...>

Все материалы, господа судьи, на которые я до сих пор ссылался, исходили из кругов высшего командования германской армии. Генерал Мюллер принадлежит, если можно так выразиться, к среднему звену германского генералитета. Он был начальником штаба армии, командовал армейским корпусом. <...>

Я прошу обратиться к заявлению генерала Мюллера с первого абзаца:

«Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 г. В то время я был первым офицером штаба армейской группировки «С» в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1, 2 и 7-я армии, являющиеся оккупационными войсками во Франции. Кроме того, во Франции находилась армейская группировка «А» (Рундштедт), имевшая задачей подготовку операции «Морского льва» (десанта против Англии) и армейская группировка «В» (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки «В» был переведен на восток (Познань). Штабу армейской группировки «В» были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск) 12-я армия, 4-я армия, 18-я армия и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взяты были из армейской группировки «С».

Непосредственно после кампании на Западе ОКХ отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба эти мероприятия – перевод около 500 тысяч человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тысяч человек – доказывают, что уже в июле 1940 г. существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 г. письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 г. командующим резервной армией генерал-полковником Фроммом; частично это формирование производилось во Франции, главным же образом – в Германии. К концу сентября 1940 г. ОКХ вызвало меня в Фонтенбло. Оберквартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне, пока что в устной форме, приказ о том, что мой штаб (армейской группировки «С») должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал-полковник Вейхс), входивший в состав этой армейской группировки, – в Мюнхен (также к 1 ноября)».

Я пропускаю несколько строк заявления генерала Мюллера. «Задача, – продолжает генерал Мюллер, – заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника Генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в установленный срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие».

Начатая, таким образом, подготовка к военному нападению на Советский Союз велась усиленными темпами, с немецким педантизмом.

Я напоминаю, господа судьи, о том, что свидетель Паулюс в этом заседании показал, что в августе 1940 г. разработка предварительного плана нападения на Советский Союз под названием «Барбаросса» зашла уже настолько далеко, что стало возможным проведение двух военных игр под руководством Паулюса...

По времени эти мероприятия охватили значительную часть 1940 г. и начались, по крайней мере, за шесть месяцев до появления на свет директивы № 21 о варианте «Барбаросса».

Я перехожу ко второй группе документов, представляемых советским обвинением, которые характеризуют разведывательные мероприятия, предпринятые фашистскими заговорщиками в связи с подготовкой войны против Советского Союза.

Направление и задачи разведывательной работы в связи с вариантом «Барбаросса», как известно, определялись директивой Верховного командования германских вооруженных сил, которая была адресована контрразведке 6 ноября 1940 г. и подписана подсудимым Иодлем.

Этот документ представлен американским обвинением под № ПС-1229. Я считаю необходимым напомнить, что в нем от разведывательных органов требовалось, чтобы перегруппировки войск на восточной границе Германии всячески маскировались и чтобы у Советского Союза создавалось бы впечатление, что готовится какая-то акция на Балканах.

Деятельность разведывательных органов строго регламентировалась. Эта деятельность должна была обеспечить, чтобы численность германских

войск на Востоке осталась бы скрытой, насколько это возможно, чтобы было создано впечатление незначительной концентрации войск на севере восточных провинций и, наоборот, весьма значительной концентрации в южной их части, в протекторате и в Австрии.

Указывалось также на необходимость создания преувеличенных представлений о количестве частей противовоздушной обороны и о незначительном размахе дорожных работ.

Здесь я позволю себе сделать два замечания по существу. Активизация работы разведывательных органов против Советского Союза, по показаниям Пиккенброка, началась до появления этой директивы в августе 1940 г. И уж, конечно, дело заключалось не только в работе по дезинформации в связи с проводившейся перегруппировкой сил с Запада на Восток.

Я прошу обратиться к представленным мною показаниям бывшего начальника 3-го отдела разведки и контрразведки германской армии фон Бентивеньи.

В показаниях Бентивеньи говорится: «...Я еще в ноябре 1940 г. получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на советско-германской границе... Согласно этому указанию, мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки «Абверштелле», «Кенигсберг», «Краков», «Бреслау», «Вена», «Данциг» и «Познань» усилить контрразведывательную работу...

...В марте 1941 г. я получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению плана «Барбаросса»:

а) подготовка всех звеньев «Абвер-3» к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как то: создание необходимых «Абвер-групп», расписание их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов;

б) дезинформация через свою агентуру иностранных разведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

с) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечение скрытности перебросок войск на Восток».

Этот же вопрос затрагивается в представленном мною в качестве доказательства протоколе допроса бывшего начальника первого отдела разведки и контрразведки германской армии Пиккенброка. В этих показаниях говорится о деятельности разведывательных органов германской армии в связи с подготовкой к реализации плана «Барбаросса». Пиккенброк показывает: «...В марте 1941 г. я был свидетелем разговора Канариса с начальником отдела диверсий и саботажа «Абвер-2» Лахузенем о мероприятиях по плану «Барбаросса». При этом Лахузен и Канарис все время ссылались на имеющийся у Лахузена по этому поводу письменный приказ.

Я лично, как начальник «Абвер-1», начиная с февраля 1941 г. и вплоть до 22 июня 1941 г., неоднократно вел деловые переговоры по плану «Барбаросса» с начальником отдела иностранных армий Генерального штаба генерал-лейтенантом Типпельскирхом и начальником

отдела «Восток» Кинцелем. Эти переговоры касались уточнения различных заданий «Абверу» по Советскому Союзу, и в частности о перепроверке старых разведывательных данных о Красной армии, а также по уточнению дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз...

...Периферийным отделам разведки «Абверштелле», которые вели работу против России, было дано задание увеличить засылку агентов в СССР. Такое же задание об усилении агентурной работы против СССР было дано всем разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках.

Для более успешного руководства всеми этими органами «Абвера» в мае 1941 г. был создан специальный разведывательный штаб, носивший условное название «Валли-1»...

Руководителем «Валли-1» был назначен, как лучший специалист по работе против России, майор Браун. Позднее, когда по нашему примеру «Абвер-2» и «Абвер-3» также создали штабы «Валли-2» и «Валли-3», этот орган в целом именовался штабом «Валли» и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против Советского Союза. Во главе штаба «Валли» стоял Шмальшлегер...

В этом отношении вносят ясность показания заместителя Лахузена по второму отделу германской военной разведки и контрразведки при Верховном командовании германских вооруженных сил, Эрвина Штольце, который был взят в плен Красной армией.

Показания Штольце от 25 декабря 1945 г. я представляю трибуналу под № СССР-231 и прошу их принять в качестве доказательства. Я оглашаю отдельные места этих показаний. Штольце показывает: «...Я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на Советский Союз.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонт по поручению Кейтеля – точно не помню). Этот приказ содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории Союза Советских Социалистических Республик после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса»...

...В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза «Абвер-2» при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза...

...Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках...

...Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть – учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику «Абвер-2» Лахузену.

В задачу этого созданного в 1940 г. специального соединения входил захват оперативно важных объектов – мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. При этом, вопреки международным правилам ведения войны, личный состав этого полка, укомплектованный главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и вооружения армии противника для маскировки своих операций.

В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка «Бранденбург-800» также запасало предметы обмундирования и вооружения Красной армии и организовало отдельные отряды из числа немцев, знающих русский язык...

Господа судьи, представленные мною показания раскрывают методы работы германской разведки по подготовке и реализации плана «Барбаросса». <...>

Я перехожу к следующему разделу представления доказательства «Сателлиты Германии».

При оглашении в суде плана «Барбаросса», на мой взгляд, один раздел этого плана пользовался относительно незначительным вниманием.

Я имею в виду раздел второй варианта «Барбаросса» (документ американского обвинения ПС-446). Этот раздел носит название «Предполагаемые союзники и их задачи». <...>

Я считаю необходимым зачитать раздел второй этого варианта.

«1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном – нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), имеющей целью прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею.

Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что не позже чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы».

...Есть еще только один документ, представленный американским обвинением, в котором упоминаются предполагаемые союзники Германии в ее агрессии против СССР. Этот документ, носящий № С-39, называется «Временным планом «Барбаросса». Он является, как указал подсудимый Кейтель в сопроводительном письме к нему, календарным планом приготовлений к варианту «Барбаросса» после 1 июня 1941 г. Этот план был утвержден Гитлером.

В разделе втором этого документа С-39, озаглавленном «Переговоры с дружественными странами», читаем:

«а) Болгарии послана просьба не ослаблять в значительной мере соединения, стоящие для обеспечения безопасности на границе с Турцией.

б) Румыны, по почину главнокомандующего немецкими войсками в Румынии, начали частичную замаскированную мобилизацию, чтобы иметь возможность закрыть свою границу против предполагаемого нападения русских.

с) Использование венгерской территории для наступления южной армейской группы будет происходить лишь в той мере, в какой это целесообразно для введения немецких частей, связывающих венгерские и румынские войска. Однако до середины июня по этому вопросу Венгрии представлений делаться не будет.

д) Две немецкие дивизии вступили в восточную часть Словакии, следующие будут выгружаться в районе Просов.

е) Предварительные переговоры с финским Генеральным штабом происходят с 25 мая».

Господин председатель, для того чтобы связать последующие документы с теми показаниями, которые дал Паулюс, я сошлюсь только на то, что этот свидетель показал о заблаговременной подготовке к военной агрессии на румынском плацдарме, указав, что соответствующие меры по реорганизации румынской армии по образу и подобию германской армии были приняты в сентябре 1940 г., когда в Румынию была направлена специальная военная миссия и 13-я танковая дивизия. Во главе этой миссии был поставлен генерал от кавалерии Ганзен. Начальником его штаба был назначен генерал-майор Науффе, оберквартирмейстером – майор Мерк. 13-й танковой дивизией командовал генерал-майор фон Роткирх.

Задачей военной миссии было реорганизовать румынскую армию и подготовить ее к нападению на Советский Союз в духе плана «Барбаросса». Предварительную ориентировку об этой задаче генерал Ганзен и его начальник штаба, как показал Паулюс, получили у него и последующее задание – от главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича.

Директивы генерал Ганзен получал из двух мест: по линии военной миссии – от ОКВ, по вопросам сухопутных сил – от ОКХ, директивы военно-политического характера – только от ОКВ. Связь между немецким Генеральным штабом и румынским Генеральным штабом осуществлялась через военную миссию.

Договорное оформление, а тем более опубликование истинных намерений фашистской верхушки стран-сателлитов не всегда было удобно.

Я представляю под № СССР-233 запись беседы Иона Антонеску с подсудимым Риббентропом, состоявшейся 12 февраля 1942 г.

Этот документ был взят из личного архива маршала Антонеску, который был захвачен частями Красной армии.

В связи с выступлением Риббентропа в Будапеште о Трансильвании Антонеску делает следующую запись о ходе этой беседы: «Я без колебания подчеркнул, что еще с сентября, когда я взял управление страной, располагая поддержкой только со стороны г-на Михая Антонеску, я заявил, не спросив у своего народа, что мы должны вести политику присоединения к странам Оси; я сказал, что это единственный пример в истории народов, когда два человека осмеливаются сделать открытое заявление и призвать свой народ вести такую политику, которая, несомненно, должна была бы показаться гнусной».

Делая эту циничную запись, Ион Антонеску едва ли рассчитывал на ее широкую огласку.

Я остановился на вопросах, связанных с взаимоотношениями фашистских заговорщиков с румынским агрессором. Мне представляется сейчас, что наступил подходящий момент для того, чтобы огласить показания Иона Антонеску, имеющиеся в распоряжении советского обвинения.

Допрос Антонеску произведен в соответствии с законами Советского Союза, и протокол его показаний, представляющих исключительную важность для выяснения характера взаимоотношений Германии с ее сателлитами, я представляю трибуналу под № СССР-153.

Я считаю необходимым огласить большую часть этих показаний, начиная со второго абзаца протокола:

«На всем протяжении своего пребывания у власти в Румынии, – показывает Ион Антонеску, – я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле переобучения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером. Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 г., вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера Шмидта. Беседа с Гитлером длилась более четырех часов. Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к тройственному пакту. В ответ на мои заверения о верности союзу с Германией Гитлер заявил, что немецкие солдаты гарантируют границы Румынии. Тогда же Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения о Трансильвании. <...>

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 г. через германского посла в Румынии Фабрициуса я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали: Риббентроп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Бухаресте Киллинггер. Кроме них присутствовали также представители германских вооруженных сил фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль. <...>

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией Муссолини обратился к нему за помощью и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам.

Имея в виду, что пропуск немецких войск через Румынию на Балканы будет актом, враждебным Советскому Союзу, я спросил у Гитлера, как, по его мнению, отнесется к этому советское правительство?

Гитлер, напомнив мне, что при первой встрече со мной в ноябре 1940 г. он уже дал соответствующие гарантии Румынии, взял на себя обязательство защищать Румынию силой оружия.

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом для военных действий со стороны Советского Союза и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отмобилизована. На это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции. Гитлер подчеркнул также, что находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии.

Удовлетворившись этим заявлением Гитлера, я согласился пропустить немецкие войска по румынской территории.

Присутствовавший на этом совещании генерал-полковник Иодль охарактеризовал мне стратегическое положение германской армии, подчеркнув при этом необходимость удара по Греции со стороны Болгарии.

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 г. в Мюнхене.

На этой встрече, где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера – Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза, от Черного до Балтийского морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и наряду с этим принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз.

Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за

нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра.

Так как предложение Гитлера о совместном начале войны против Союза Советских Социалистических Республик соответствовало моим агрессивным намерениям, я заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз и обязался подготовить необходимое количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии.

Перед тем как мною и Гитлером было принято решение о нападении на Россию, я спросил у Гитлера, есть ли какая-либо договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против СССР. Когда именно немцы договорились об этом нападении с венграми, Гитлер мне не сказал.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, я начал деятельную подготовку к предстоящей войне».

Антонеску заканчивает свои показания следующим образом: «После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии». Подписано: «Маршал Антонеску».

План «Барбаросса» – в сейф агрессию не спрячешь...

Дата начала подготовки Румынии к войне против Советского Союза устанавливается также показаниями бывшего вице-премьер-министра Михая Антонеску, который также допрошен в соответствии с требованием советского обвинения советскими властями и показания которого я представляю трибуналу под № СССР-152. Я не буду подробно цитировать эти показания, ибо они во многом повторяют обстоятельства, изложенные в показаниях Иона Антонеску. Я попрошу остановить свое внимание на первом, втором и пятом абзацах: «В ноябре 1940 г. маршал Антонеску в сопровождении тогдашнего министра иностранных дел принца Струза выехал в Германию, где имел встречу с Гитлером. Во время переговоров с Гитлером маршал Антонеску подписал соглашение о присоединении Румынии к «тройственному пакту» и получил от Гитлера обещание пересмотреть в последующем решения венского арбитража в пользу Румынии...

Эта первая поездка маршала Антонеску послужила началом политики, приведшей впоследствии к совместному нападению Германии и Румынии на Советский Союз».

Господа судьи, показания свидетеля Паулюса и только что представленные трибуналу показания Иона Антонеску и Михая Антонеску дают основания советскому обвинению утверждать, что:

1) решение о направлении в Румынию военной миссии германского Генерального штаба для реорганизации румынской армии в целях подготовки нападения на СССР было принято не позднее сентября 1940 г., то есть не менее чем за 9 месяцев до нападения на Советский Союз;

2) в ноябре того же года были полностью развернуты военные приготовления Румынии...

«...Таким образом, под руководством немцев к началу войны Румынии и Германии против Советского Союза вся румынская армия и военно-воздушный флот были реорганизованы и переподготовлены на немецкий лад...»

Я пропускаю два абзаца...

Председатель (обращаясь к обвинителю): Ввиду того, что вы уже представили ряд доказательств трибуналу, трибунал считает, что вы можете опустить эти детали относительно подготовки, имевшей место в Румынии, и перейти к тому месту, где говорится о количестве немецких дивизий, стоявших на русской границе.

Зоря: Этот вопрос имеет большое значение.

«В связи с этим, по приказу маршала Антонеску, в феврале 1941 г. были направлены на границу Северной Буковины и Бессарабии отоброшенные и готовые к боевым действиям против Советского Союза 4-я горно-стрелковая дивизия, 7, 8, 21-я пехотные дивизии, гвардейская пехотная дивизия, кавалерийский корпус и еще одна пехотная дивизия, название которой сейчас не помню. Кроме этого, на границу с Советским Союзом были направлены три германские дивизии, выделенные из тех 21 немецкой дивизии, которые следовали через Румынию...

...По приказу маршала Антонеску в мае 1941 г. дополнительно было переброшено на границу с СССР: пограничная дивизия, 3-я, 1-я горно-стрелковые дивизии, 13-я пехотная дивизия и танковая дивизия. Одновременно вместе с этими дивизиями немцы перебросили к границе с Советским Союзом семь немецких пехотных дивизий.

Следовательно, к началу вооруженного нападения Румынии и Германии на Советский Союз на границе Румынии с Советским Союзом было сосредоточено 12 румынских и 10 германских дивизий, общей численностью до 600 тысяч человек».

Таким образом, документы, только что представленные трибуналу, позволяют утверждать, что по указанию штаба фашистских заговорщиков приготовления Румынии к агрессии против Советского Союза начались до того, как это нашло свое отражение на бумаге в варианте «Барбаросса»...

...Сейчас я хотел бы коротко остановиться на некоторых внешнеполитических методах, которыми пользовались гитлеровцы во взаимоотношениях со своими вассалами. Я хотел бы остановиться на линии гитлеровских заговорщиков в вопросе о Трансильвании. Опираясь на трансильванским вопросом как приманкой, гитлеровские заговорщики заставляли выслуживаться своих венгерских и румынских вассалов.

Я представляю под № СССР-294 показания бывшего генерал-полковника венгерской армии Рюскицай-Рюдигера.

Рюскицай-Рюдигер до мая 1941 г. занимал ответственные должности в венгерском военном министерстве, затем до сентября 1942 г. командовал корпусом, после чего был заместителем военного министра Венгрии.

Сейчас я хотел бы зачитать показания Рюскицай-Рюдигера, относящиеся к трансильванскому вопросу.

Рюскицай-Рюдигер говорит: «...Второй венский арбитраж принял маловыгодное для Венгрии решение. За Румынией был сохранен район добычи подземного газа Медьеш-Кишармеш. В венгерских политических кругах это расценивалось желанием Гитлера обеспечить себе союз с

Румынией в войне с Советской Россией. Что Гитлер ставил Румынию как союзницу выше Венгрии, объяснялось тем, что при намечавшейся войне с Советской Россией Румыния со своим упирающимся в Черное море южным крылом, безусловно, понадобится Германии.

В служебном разговоре примерно в ноябре 1940 г. начальник оперативной группы венгерского Генштаба полковник Ласло сказал мне по этому поводу следующее: «Второй венский арбитраж вызывает в Венгрии сильную ревность к Румынии, и дело только за нами, чтобы нам добиться заслуг у Гитлера».

Я позволю себе напомнить, что Антонеску в своих показаниях, которые представлены трибуналу несколько ранее, рассказывая о своих переговорах с Гитлером, говорил, что: «В ноябре 1941 г. Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время о Трансильвании»...

Цитирую одно, еще не оглашенное место из записи беседы, состоявшейся 12 февраля 1942 г. между Антонеску и подсудимым Риббентропом. Запись этой беседы представлена мною трибуналу ранее под № СССР-233.

В ответ на постановку Риббентропом вопроса о нефти Антонеску ответил: «В отношении нефти... Румыния сделала максимум того, что было в ее силах, большего она дать не может; единственным выходом из положения будет захват территорий, богатых нефтью».

Тут же следует отметить, что Антонеску не был оригинален в своих стремлениях к захвату чужих территорий, богатых нефтью.

Я прошу обратить внимание на документ из личной канцелярии подсудимого Розенберга, который озаглавлен «Преобразование Кавказа». Я представляю этот документ под № СССР-58 и прошу принять его в качестве доказательства. В июле 1941 г. подсудимый Розенберг следующим образом сформулировал германскую точку зрения в этом вопросе: «Интересы Германии заключаются в том, чтобы создать прочные позиции на всем Кавказе и тем самым обеспечить безопасность континентальной Европы, то есть обеспечить себе связь с Ближним Востоком. Только эта связь с нефтяными источниками может сделать Германию и всю Европу независимыми от любой коалиции морских держав в будущем. Цель германской политики: господство над Кавказом и над граничащими с юга странами, как в политическом, так и в военном отношении...

...Германская империя должна взять в свои руки всю нефть».

...Однако более полная картина германо-венгерских взаимоотношений, имевших целью подготовку нападения на Советский Союз, содержится в сообщении венгерского генерал-майора Штефана Уйсаси.

Уйсаси с 1 мая 1939 г. по 1 июля 1942 г. являлся начальником разведки и контрразведки венгерского Генерального штаба. В эти годы он по своему служебному положению был в курсе той тайны, которая окружала эту подготовку.

Кое-что из того, что ему известно, он рассказал в документе, который я представляю трибуналу под № СССР-155.

Прошу принять этот документ в качестве доказательства. Я оглашу заявление Уйсаси в той части, в которой это может разъяснить рассматриваемый нами вопрос. Там есть раздел «Подготовка Германии и Венгрии к войне против Советской России», § 1 «Письмо Гальдера». Цитирую: «В ноябре 1940 г. на аудиенции у начальника королевского венгерского Генерального штаба генерал-полковника Генриха Верта германский военный атташе в Будапеште полковник Генштаба Гюнтер Краппе представил письмо генерал-полковника Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии.

В этом письме Гальдер информировал Верта о том, что весной 1941 г. необходимо заставить Югославию, если нужно будет, силой «занять определенную позицию, чтобы этим впоследствии предупредить угрозу нападения русских с тыла. В этой предупредительной войне, возможной против Югославии и, несомненно, против России, должна принять участие Венгрия, что будет в ее собственных интересах».

Верт ответил, что он согласен с мнением Гальдера, но заявил при этом, что венгерская армия недостаточно вооружена и в настоящее время не готова к войне против Советской России. Попутно он просил Германию о пополнении вооружения Венгрии.

О письме Гальдера и об ответе на него меня информировал генерал-полковник Верт...

...В декабре 1940 г. начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель пригласил в Берлин венгерского министра обороны генерал-полковника Кароля Барта для того, чтобы:

- а) лично обсудить вопрос о вооружении;
- б) разработать план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии на весну 1941 г...

...Договорились о следующем:

...Весной 1941 г. выяснится позиция Югославии, угроза нападения советских войск с тыла устранится.

Венгерская гонведовская армия будет для этого обеспечена 10-сантиметровыми полевыми гаубицами, современными танками и бронемашинами для одной механизированной бригады.

Венгрия должна дать в распоряжение Германии 15 оперативных соединений для войны против России (в том числе три механизированных соединения, одно кавалерийское и одно танковое), закончить строительство укреплений в Закарпатской Руси до 1 июня 1941 г., содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границе, обеспечить подвоз снабжения через Венгрию. Детали подготовки оперативных действий будут разработаны позднее посланными в Венгрию представителями германского Генштаба.

За участие в войне Венгрия в виде политической компенсации получит земли в Югославии и в России (старое княжество Галич, предгорья Карпат до Днестра)».

В марте 1941 г. состоялся визит в Будапешт полковника немецкого Генерального штаба Эбергарда Кинцеля. Целью этого визита было окончательное отрегулирование вопроса о нападении на Югославию.

Вот что по этому вопросу сообщает Уйсаси: «Полковник Кинцель... прибыл в Будапешт в марте 1941 г. с письмом генерал-полковника Гальдера к генерал-полковнику Верту. Это письмо содержало настоятельное требование Германии об участии Венгрии в возможной войне против Югославии с мобилизацией 1, 2, 3, 4, 5-го армейских корпусов и против Советской России – при мобилизации 15 оперативных соединений, в том числе двух кавалерийских дивизий, двух механизированных бригад и одной стрелковой бригады.

В письме сообщалось о скором приезде в Будапешт комиссии немецкого Генштаба во главе с генерал-лейтенантом Паулюсом для обсуждения совместных операций и продвижения немецких войск через Венгрию на Югославию.

Генерал-полковник Верт в ответ на это письмо пригласил германскую комиссию в Будапешт, обещал согласие Венгрии участвовать в войне против Югославии и выставить с этой целью три армейских корпуса, а именно: 1, 4 и 5-й. Что касается войны против Советской России, он в принципе согласился и обещал, по меньшей мере, мобилизовать 8-й армейский корпус (Кошице) и потребованные Гальдером механизированные оперативные соединения...

Об этой переписке меня информировал лично полковник германского Генштаба Кинцель».

...И наконец, Уйсаси описывает события последних дней перед нападением на Советский Союз:

«24. VI-1941 года (насколько я помню) в 12.30 дня я получил сообщение, что советские самолеты бомбардировали Рахо (в Карпатской Руси) и обстреливали в его окрестностях поезд из пулеметов. В тот же день, после полудня, пришло известие, что советские самолеты бомбардировали Кошице. Вечером того же дня состоялось заседание коронного совета под личным руководством регента, который «на основе провокации Советской России» решил объявить ей войну...

Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками. Это я обосновываю следующим:

а) генерал-лейтенант Фюттерер и германская пропаганда очень широко «распространялись» по поводу этой бомбардировки;

б) генерал-майор Ласло немедленно приказал мне через отделение пропаганды 2-го отдела королевского венгерского Генерального штаба получить фотоснимки найденных остатков «советских бомб» и опубликовать их в прессе фашистских государств;

с) генерал-лейтенант Фюттерер, генерал-майор Ласло и подполковник Аримонд распространяли путем «пропаганды шепотом» слух, что словацкие пилоты, находящиеся на службе у русских, бомбардировали Кошице и удачные попадания бомб объясняются тем, что эти пилоты хорошо знают местность».

Это было, как указывает Уйсаси, 24 июня 1941 г. в 12 ч. 30 мин. дня. Мы располагаем документом, который устанавливает, что задолго до этого момента выступление Венгрии против Советского Союза было решено.

В представленном трибуналу заявлении Рюскицай-Рюдигера содержатся указания на причины нападения Венгрии на Советский Союз... Рюскицай-Рюдигер сообщает, что примерно в конце мая 1941 г. им был получен приказ о снабжении в первую очередь войск, расположенных в

Закарпатской Украине, а через два дня состоялось секретное совещание командиров корпусов у начальника Генерального штаба генерал-полковника Верта, на котором уже было сообщено о предстоящем нападении на Советский Союз. Я цитирую эти показания Рюскицай-Рюдигера: «Генерал Верт (начальник Генштаба) обрисовал нам военно-политическую обстановку...

...Оказалось, что предстоит нападение Германии на Советскую Россию, в котором Румыния и Венгрия примут активное участие на стороне Германии...»

Дальше Рюскицай-Рюдигер указывает, что:

«...Решение об объявлении войны было принято на заседании Совета министров по докладам премьер-министра Бардоши и министра Барта и утверждено коронным советом. Парламенту же этот вопрос не был представлен.

Эти решения... не вызвали удивления и являлись следствием долголетнего и добровольного фактического военного сотрудничества с Германией.

Венгерский Генштаб и политическое руководство Венгрии, начиная с агрессии против Чехословакии, считали Германию опорой в своих ревизионистских планах. За этим следует оккупация Закарпатской Украины, потом стратегическая подготовка этого района как плацдарма для нападения на Советскую Россию».

...Я бы хотел сейчас отметить еще одно обстоятельство.

Для того чтобы получить полное представление о последствиях грабительской агрессии фашистов против Союза Советских Социалистических Республик, нельзя ограничиваться одним планом «Барбаросса».

Этот план стратегический. План военного нападения. План начала агрессии.

Вслед за этим нападением следовало, как известно, так называемое освоение и организация оккупированных территорий. Планы этого «освоения» и «организации», являющиеся планами уничтожения мирных граждан и ограбления оккупированных областей Советского Союза, были подготовлены, так же как и план «Барбаросса», заранее.

Советское обвинение утверждает, что имеющиеся в распоряжении трибунала документы, и в частности такие документы, как инструкция от 13 марта 1941 г. (документ ПС-447), подписанная подсудимым Кейтелем, распоряжение о применении военной подсудности от 15 мая 1941 г. (документ С-50), подписанное им же, указание о пропаганде к плану «Барбаросса» (документ С-26) и другие, представляют собой предумышленное, подготовленное до нападения на Советский Союз уничтожение не только законных, но и всяких моральных норм поведения полчищами фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях.

Еще не напад на Советский Союз, гитлеровцы установили и расписали по соответствующим параграфам этих инструкций, указаний, распоряжений методы расправы с гражданским населением, порядок и способы ограбления Советской страны и превращения ее в колониальную область Третьего рейха.

Когда же война началась и тайное стало явным, фашисты не постеснялись перенести все эти вопросы на страницы своей печати.

Я представляю трибуналу под № СССР-59 статью, напечатанную 20 августа 1942 г. в «Дас шварце Кор», газетке охранных отрядов фашистской партии, являющейся органом рейхсфюрера СС. В этой статье, озаглавленной «Германизировать ли?», открыто писалось: «Для одного из номеров газеты «Дейче Арбайт», посвященного задачам переселения на Восток, рейхсфюрер СС дал следующий лозунг: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови».

Отрицание германизации не ново. Однако в устах рейхсфюрера СС как государственного комиссара по укреплению немецкой нации оно становится приказом. В этом заключается весь смысл этих слов».

Отказ от германизации населения оккупированных стран и утверждение, что на Востоке «должны быть только люди действительно немецкой крови», на практике означали массовое истребление советских граждан, их ограбление, угон в рабство, уничтожение многовековой русской культуры, разрушение наших городов и сел. Я ограничусь сказанным, ибо эта тема, вернее, несколько тем разработаны и будут представлены трибуналу моими коллегами.

22 июня 1941 г., после длительной подготовки, немецко-фашистские полчища обрушились на Советский Союз. 170 дивизий, сконцентрированных на границах Советского Союза от Ледовитого океана до Черного моря, начали вторжение.

Военные задачи нападения были сформулированы в плане «Барбаросса»:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной операции Советскую Россию...

Для этого армия должна будет представить все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей».

Вариант «Барбаросса» предусматривал необходимость уничтожения Красной армии, устранение возможности отступления ее боеспособных частей в глубь страны и быстрое достижение немецко-фашистскими захватчиками линии, с которой советская авиация не смогла бы подвергать воздействию германские области.

В качестве конечной цели по варианту «Барбаросса» намечалось закрепление на линии Астрахань – Архангельск, уничтожение авиацией уральской промышленности, захват Ленинграда и Кронштадта и, как решающий финал, овладение Москвой...

Как известно, господа судьи, гитлеровцы всегда стремились к тому, чтобы их действительные, разбойничьи цели не получали бы огласки. На том же совещании в Главной ставке 16 июля 1941 г. Гитлер, например, говорил, что является весьма важным не раскрывать своих установок перед всем миром, не осложнять своего пути излишними объяснениями и при мотивировке своих действий исходить из тактических намерений.

Подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. на совещании по вопросу о Востоке, запись о котором представлена американским обвинением под № ПС-1058, заявил, что большое значение имеет тактика, а политические установки будут определяться от случая к случаю, когда тот или иной лозунг сможет быть предан гласности.

Учитывая это обстоятельство, господа судьи, представляется полезным для нашего исследования обратиться к некоторым высказываниям фашистских военных преступников, относящимся к тому периоду, когда они считали возможным обнародовать некоторые свои политические установки.

В 1941 и 1942 гг. фашистские орды прорвались на значительные территории Советского Союза, подходили к Москве, бой шел на берегах Волги.

Призрак «Великой Германии», господствующей над миром, маячил перед гитлеровскими заговорщиками. Наступил, казалось, тот самый случай, о котором говорил подсудимый Розенберг, когда можно было, с точки зрения фашистских преступников, «некоторые политические лозунги предать гласности».

Под № СССР-58 я представил трибуналу документ из материалов канцелярии подсудимого Розенберга по вопросам германской политики в оккупированных районах Кавказа. Розенберг 27 июля 1942 г. так решил восточную проблему:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент – сыром.

Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я позволю себе представить еще один документ на ту же тему. Это выступление Геббельса в Мюнхене, опубликованное 19 октября 1942 г. в центральном органе нацистской партии «Фёлькишер беобахтер» (южногерманское издание).

Текст этого выступления представляется трибуналу в качестве доказательства под № СССР-250. В этом своем выступлении Геббельс говорил: «Мы завоевали важнейшие хлебные, угольные и металлургические районы Советского Союза. Нам принадлежит сегодня то, что потерял враг. А так как то, что недостает противнику, прибавилось нам, то это ценится вдвое. В прошлом мы были народом без пространства, но сегодня это уже не так. Сегодня мы должны только придать определенную форму тому пространству, которое завоевали наши солдаты, сделать его полезным для нас, а это требует определенного времени. Но если англичане утверждают, что мы проиграли войну из-за того, что потеряли время, то это утверждение только доказывает их полное непонимание обстановки. Время работает только против того, кто не имеет пространства и сырья. Если мы используем время для того, чтобы организовать завоеванные пространства, то оно будет работать не против нас, а на нас...»

Господа судьи, то, что Геббельс, подсудимый Риббентроп и Розенберг говорили об использовании завоеванного солдатами пространства, в ОКВ принимало более определенную форму планов дальнейшей агрессии.

В этом отношении представляет интерес следующий документ, который я представляю трибуналу под № СССР-336 и прошу принять его в качестве доказательства. Этот документ представляет собой письмо германского военно-морского штаба, направленное в адрес главнокомандующих группами «Запад», «Север» и «Юг». Этот документ был обнаружен в германских архивах союзными войсками.

Письмо имеет заголовок: «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании», имеет № 1385/41 и дату: 8 августа 1941 г.

В эти дни фашистские заговорщики считали, что победа над Советским Союзом – всего лишь вопрос времени, и поэтому планировали дальнейшую агрессию. Письмо, которое я собираюсь здесь процитировать, начинается словами: «Штабом морского командования получен проект директивы фюрера о дальнейших намерениях после окончания восточного похода. Нижеследующие указания дают в общих чертах картину этих намерений и предназначены для личной ориентировки главнокомандующих и начальников их штабов».

Вслед за этим следует раздел второй, в восьми пунктах которого излагаются военные планы гитлеровцев после окончания восточной кампании. <...>

В пункте третьем представленного документа излагаются намерения фашистских заговорщиков в Северной Африке: «Усиление вооруженных сил в Северной Африке в объеме, достаточном для овладения Тобруком. Для планомерной проводки потребного транспорта необходимо возобновление налетов германских воздушных сил на Мальту. При планомерном обороте транспорта можно рассчитывать на поход на Тобрук с середины сентября, если только условия погоды не обусловят отсрочки».

В августе 1941 г. гитлеровцы предполагали при помощи фашистской Испании захватить Гибралтар в том же году.

В пункте четвертом раздела второго письма, которое я только что вам представил, предусматривалось, что:

«План «Феликс» (цитирую дословно) – захват Гибралтара, – при активном участии Испании, должен быть осуществлен еще в 1941 году».

Гитлеровцы планировали также осуществление нападения на Сирию и Палестину в направлении Египта. В пункте пятом того же письма говорится: «В случае если после очевидного окончания восточной кампании удастся перетянуть на нашу сторону Турцию, предусматривается, после минимального 85-дневного срока подготовки необходимых сил, после предварительного обеспечения перевала через Кавказ и улучшения анатолийских транспортных условий в Турции с немецкой помощью, – нападение на Сирию». Существует и возможный вариант этого плана: «В случае если Турция, – пишется там, – не перейдет на нашу сторону, даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли».

Господа судьи, Египет в планах фашистской агрессии занимал большое место. О нем говорится и в пунктах шестом и седьмом раздела второго письма.

В пункте шестом сказано: «Удар на Египет и Киренаику (после падения Тобрука). Предположительно, что этот удар не может осуществиться ранее конца 1941 – начала 1942 г.».

В пункте седьмом указывалось, что «...если крушение Советской России создаст для этого необходимые предпосылки, предусматривается продвижение моторизованного экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидский залив – Ирак – Сирия – Египет. Этот удар, по условиям погоды, будет возможен только в начале 1942 г. ...».

Только что представленный трибуналу документ свидетельствует о том, какой оборот событиям предполагали дать фашистские заговорщики, если бы Красная армия не остановила их агрессии.

Фашистские агрессоры надеялись в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, покорить советский народ и открыть тем самым себе путь к мировому господству.

Господа судьи, я подошел к концу моего изложения.

Позвольте, заканчивая представление документов об агрессии фашистских преступников против Советского Союза, кратко сформулировать следующие основные выводы:

1. Преступный замысел нападения на Союз Советских Социалистических Республик, имевший целью ограбление Советского Союза и использование его богатств для дальнейшей германской агрессии, созрел у фашистских заговорщиков задолго до того, как это нападение было осуществлено.

2. Непосредственные военные приготовления к нападению на Советский Союз велись фашистскими преступниками по меньшей мере в течение года и охватывали не только Германию, но и страны-сателлиты, в первую очередь Румынию, Финляндию, Венгрию.

3. Реализация преступных целей фашистской агрессии, заключавшихся в уничтожении мирного населения, ограблении Советского Союза и отторжении принадлежащих ему территорий, была запланирована заранее, до нападения на Советский Союз.

К счастью для всех свободолюбивых народов, Союз Советских Социалистических Республик, советский народ и его Красная армия полностью опрокинули все человеконенавистнические планы фашистских захватчиков.

Красная армия не только выстояла и остановила фашистскую агрессию, но вместе с союзными армиями привела гитлеровскую Германию к полной катастрофе, а фашистских военных преступников – на скамью подсудимых.

Глава 12

«Этюд» Йодля и Варлимонта для танковых колонн

Штабная работа по подготовке нападения на СССР началась в день капитуляции Франции, 22 июля 1940 г. Среди нескольких вариантов плана, представленных разными группами, Гитлер выделил «Этюд Лоссберга», который принадлежал генералам Йодлю и Варлимонту. Они предложили нанести главный удар на Москву через Белоруссию, по кратчайшему расстоянию. «Этюд Лоссберга», взятый за основу, и другие варианты обобщил генерал Паулюс. Он же провел в середине декабря 1940 г. штабную игру, по результатам которой в плане были сделаны важные уточнения.

Директива № 21, вариант «Барбаросса», была принята Верховным командованием вермахта (ОКВ) 18 декабря 1940 г., а 31 января 1941 г. Верховное командование сухопутных сил (ОКХ) издало «Директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск».

Эти два документа и составили общий план предстоящей «молниеносной» войны. Предполагалось, что эффект от мощных ударов подвижными соединениями будет таков, что войска Красной армии будут разбиты недалеко от границы и не смогут отойти восточнее Днепра и Западной Двины.

Нападение, первоначально намеченное на май 1941 г., из-за незавершенных операций на Балканах было перенесено на июнь.

В нем приняли участие огромные силы – 190 дивизий Германии и союзников, 4 немецких воздушных флота, авиация Румынии и Финляндии, всего 5 тысяч самолетов. В танковых клиньях действовало 4300 бронированных машин. Общая численность наступающих войск составила 5,5 миллиона человек.

Однако Директива № 21 оказалась для вермахта и союзников невыполнимой. Выход на линию Архангельск – Астрахань не состоялся ни в 1941 г., ни позже, когда «молниеносная» война превратилась в затяжную.

Нацистские стратеги недооценили силы СССР, которого Гитлер опрометчиво назвал «колоссом на глиняных ногах» в предположении, что он развалится от первых же ударов. В реальности успехи первого периода войны сменились поражениями, а затем и полным разгромом немецких войск.

Директива Верховного командования германских вооруженных сил от 18 декабря 1940 г. № 21 о нападении на СССР

ДИРЕКТИВА № 21. ВАРИАНТ «БАРБАРОССА»

Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию (вариант «Барбаросса»).

Для этого армия должна будет использовать все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил будет заключаться в том, чтобы высвободить для Восточного фронта силы, необходимые для поддержки

армии, с тем чтобы можно было рассчитывать на быстрое проведение наземной операции, а также на то, чтобы разрушения восточных областей Германии со стороны вражеской авиации были бы наименее значительными.

Основное требование заключается в том, чтобы находящиеся под нашей властью районы боевых действий и боевого обеспечения были полностью защищены от воздушного нападения неприятеля и чтобы наступательные действия против Англии, и в особенности против ее путей подвоза, отнюдь не ослабевали.

Центр тяжести применения военного флота остается и во время восточного похода направленным преимущественно против Англии.

Приказ о наступлении на Советскую Россию я дам в случае необходимости за восемь недель перед намеченным началом операции.

Приготовления, требующие более значительного времени, должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15.V.41.

Особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение.

Приготовления Верховного главнокомандования должны вестись исходя из следующих основных положений:

Общая цель

Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории.

Затем путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация уже не будет в состоянии совершать нападения на германские области. Конечной целью операции является отгородиться от Азиатской России по общей линии Архангельск – Волга. Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале сможет быть парализована с помощью авиации.

В ходе этих операций Балтийский флот русских быстро потеряет свои опорные пункты и таким образом перестанет быть боеспособным.

Уже в начале операции следует путем мощных ударов предотвратить возможность действенного вмешательства со стороны русской авиации.

Предполагаемые союзники и их задачи

1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном – нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), которая должна прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею. Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что, не позже чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы.

Проведение операции

Армия в соответствии с вышеизложенными целями:

В районе военных действий, разделенном болотами р. Припяти на северную и южную половины, центр тяжести операции следует наметить севернее этой области. Здесь следует предусмотреть две армейские группы.

Южной из этих двух групп, образующей центр общего фронта, предстоит задача с помощью особо усиленных танковых и моторизованных частей наступать из района Варшавы и севернее ее и уничтожить русские вооруженные силы в Белоруссии. Таким образом должна быть создана предпосылка для проникновения больших сил подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной армейской группой, наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, сражающиеся в Прибалтике. Лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой.

Только неожиданно быстрое уничтожение сопротивляемости русской армии могло бы позволить стремиться к одновременному завершению обоих этапов операции.

Основной задачей XXI группы во время восточной операции остается по-прежнему оборона Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы следует обратить на севере (горный корпус) в первую очередь на обеспечение области Петсамо и его рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана, а затем совместно с финскими вооруженными силами продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы прервать снабжение сухим путем Мурманской области.

Сможет ли быть проведена подобная операция с помощью более мощных немецких вооруженных сил (2–3 дивизии) из района Рованиэми и южнее его, – зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги для этого наступления.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с успехами немецкого северного фланга сковать как можно больше русских сил путем нападения западнее или по обеим сторонам Ладожского озера, а также овладеть Ханко.

Основной задачей армейской группы, расположенной южнее припятских болот, является наступление из района Люблина в общем направлении на Киев, чтобы мощными танковыми силами быстро продвинуться во фланг и в тыл русских сил и затем напасть на них при их отходе к Днепру.

Германо-румынской армейской группе на правом фланге предстоит задача:

а) оборонять румынскую территорию и, таким образом, южный фланг всей операции;

б) в ходе нападения на северном фланге южной армейской группе сковать находящиеся против нее силы неприятеля, а в случае успешного развития событий путем преследования, во взаимодействии с воздушными силами, препятствовать организованному отходу русских через Днестр.

На севере – быстрое достижение Москвы. Захват этого города означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишаются важнейшего железнодорожного узла.

Воздушные вооруженные силы:

Их задача будет заключаться в том, чтобы по возможности парализовать и ликвидировать воздействие русской авиации, а также в том, чтобы поддерживать операции армии на ее решающих направлениях, а именно: центральной армейской группы и – на решающем фланговом направлении – южной армейской группы. Русские железные дороги должны быть перерезаны в зависимости от их значения для операции преимущественно на их важнейших ближайших объектах (мостах через реки) путем их захвата смелой высадкой парашютных и авиадесантных частей.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против неприятельской авиации и непосредственной поддержки армии не следует во время главных операций совершать нападения на оборонную промышленность. Только по окончании операции против средств сообщения такие нападения станут в порядок дня, и в первую очередь на Уральскую область.

Военно-морской флот:

Военно-морскому флоту в войне против Советской России предстоит задача, защищая собственное побережье, воспрепятствовать выходу неприятельских военно-морских сил из Балтийского моря. Ввиду того что по достижении Ленинграда русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безвыходном положении, следует избегать перед этим более значительных морских операций.

После ликвидации русского флота задача будет состоять в том, чтобы полностью обеспечить снабжение северного фланга армии морским путем (очистка от мин!).

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании настоящего указания, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свое отношение к нам, которого она придерживалась до сих пор.

Число офицеров, привлекаемых для предварительной подготовки, должно быть как можно более ограниченным, в дальнейшем сотрудники должны привлекаться как можно позже и посвящены лишь в объеме, необходимом для непосредственной деятельности каждого отдельного лица. Иначе возникает опасность, что из-за огласки наших приготовлений, реализация которых пока вовсе еще не решена, могут возникнуть тяжелейшие политические и военные последствия.

Ожидаю от главнокомандующих докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящем указании.

О намеченных приготовлениях и их ходе во всех войсковых частях доносить мне через Верховное главнокомандование (ОКВ).

Завизировали: Иодль, Кейтель.

Подписано: Гитлер.

Разослано:

главнокомандованию сухопутных сил (опер. отд.) экз. № 1,

флот – № 2,

военно-воздушных сил – № 3

ОКВ: Шт. рук. вооруженными силами – № 4

Отдел Л – № 5–9

Глава 13

Разбойник стал «освободителем»

До 22 июня 1941 г. – дня нападения на СССР – действовала директива по дезинформации, требовавшая скрывать крупномасштабные военные приготовления. Нацисты представляли дело так, что войска готовятся для операций на Балканах и удара по Великобритании. В прессе были инспирированы статьи об улучшении отношений с Советским Союзом, развитии экономических связей, строгом соблюдении Пакта о ненападении.

С началом боевых действий нацистская пропаганда сделала резкий поворот, и, конечно, не в сторону правды. Она всеми силами старалась скрыть от жертвы агрессии – советского народа – и мировой общественности истинные цели войны, состоявшие в расчленении СССР, захвате «жизненного пространства», очистке его от «расово неполноценного» населения, ограбления оккупированных территорий.

Пресса Германии начала трубить о вынужденных, превентивных действиях против СССР, о страданиях советских людей под гнетом «еврейско-большевистской» власти, о том, что немецкие войска несут народу СССР свободу от «тирании Советов».

Секрет столь слаженной работы заключался в том, что Министерство народного просвещения и пропаганды не только контролировало, но непосредственно руководило средствами массовой информации. Рейхсминистр Геббельс ежедневно принимал руководителей и корреспондентов крупнейших газет и инструктировал их по поводу содержания публикаций. Местная пресса получала его указания по почте или телеграфу. Объектом таких манипуляций были две с половиной тысячи газет, сотни журналов, информационные агентства Германии.

Геббельс принимал меры к тому, чтобы обеспечить лояльность иностранных корреспондентов. Им создавались хорошие условия для работы. Препарированная нацистами информация лилась рекой, для них организовывались рабочие поездки, больше похожие на увеселения. Формой подкупа были частые приемы, предоставление квартир и транспорта.

Частью единой машины были пропагандистские подразделения вермахта. Ниже приводится приказ Верховного командования, применившего методики Геббельса к населению оккупированных территорий.

Документ С-26

Верховное командование вооруженных сил

Относится к руководству

Только через офицера

Берлин, июнь 1941 г.

Изготовлено в 100 экз. Экз. № 50

Указания о применении пропаганды по варианту «Барбаросса»

1. Окончательные и полные тенденции для пропаганды против Советского Союза в настоящее время еще указаны быть не могут, так как вполне возможно, что еще до начала боевых действий политическое развитие предоставит нам новые, особо действенные тенденции для пропаганды.

Поэтому сохраняется право дополнить нижеизложенные указания о линиях пропаганды.

Однако в основном уже теперь можно сказать следующее:

а) Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающие на мировую революцию.

б) Следует особенно ясно указать, мотивируя это тем, что Советы до сих пор проводили в подвластных им местностях по отношению ко всему населению исключительно беззастенчивую насильственную политику, что германское военное командование приходит в страну не в качестве врага населения. Более того, оно хочет освободить население от тирании Советов.

Однако если со стороны небольшевистской части населения будет оказано сопротивление, то немецкие вооруженные силы будут вынуждены подавить его, кем и когда оно бы ни было оказано.

с) Точно так же немецкие вооруженные силы будут вынуждены наказывать со всей строгостью военных законов тех, кто нанесет вред немецким вооруженным силам путем шпионажа, диверсий (саботажа) или применения оружия вопреки международному праву и тем окажет помощь Советам.

д) Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза на отдельные государства. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленить Советский Союз.

Тем не менее следует избегать терминов «Россия», «русские», «русские вооруженные силы» и заменять их терминами «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная армия» и т. п.

е) В дальнейшем очень важно доказать населению необходимость для каждого оставаться на месте своей работы. Разграбление и разбазаривание продовольствия, уничтожение машин и хозяйства неизбежно приведут к нищете и голоду. Из тех же хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем. Немедленное изменение производственных форм хозяйства только увеличило бы вредные последствия вызванных войной нарушений хозяйственной жизни.

2. С началом военных действий против Советского Союза все пропагандистские части могут начать давать информацию о войне. Особенно следует выпячивать всякого рода жестокости и нарушения международного права, в которых могла бы провиниться Красная армия. Информация, основанная только на устных рассказах, – неприемлема. Она должна основываться на официальных донесениях офицеров. Особенно важно, чтобы первые отчеты о боевых действиях поступили в Верховное главнокомандование вооруженных сил как можно скорее. С этой целью следует учесть необходимость внедрения смешанных информационных подразделений пропагандистских частей в передовые соединения, ведущие боевые действия.

3. Пропагандистские пункты связи организуются ВГК вооруженных сил в Рейхсгофе (Ржошове), Варшаве, Кенигсберге и Рованиеми. Пересылка материалов информации из пропагандистских частей к ближайшему пропагандистскому пункту связи является обязанностью пропагандистских частей. Дальнейшая доставка информационного материала из пропагандистского пункта связи в Берлин производится пропагандистской ротой связи ВГК вооруженных сил. Кроме того, должна быть по возможности использована для пересылки информационных материалов непосредственная курьерская связь армии и военно-воздушных сил.

4. Для передачи в Берлин устной информации, особенно из пропагандистских пунктов связи, следует пользоваться телефоном, поскольку он имеется в распоряжении. Информация, передаваемая устно, тем не менее при ближайшей возможности должна быть послана и в письменном виде, причем должно быть отмечено, что эта информация уже была передана по телефону.

В качестве точек для приема радиоинформации предоставляются Краков, Варшава и Кенигсберг.

5. Применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной армии обещает больший успех, нежели в борьбе со всеми прежними противниками немецких вооруженных сил. Поэтому имеется намерение применять ее в больших масштабах.

Помимо отдаваемых в отдельных случаях приказов ВГК вооруженных сил о применении против неприятеля средств активной пропаганды, армиям и танковым группам предоставляется право перед началом боевых действий пускать в ход все имеющиеся в их распоряжении средства пропаганды для достижения неизменного боевого эффекта. Поскольку пропагандистские тексты, исходя из условий, места и времени, могут выходить за пределы их чисто тактического содержания, они должны, во всяком случае, соответствовать инструкциям, содержащимся в ст.1.

6. Сбрасывание листовок с самолетов для советских частей и населения производится по указаниям непосредственно ВГК вооруженных сил через военно-воздушные силы.

7. Представляется целесообразным, чтобы армии подготовили воззвания к населению для расклейки на стенах домов, которые в основном соответствовали бы указанным в ст.1 пропагандистским тенденциям и были бы приспособлены по содержанию и языку к различным группам населения, проживающим в отдельных населенных местностях. Кроме того, эти воззвания в самой сжатой форме могут содержать направленные к населению распоряжения военного командования. Эти воззвания должны быть составлены, кроме немецкого, на том языке, который преобладает в данной местности (например, русском, эстонском, латышском и т. п.).

8. Применение громкоговорителей должно иметь место не только как пропагандистское средство борьбы с неприятелем, но и для пропагандистского воздействия на население оккупированных местностей. Определение характера и объема такого применения предоставляется армиям и танковым группам.

9. ВГК вооруженных сил будет передавать для армии «Бюллетени о Советском Союзе» и «Инструкции о поведении германских войск».

«Бюллетени» должны доводиться до дивизий и, кроме того, до рот пропаганды, а «Инструкции» – до рот.

10. Роты пропаганды армии незадолго до начала боевых действий будут пополнены ВГК вооруженных сил активными пропагандистами, работниками прессы, цензорами, а частично радиопередаточными подразделениями, которые в случае продолжения наступления должны быть оставлены в крупных городах и при больших радиопередаточных станциях. Позднее они будут исключены из состава рот пропаганды и будут сведены в отряды или отделы пропаганды. На ближайшее время должно предусмотреть создание по одному отделу пропаганды для Украины, собственно России и для Прибалтики.

11. Поскольку возможно в оккупированных местностях контролировать прессу, желательно продолжать выпуск некоторых больших газет под немецкой цензурой. Это касается в первую очередь Украины и Прибалтики. Главной задачей немедленно вводимой цензуры является обеспечить, чтобы информация и комментирование ни в коей мере не вредили немецким интересам. Пресса должна видеть свою главную задачу в том, чтобы успокаивающе воздействовать на население и удерживать его от всяких актов саботажа. Там, где отсутствует возможность контроля над прессой, следует воспретить появление газет, журналов и деятельность информационных бюро.

12. Особое значение имеет овладение весьма широкой советской радиосетью, по возможности в неповрежденном виде, с тем чтобы немедленно использовать ее для целей немецкой пропаганды. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы передовые части захватывали и брали под охрану крупные радиопередаточные станции. Боевые части должны быть предупреждены о необходимости избегать каких бы то ни было повреждений радиопередаточных станций.

Как только будет установлена непрерывная цензура на радиопередаточной станции, следует возобновить передачи в ограниченных размерах. Для этого служат радиопередаточные подразделения, которые в соответствии со ст. 10 будут прикомандированы ВГК вооруженных сил к некоторым ротам пропаганды.

Соответствующими обращениями все население вновь должно предостерегаться против участия в борьбе и призываться к сохранению порядка и спокойствия. Для обеспечения передаточных станций информацией должны быть применены приемники ДНБ, имеющиеся в ротах пропаганды.

13. Для восполнения радиосети, и в особенности для замены крупных радиопередаточных станций, разрушение которых удалось бы противнику, следует предусмотреть применение подвижных радиопередаточных станций. Необходимый для их организации личный состав будет доставлен ВГК вооруженных сил (отд. войск, пропаганды), который в каждом отдельном случае регулирует введение в действие этих радиопередатчиков.

14. Снабжение немецких частей газетами с родины, информацией для войск и доставка всякого другого информационного материала производится через внешние пункты Рейхсгоф (Ржошов) в Варшаву и Кенигсберг отделом пропаганды ВГК вооруженных сил, который затем установит связь с отдельными армейскими ротами.

Н-к опер. штаба верх. гл. ком. воор. сил Иодль

Примечание:

1. Вышеизложенная директива подлежит рассылке только учреждениям, причастным к плану «Барбаросса».
2. Время дачи указаний ротам пропаганды устанавливают армии, танковые группы и авиакорпуса.
3. ОКХ, ОКЛ и ОКМ приглашаются донести к 15/VI-41 г. в отдел войсковой пропаганды ОКВ, каким местам разосланы настоящие указания.

Глава 14

«Истреблять все, что восстает против нас»: фюрер у глобуса

Лето 1941 г. в Германии прошло под пение фанфар, извещавших о победах вермахта на Востоке. Уже через месяц после начала войны в руках немцев оказались огромные территории. Нацистские вожди потирали руки в предвкушении сказочных богатств, которые принесет им реализация плана «Барбаросса».

Советская пропаганда не преувеличивала, называя нацистов разбойниками. Совещание у Гитлера в июле 1941 г., которое протоколировал Борман, показывает безмерную алчность завоевателей, их нежелание делиться с кем-либо военной добычей.

Французская «газета из Виши», видимо желая выслужиться перед немцами, назвала нападение Германии на СССР «войной всей Европы». Нацистские бонзы сразу обвинили «бесстыдную» газету в том, что она осмелилась говорить о пользе от немецкой войны для других государств Европы.

Даже весьма активным союзникам, таким, как Румыния и Финляндия, Гитлер раздавал в основном посулы или то, что не представляло интереса для Германии. Например, фюрер обещал финнам Петербург, который до передачи союзникам собирался сровнять с землей. Финляндия претендовала на Восточную Карелию. И тут ей ничего не светило: «...ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии». Фюрер подчеркнул, что «мадярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний».

Обуреваемые жадностью нацистские вожди договорились до того, что вооруженная помощь им не нужна вообще. В этом случае, ясно, делить трофеи не пришлось бы вовсе. Все лучшее должно достаться рейху! Заботой Гитлера и его приспешников было «освоить огромный пирог», чтобы они, свидетельствовал Борман «во-первых, овладели им, во-вторых, управляли, в-третьих, эксплуатировали».

Аппетиты росли час от часа, день ото дня, и даже в ходе совещания. Фюрер увидел в составе Германии Прибалтику, затем Крым с «прилегающими районами», которые должны быть «как можно больше», волжские колонии, бакинскую область...

«Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад», – фиксировал нацистские мечтания Борман. В райском саду, естественно, должны были разгуливать представители «высшей расы», а другим были уготованы депортации, расстрелы, принудительный труд.

Документ л-221

Главная квартира фюрера

16/VII–41 во/фю

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

По поручению фюрера сегодня в 15 часов у него имело место совещание с рейхслейтером Розенбергом, рейхсминистром Ламмерсом, фельдмаршалом Кейтелем, рейхсмаршалом и со мною (Борманом).

Совещание началось в 15 часов и длилось приблизительно до 20 часов, с перерывом для кофе.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что он хочет установить несколько основных положений. В настоящее время необходим ряд мероприятий. Об этом свидетельствует высказывание одной бесстыдной газеты из Виши о том, что война против СССР является войной Европы. Таким образом, война ведется якобы для всей Европы.

Этим высказыванием газета из Виши, очевидно, хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлечь не только немцы, но и все европейские государства.

Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром. Это к тому же вовсе не нужно. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем все сделать, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти, мы и без этого сделать не можем.

Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными и не будем этого делать.

Итак, мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. п. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее, вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. п.

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого речь идет о следующем:

1. Ничего не строить для окончательного регулирования, но исподтишка подготовить все для этого.

2. Мы подчеркиваем, что мы приносим свободу.

Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи.

В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией.

В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали.

Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас.

Самое основное:

Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев».

Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи – это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно ударило бы по самим себе. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец.

Ни в коем случае мы не должны проводить «колеблющейся» политики. Англичанин всегда отличается равномерным преследованием одной линии, одной цели. В этом отношении мы обязательно должны учиться у англичан; соответственно этому мы не вправе ставить наши отношения в зависимость от отдельных личностей. И тут примером должно служить поведение англичан в Индии по отношению к индийским князьям: солдат ведь всегда обеспечивает режим.

Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад. Они для нас жизненно важны. Колонии по сравнению с ними играют совершенно второстепенную (подчиненную) роль.

Даже в тех случаях, когда мы оккупируем отдельные районы, мы всегда обязаны выступать в роли защитников права и населения. Соответственно этому уже сейчас нужно избрать необходимые формулировки. Мы говорим не о новой области империи, а о необходимой задаче, выдвинутой войной.

В частности: в Прибалтике район до Двины по согласованию с фельдмаршалом Кейтелем уже сейчас должен быть взят под правление.

* * *

Рейхслейтер Розенберг подчеркивает, что, по его мнению, в каждой области (комиссариате) должно быть разное отношение к населению. На Украине мы должны были бы выступить с обещаниями в области культуры, мы должны были бы пробудить историческое самосознание украинцев, должны были бы открыть университет в Киеве и т. п.

Рейхсмаршал возражает, указывая на то, что мы в первую очередь должны обеспечить себе пропитание, все остальное могло бы прийти гораздо позже.

(Побочный вопрос: имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине и имеются ли украинцы, принадлежащие к высшим классам вне современной России в качестве эмигрантов.)

Розенберг продолжает: на Украине следует развивать известные стремления к самостоятельности.

Рейхсмаршал просит фюрера сообщить, какие районы обещаны другим государствам.

Фюрер отвечает, что Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад-северо-запад. На вопросы Розенберга и рейхсмаршала фюрер указывает, что испрашиваемая Антонеску граница мало выходит за пределы старой румынской границы. Фюрер подчеркивает, что мадьярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний.

Фюрер затем ставит на обсуждение, не следует ли немедленно создать губернаторство в староавстрийской Галиции. После обмена мнениями фюрер решает не учреждать в этой части губернаторства, а подчинить его по совместительству рейхсминистру Франку...

Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например белостокские леса.

Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи.

Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма). Эти прилегающие районы должны быть как можно больше.

Розенберг высказывает свои сомнения в части проживающих там украинцев.

(Попутно: многократно замечалось, что Розенберг слишком много уделяет внимания украинцам. Он хочет также значительно увеличить старую Украину.)

Фюрер далее подчеркивает, что и волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как бакинская область. Она должна стать немецкой концессией (военной колонией).

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако, ввиду большой добычи никеля, Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сровнять Ленинград с землей, с тем чтобы затем отдать его финнам...

Рейхслейтер Розенберг поставил затем вопрос об обеспечении безопасности управления.

Фюрер обращается к рейхсмаршалу и фельдмаршалу, говоря, что он всегда настаивал на том, чтобы полицейские полки получили танки. Для применения полиции в новых восточных областях это чрезвычайно нужно, так как, имея соответствующее количество танков, полиция могла бы многое сделать. Впрочем, подчеркивает фюрер, обеспечение безопасности, естественно, весьма недостаточно. Однако рейхсмаршал построит свои учебные аэродромы в новых областях, и, если это будет нужно в случае восстания, Ю-52 смогут сбрасывать бомбы. Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучшее всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд.

Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что надо сделать местное население ответственным за свои собственные дела, так как, естественно, невозможно ставить охрану для каждого поста, для каждого вокзала. Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявляет бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за всякий проступок.

На вопрос рейхслейтера Розенберга фюрер ответил, что нужно возродить газеты, например и для Украины, чтобы получить возможность влиять на местное население...

Рейхслейтер Розенберг просит предоставить ему соответствующее служебное здание. Он просит передать ему здание советского торгпредства на Литценбургерштрассе. Министерство иностранных дел, однако, придерживается мнения, что это здание является экстерриториальным. Фюрер отвечает, что это – чепуха. Рейхсминистру д-ру Ламмерсу дается поручение сообщить Министерству иностранных дел, что дом должен быть немедленно передан Розенбергу без дальнейших переговоров.

На этом заканчивается протокольная запись беседы в главной квартире фюрера 16 июня 1941 года, отраженная в документе Л-221.

Фашистские режимы Германии и Италии, милитаристская власть Японии понравились друг другу еще в 1930-х гг. Каждая вынашивала и осуществляла свои агрессивные планы. Так, Япония в 1931 г. вторглась в Маньчжурию, а Италия в 1935 г. – в Абиссинию.

Вступление их в союз было делом недолгого времени. В октябре 1936 г. была создана «ось» Берлин – Рим. За этим, в ноябре 1936 г., последовал антикоминтерновский пакт Германии и Японии, к которому через год присоединилась Италия.

В сентябре 1940 г. эти государства заключили тройственный пакт – военно-экономический союз на 10 лет. Агрессивная «ось» превратилась в «треугольник», занявшийся подготовкой мировой войны.

Целью закулисного сотрудничества было установление японского контроля над необъятным «восточноазиатским пространством». Германия и Италия собрались доминировать – ни много ни мало – в «европейско-африканском полушарии». И там и тут предполагалось установить «новый порядок». В японском варианте он был не менее жестоким и бесчеловечным, чем в немецком.

Главной силой в этом союзе была Германия. Нацистское руководство сделало все, чтобы толкнуть сателлитов в выгодном для него направлении. Япония предпочитала расправляться со слабыми противниками в регионе теплых морей. Германия же настаивала на действиях против Великобритании, вынуждая японцев к нападению на Сингапур и угрозе

Индии. Далее им настойчиво предлагалось ударить с востока по СССР, чтобы два союзника-агрессора пожали руки на Транссибирской магистрали.

В переговорах с японским послом Осимой и министром иностранных дел Мацуокой усердствовал не один Риббентроп, но и сам фюрер – «один из величайших военных экспертов современности».

Но добиться того, чтобы Япония плясала под немецкую дудку, нацистские вожди так и не смогли. Гегемон «Великой Восточной Азии» воздержался от нападения на СССР. Однако 7 декабря 1941 г. японские авиация и флот развернули боевые действия против США, уничтожив основные силы американского Тихоокеанского флота на базе Перл-Харбор, и против Великобритании на юго-западе Тихого океана. Военные преступления Японии были столь велики, что после ее капитуляции был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока, рассмотревший дела 28 главных военных преступников.

Война была единственной естественной формой существования нацизма. Уже в августе 1941 г., считая, что победа над СССР – дело решенное, Гитлер дал высшим начальникам очередные военные ориентиры. Мрачный дух германского милитаризма получил богатую пищу: никогда еще штабной немецкий циркуль столь размахисто не ходил по карте мира.

Бомбардировки Мальты, захват Тобрука в Северной Африке – фюреру не откажешь в глобальном мышлении. Гитлер вспомнил и о назначенной в 1940 г. и почти сразу отмененной операции «Феликс» по захвату Гибралтара, Канарских островов и островов Зеленого Мыса. Целью был удар по морским военным базам англичан. На этот раз Гитлер решил, что еще в 1941 г. операция «Феликс» должна быть завершена с привлечением сил Испании.

В союзе с Турцией Гитлер планировал напасть сначала на Сирию и Палестину, а далее – на Египет. С оккупированной территории СССР – через Закавказье – должен был двинуться экспедиционный корпус к Персидскому заливу в направлении Ирак – Сирия – Египет.

Сроком выступления со стороны Закавказья фюрер «по условиям погоды» считал начало 1942 г. Этой «погоды» нацистов лишили действия Красной армии, не пожелавшей сложить оружие после драматических для нее событий первого периода войны. Иначе, кто знает, флаги со свастикой могли взвиться над Дамаском, Каиром, Багдадом...

Глава 15

Плен – путь в небытие

История человечества – это вечное противоборство добра и зла. При многих благих попытках создать гарантии мира люди до сих пор не научились жить без войн, а воюя – избегать варварских, бесчеловечных форм борьбы и насилия. Нацистская Германия продемонстрировала полное отрицание цивилизованных методов решения конфликтов в виде международных соглашений, законов и обычаев войны, отвергающих ее крайности.

Еще более века назад правительства многих стран, движимые доброй волей, договорились об едином, достаточно гуманном подходе к военнопленным. В 1899 и 1907 гг. была принята Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, в 1929 г. – Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и о военнопленных. Согласно этим документам, плен всего лишь средство исключить военных из дальнейшего участия в боевых действиях. В истории бывали случаи рыцарского отношения к противнику, когда взятых в плен отпускали под честное слово не брать в руки оружие.

Не поднимаясь до этих рыцарских высот, правительства пришли к разумным и человеческим правилам. Договорились, что нельзя убивать и ранить военнослужащих противника, безусловно сдавшихся, нельзя наказывать за попытку бегства из плена, нельзя использовать на тяжелых и вредных работах, а также на работах, имеющих отношение к войне против их страны. Было установлено, что военнопленные должны иметь такую же пищу, помещения и одежду, как и войска, их пленившие.

Однако всегда находятся властолюбивые правители, считающие международные соглашения чем-то вроде благих пожеланий, для них не обязательных. Такими оказались вожди нацистской Германии, затмившие злодеяниями все преступления прошлого.

Не подлежит сомнению, что нацисты переступили через конвенции и правила гуманизма преднамеренно, а не вынужденно, в качестве ответных мер. В марте 1941 г., до нападения на СССР, Верховное командование вермахта обсуждало вопрос о создании лагерей для пленных и о жестоком обращении с ними, о применении расстрелов. В мае 1941 г., также до вторжения, был издан так называемый декрет о комиссарах – о немедленном расстреле всех политработников и коммунистов, попавших в плен. В приказе Верховного командования, отправленном войскам в сентябре 1941 г., уже прямо говорилось о том, что положения Женевской конвенции на советских военнослужащих не распространяются и что человеческая жизнь на Востоке ничего не значит:

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и политическом смысле... Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением... В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию».

Именно директивы нацистского руководства привели к тому, что жизнь советских военнопленных потеряла какую-либо ценность. Им намеренно создавали невыносимо тяжелые, нечеловеческие условия, дополнявшиеся суровыми наказаниями и расправами. В лагере Ламсдорф (шталаг № 344) у советских пленных отбирали обувь, и они даже зимой были вынуждены ходить босиком. Содержались они в чудовищной скученности, в антисанитарной обстановке. Например, в помещении, рассчитанном на 150 кроватей, разместили на нарах 840 плененных советских воинов. В шахтах, где они трудились, как каторжники, по пути на работу и в самом лагере погибло около 100 тысяч узников. Охрана, как предписывалось свыше, относилась к ним «с беспощадной строгостью».

Огромное число пленных было убито за попытку к бегству. На этот счет также были специальные предписания, вступающие в прямой конфликт с конвенциями. Приказ «Кугель» («Пуля»), изданный в марте 1944 г., уже своим угрожающим названием говорил о том, что ждет пойманных беглецов.

Рабский труд заключенных в шахтах, каменоломнях, на полях в 1942 г. был дополнен принудительной работой на военных заводах, что увеличивало и без того невыносимые страдания людей, хорошо понимавших, что они действуют против своих сражающихся братьев и отцов.

Плен означал смерть для миллионов человек. По некоторым данным, общее число советских военнопленных составляло 5 млн 700 тысяч человек, 4 млн 400 тысяч узников погибло или пропало без вести. При этом лживая нацистская пропаганда, призывавшая советских солдат сдаваться, всю войну расхваливала «хорошие условия» в немецких лагерях.

Как явствует из приведенного ниже документа, нацистские зверства в полной мере распространялись и на пленных из других армий, например польской, югославской народно-освободительной, чехословацкой.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ
ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Ю. В.
ПОКРОВСКИМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ПРЕСТУПНОЕ ПОПРАНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ
ВОЙНЫ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ»**

[Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г.]

Господа судьи, сегодня моей задачей является представление вам материалов по разделу обвинения «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

Перед тем как приступить к представлению доказательств тяжчайшей вины подсудимых в этих преступлениях, я считаю необходимым сделать несколько кратких замечаний.

Еще в конце прошлого века постановлением Гаагской конвенции 1899 г. были установлены нормы, регулирующие права и обязанности воюющих сторон по отношению к военнопленным.

Руководствуясь постановлениями этой конвенции 1899 г., ряд государств разработали необходимые инструкции об обращении с военнопленными. В одной из них говорится:

«Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне.

Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но не более...

...Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе, соответствующей их общественному положению. Во всяком случае, она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унижительного характера. Она не должна также непосредственно служить военным операциям против родины пленных.

Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя – это право обезоруженного».

Может быть, вас удивит, когда я скажу, что цитировал я указания германского Генерального штаба, содержащиеся в 18-й тетради циркуляров германского Генерального штаба, изданных в 1902 г.

В дальнейшем принцип гуманного отношения к пленным и раненым военным был развит Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевской конвенцией 1929 г.

Присоединение Германии к этим конвенциям нашло определенное отражение в германском законе о судоустройстве и судопроизводстве в военных судах во время войны. Я имею в виду, в частности, германский закон от 17 августа 1938 г. (раздел «Е», § 73 и § 75), в котором содержатся прямые ссылки на Конвенцию 1929 г. Это было тогда, когда гитлеровская Германия уже начала реализацию своих агрессивных планов.

Я хочу напомнить, что статья 23 Гаагской конвенции 1907 г. гласит:

«..Воспрещается: ...в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался».

Нельзя сказать, чтобы краткий свод законов войны, который был выработан в Гааге и Женеве, охватывал весь комплекс вопросов, связанных с законами войны. Поэтому авторы Гаагской конвенции сделали специальную оговорку, и я позволю себе процитировать этот отрывок:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны [а я позволю напомнить трибуналу, что среди этих договаривающихся сторон была Германия] считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в приложении к Конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, в статье 4 главы 2 о военнопленных прямо сказано:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью».

Таким образом, можно считать установленным, что правительства ряда стран, в том числе и Германии, безоговорочно признали свою обязанность обеспечить такой порядок, при котором военнопленные не должны страдать от произвола со стороны отдельных лиц, входящих в состав вооруженных сил того или иного государства.

Естественно будет сделать вывод, что ответственность за нарушение этого обязательства, за каждый случай преступления против военнопленного, а тем более за систему преступлений против человеческого достоинства, личности, здоровья и жизни военнопленных лежит на правительстве страны, подписавшей Конвенцию.

Как будет доказано бесспорными документами, торжественные обязательства Германии об отношении к военнопленным оказались беспримерно циничным издевательством над понятиями о договорах, о праве, о культуре и человечности.

Я представляю Суду ноту народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных (под № СССР-51) и оглашаю некоторые выдержки из этой ноты:

«Советское правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной армии. За последнее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Из-за голода, антисанитарии и ужасных условий гибели тысячи военнопленных и депортированных.

Советским военным командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден еще один труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР) немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыком. В июле с. г. у железнодорожной станции Шумилине немецкие части захватили в плен группу тяжело раненных красноармейцев и тут же их добились.

В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненных красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненных красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались, остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино, в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь» было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы» Ленинградской области, в районе Ельни Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и в ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте. Так, в городе Рудня Смоленской области фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка семнадцатилетняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки».

В этой же ноте приводится еще значительное количество таких фактов, и вслед за этим там говорится:

«Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи – валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки – с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыскивать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе в лагере в местечке Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В

Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил, кто писал это заявление, – и пять человек красноармейцев, подтвердивших, что это писали они, тут же были расстреляны.

Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьяновский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским Верховным командованием и Министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание худшее, чем для военнопленных других стран, как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания... обрекают советских военнопленных на мучительную голодную смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно незаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу Германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении Германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен».

То, что было недоступным для Шведского правительства осенью 1941 г., стало доступным сейчас для Международного военного трибунала.

Мне кажется особо важным то обстоятельство, что эти документы шли по двум каналам: по линии Верховного командования и по линии фашистской партии. Таким образом, умерщвление голодом советских воинов, оказавшихся в германском плену, было запланировано и осуществлено и Верховным командованием германской армии, и гитлеровской партией.

...Фашистские заговорщики для воинов Красной армии устанавливали особо заниженные нормы питания. По их собственным расчетам, норма для советских военнопленных по жирам составляла 42 %, по сахару и хлебу – 66 %, по мясу – 0 % по сравнению с тем количеством продуктов, которое получали военнопленные из состава других армий, сражавшихся с Германией.

Кроме того, в самой директиве было указано особым примечанием:

«Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма для советских военнопленных».

Но даже и эти явно голодные нормы, которые не могли поддержать жизнь взрослого человека, существовали чаще всего только на бумаге. <...>

Существует несколько директив. Причем первая, казалось бы, более благоприятная для советских военнопленных, говорит о количестве мяса в 400 граммов на 28 дней. Следующая, устанавливающая процентное

соотношение снабжения советских военнопленных и военнопленных из числа других армий, указывает на 0 %.

Речь идет о том, что если мяса не хватало на всех военнопленных, то советские в этом случае не получали ничего.

Председатель: Я понимаю. Продолжайте.

Покровский: Я предъявляю документ по этому же вопросу за № СССР-177. Это запись совещания в Министерстве снабжения под руководством статс-секретаря Бакке и министеряль-диригента Морица от 24 ноября 1941 г. в 16 ч. 30 мин. В совещании, как сказано в документе, принимали участие представители ведомств, в том числе генерал Рейнеке (трибунал, вероятно, помнит, что именно Рейнеке возглавлял тот участок работы, который был связан с военнопленными) и министеряль-диригент Мансфельд. Совещание происходило по вопросу снабжения русских военнопленных и гражданских рабочих. Я цитирую:

«I. Виды продовольствия.

Попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50 % ржаных отрубей, 20 % отжимок сахарной свеклы, 20 % целлюлозной муки и 10 % муки, изготовленной из соломы или листьев.

Обычно употребляемое в пищу мясо животных никогда не удовлетворит в достаточном размере потребности в мясе; поэтому русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом, которое сегодня в двойном количестве выдается по карточкам.

При нынешнем состоянии жиротехники больше нет неполноценных жиров, следовательно, русские должны будут получать хорошие столовые жиры».

Трудно пройти спокойно мимо этих издевательских строчек. Русские военнопленные должны были получать в счет своих голодных норм лишь такое малопригодное к употреблению мясо, которое в двойном количестве отпускается по карточкам обычному потребителю, а вместо жиров – какие-то составы, которые становятся возможным употреблять в пищу «лишь при нынешнем состоянии жиротехники». И подобный продукт еще именуется «хорошим столовым жиром».

Вторая часть документа озаглавлена: «Нормы». Я ее цитирую:

«Так как данные специалистов имперского Министерства здравоохранения и Главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности продуктов сильно расходятся, то окончательное установление норм будет проведено в более узком кругу специалистов в течение недели. Мучной суп в течение семи дней в качестве переходного питания и вопрос о норме для русских, находящихся в настоящее время в немецких лагерях «без работы», разрешаются Министерством снабжения». Далее в документе указывается:

«III. Количество русских, которых имперское Министерство снабжения может зачислить на продовольственное снабжение».

Я должен отметить, что после этой фразы следует одно слово: «выясняется». Производится выяснение количества русских, которые могут быть зачислены на снабжение.

«На настойчивые вопросы генерала Рейнеке и министерияль-диригента Мансфельда статс-секретарь Бакке не дал никакого обязывающего ответа». <...>

Здесь не случайно сказано о том, что данные специалистов имперского Министерства здравоохранения и Главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности сильно расходятся.

Трибунал помнит показания свидетеля Блахы, который, отвечая на мои вопросы, показал Суду, что почти все умершие от истощения военнопленные в лагере Дахау были военнослужащими Красной армии. Я докажу, что лагерь Дахау в этом отношении не являлся исключением.

27 апреля 1942 г. народный комиссар иностранных дел СССР вынужден был обратиться с новой нотой:

«...В распоряжении Советского правительства имеются сейчас многие сотни новых документальных подтверждений кровавых преступлений в отношении советских военнопленных, о которых говорилось в ноте Правительства СССР от 25 ноября 1941 г. Непреложно установлено, что германское командование, желая мстить за поражение своей армии в последние месяцы, ввело повсеместную практику физического уничтожения советских военнопленных.

На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной армии обнаруживают в отбиваемых ими у немцев блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2 и 6 марта 1942 г. на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзанных фашистами, что опознать удалось лишь два трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других – обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены десятки трупов замученных красноармейцев-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем закололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али-оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа-оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении...

В деревне Стренево Калининской области немцы заперли в здании школы 50 пленных раненых красноармейцев и сожгли их. В городе Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5-м этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Пытавшихся выйти или выброситься из окон расстреливали. В огне погибли и расстреляны 60 пленных. В деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло 95 человек. В шести километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских

пытках свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звезды. Незадолго до освобождения города Кондрово Смоленской области частями Красной армии в декабре 1941 г. немцы расстреляли за городом свыше 200 пленных красноармейцев, которых они вели через город раздетыми и разутыми, тут же расстреливая как обессиленных, не могущих продолжать идти дальше красноармейцев, так и тех местных граждан, которые выносили и на ходу бросали пленным куски хлеба».

Стремясь осуществить физическое уничтожение наибольшего числа советских военнопленных, нацистские заговорщики изощрались, изобретая все новые способы уничтожения людей.

В ноте говорится:

«За последнее время установлен ряд новых случаев использования германским командованием советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенных в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийств военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам».

Мародерство, о котором упоминалось в первой ноте, не только рассматривается как допустимое явление, но и вменяется в прямую обязанность солдатам германской армии.

В приказе штаба 88-го полка 34-й немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием», предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь».

Что этот приказ не случаен, видно уже из того, что еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей.

В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.».

В качестве других средств массового уничтожения советских военнопленных они, как указывается в ноте, «...лишаются пищи, обрекаются на медленную голодную смерть, а в некоторых случаях отравляются заведомо недоброкачественной пищей».

В распоряжении советских органов имеется приказ № 202 штаба упомянутого выше 88-го полка, в котором говорится: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Малоярославце и в деревнях Романове и Белоусове».

Приказ по 60-й мотопехотной дивизии за № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...»

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными за № 1/3058 содержит следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места...» В наставлении также указывается на необходимость «на работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие».

Всего этого оказалось недостаточно. Изданный от имени Гитлера, как главнокомандующего, приказ Верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласит (пункт 2):

«Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякое опоздание применения оружия к пленному таит в себе опасность. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться».

Далее в упомянутой ранее советской ноте говорится:

«Советское правительство продолжает получать достоверную информацию о положении пленных красноармейцев на оккупированных немцами территориях СССР, а также в глубоком германском тылу и в оккупированных Германией европейских странах. Эта информация свидетельствует о дальнейшем ухудшении режима для военнопленных красноармейцев, поставленных в особенно плохие условия по сравнению с военнопленными других стран, о вымирании советских военнопленных от голода и болезней, о режиме подлого издевательства и кровавых жестокостей, которые применяются к красноармейцам гитлеровскими властями, давно поправшими самые элементарные требования международного права и человеческой морали».

В ноте особо отмечается, что бесчеловечные зверства и злодеяния, чинимые немецко-фашистскими разбойниками над советскими военнопленными, превосходят злодеяния Чингисхана, Батыя и Мамайя.

«Несмотря на все это, – говорится в ноте, – Советское правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военнопленных по Гаагской конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах, Германией».

...Обратимся к свидетельским показаниям.

Бывший начальник штаба ОКХ Франц Гальдер, допрошенный 31 октября 1945 г., показал (я предъявляю Суду под № СССР-341 выдержку из протокола допроса Гальдера):

«До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к Верховному командованию, по поводу предстоящего наступления на Россию. Дату этого совещания я точно вспомнить не могу. Я не знаю, было ли это до наступления на Югославию или после. На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада.

Следователь: Что еще он сказал?

Свидетель: Он сказал, что борьба между Россией и Германией – это борьба между расами. Он сказал, что так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции». <...>

Покровский: Здесь необходимо отметить очередную фашистскую ложь. Гитлер умышленно искажает факты. Общеизвестно, что Советский Союз принял на себя обязательства, вытекающие из Гаагской конвенции. Даже в уголовном законодательстве Советского Союза права военнопленных взяты под охрану в соответствии с нормами международного права, и за нарушение этих прав виновные отвечают в уголовном порядке. О принятых на себя Советским Союзом обязательствах, вытекающих из Гаагской конвенции, еще раз упоминается и в ноте народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Она мной только что цитировалась.

После этой справки я продолжаю излагать показания Гальдера относительно выступления Гитлера:

«Затем он (т. е. Гитлер. – *Прим. авт.*) сказал, что, учитывая политическое развитие русских войск [в этом месте протокола стоит многоточие] – словом, он сказал, что так называемых комиссаров не следует рассматривать как военнопленных».

Нельзя не отметить, что в связи с высокой политической сознательностью воинов Красной армии гитлеровцы чуть ли не в каждом военнопленном видели комиссара или коммуниста. Затем в протоколе записан следующий вопрос следователя и ответ на него свидетеля:

«*Следователь:* Сказал ли фюрер что-нибудь по поводу приказа, который следовало бы отдать в связи с этим вопросом?»

Свидетель: То, о чем я только что Вам сказал, и было его приказом. Он сказал, что он хотел бы, чтобы эта директива выполнялась даже в том случае, если бы в дальнейшем не последовало его письменного приказа об этом».

В книге документов на Вашем столе, вслед за протоколом допроса Гальдера, Вы найдете выписку из показаний бывшего заместителя начальника оперативного отдела штаба ОКБ генерала Варлимонта от 12 ноября 1945 г. Он дал показание под присягой подполковнику американской армии Хинкелю. Этот документ находился у наших американских коллег. С их любезного согласия наша делегация предъявляет его под № СССР-263. <...>

Мы предъявляем трибуналу документ под № СССР-263, представляющий собой протокол допроса свидетеля Варлимонта, произведенного под присягой подполковником американской армии Хинкелем. Я не собираюсь оглашать полностью все показания. Варлимонт

во многом повторяет Гальдера. Важно, что он полностью подтверждает два факта:

1. Гитлер проводил то совещание, о котором мы узнали из показаний Гальдера.

2. Гитлер еще до войны дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД.

Варлимонт далее показал – я цитирую:

«Гитлер затем добавил, что он вовсе не ждет от своих офицеров понимания его приказов. Единственно, что от них требовалось, – это беспрекословное повиновение».

Мы имеем еще одни показания – это показания свидетеля генерал-лейтенанта гитлеровской армии Курта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Он дал свои показания представителям Красной армии 29 декабря 1945 г. Его показания представлены трибуналу под № СССР-151. Я оглашу отдельные выдержки:

«Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 г.

До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 г. я был вызван в Берлин, где в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при Ставке.

На этом совещании присутствовало свыше 20 человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры Ставки. Фамилии этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что, ориентировочно, в начале лета 1941 г. Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим Верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте».

Я пропускаю три абзаца и перехожу к наиболее важным деталям:

«При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерей с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными, предусматривающие расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...

...Через некоторое время я получил из Ставки Верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к бегству. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню».

Далее свидетель показывает, что он был вызван не то в конце 1941 г., не то в начале 1942 г. в Берлин на совещание начальников отделов по делам

военнопленных при военных округах. Совещанием руководил генерал-майор фон Гревенитц. Обсуждался вопрос, как быть с теми русскими военнопленными, которые в результате ранений или истощения непригодны к работе.

Мне кажется, будет полезным процитировать несколько строчек из показаний свидетеля:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте – в лагере или в лазарете и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей».

Свидетель утверждает, что когда летом 1942 г. он по делам службы прибыл на Украину, то узнал там, что «...способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применялся».

Свидетель называет конкретные цифры, конкретные факты, связанные с этим преступлением. Мне кажется, важно отметить такое место:

«Находясь на Украине, я получил из Ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 г. должно производиться клеймение русских военнопленных определенным знаком. Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральное унижение и умирали от голода и заболеваний...»

В дополнение к показаниям Эстеррейха следует привести одну фразу из упоминавшейся директивы главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Этот документ я предъявляю Суду под № СССР-12:

«Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Председатель: Могли бы вы сказать нам, что это – приказ генерала Рейхенау?

Покровский: Да, это приказ за подписью генерал-фельдмаршала Рейхенау.

Председатель: Был ли этот документ захвачен или каким-либо иным образом попал к обвинению?

Покровский: Этот документ оказался в числе трофейных документов, захваченных Красной армией...

Показания генерала Эстеррейха о наличии приказа клеймить советских военнопленных полностью подтверждены.

Я предъявляю Суду как доказательство за № СССР-15 приказ № 14802/42 начальника жандармерии при наместнике в провинции Штирия, объявляющий приказ начальника полиции порядка. Первый параграф этого приказа начальника полиции порядка гласит:

«1. Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2. Клеймо имеет форму острого угла, примерно в 45 градусов, с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ладони на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится

посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь».

В третьем параграфе этого документа специально подчеркивается:

«Клеймение не является медицинским мероприятием».

В параграфе пятом оговорено, что клеймению подвергаются как все советские военнопленные, вновь поступающие в районы командующих немецкими вооруженными силами Прибалтики, Украины и генерал-губернаторства, так и все остальные военнопленные, находящиеся в ведении ОКХ до 30 сентября 1942 г.

Такая директива пошла в адрес президентов областных управлений по труду и имперских уполномоченных по труду.

В этом документе, имеющем № ПС-1191, указано, что президентам областных управлений по труду и имперским уполномоченным по труду препровождается приказ ОКВ для сведения.

В документе – секретном донесении инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г. начальнику отдела вооружения ОКВ, представленном Вам под № ПС-3257, сказано:

«Жилищные условия, продовольственное положение, обмундирование и состояние здоровья военнопленных неудовлетворительны. Смертность очень велика. Можно ожидать, что еще десятки и сотни тысяч людей зимой отправятся на тот свет».

Под № Д-288 я предъявляю Вам еще один документ.

Главный лагерный и заводской врач, проверявший состояние лагеря на Ноггератштрассе, в своем строго секретном докладе от 2 сентября 1944 г. доносил санитарному отделу Главного управления лагерями:

«Лагерь военнопленных на Ноггератштрассе находится в ужасном состоянии. Люди живут в хранилищах для золы, в собачьих конурах, в старых печах-духовках и самодельных хижинах. Продовольствия едва только хватает. За размещение и снабжение несет ответственность Крупп. Снабжение медикаментами и перевязочным материалом было настолько плохим, что во многих случаях нельзя было вообще производить лечение. За эти факты вина ложится на стационарный лагерь».

В архивах подсудимого Розенберга был обнаружен, в числе прочих бумаг, документ, которому присвоен № ПС-081. Это – письмо Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. по вопросу о военнопленных. Экземпляр, обнаруженный у Розенберга, не имеет его подписи, но не вызывает никаких сомнений тот факт, что подобное письмо либо было отправлено Кейтелю, либо было заготовлено для отправки в его адрес.

В письме говорится, что «судьба советских военнопленных в Германии – трагедия огромного масштаба».

В этом документе, который уже известен Суду, дается достаточно яркая картина того, что происходило в лагерях. Автор письма говорит, что были попытки со стороны мирного населения доставлять военнопленным продукты питания, но что эти попытки наталкивались на решительный отпор со стороны многих начальников лагерей...

От убийств поодиночке гитлеровцы в дальнейшем перешли к организации фабрик смерти в Треблинке, Дахау и Освенциме.

Методы и масштабы убийства менялись. Гитлеровцы стремились найти способы для быстрого истребления больших человеческих масс. Над

решением этой задачи они работали долго. К реализации ее они приступили еще до нападения на Советский Союз, изобретая разнообразные способы и инструменты для умерщвления, причем жертвами гитлеровских палачей оказались и мирные жители, и военнопленные.

Я предъявляю трибуналу Сообщение Чрезвычайной комиссии о зверствах немцев в Литовской Советской Социалистической Республике, это документ № СССР-7. И здесь, как и в других местах, массовое истребление советских военнопленных являлось частью людоедского плана фашистских захватчиков.

Я процитирую несколько фраз на странице 6 этого документа:

«В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием» для руководителей и конвоиров при рабочих командах... Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть».

Свидетельница Медишевская сообщила Комиссии:

«Военнопленные ужасно голодали, я видела, как они рвали траву и ели ее».

Я пропускаю несколько фраз и читаю дальше:

«При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян».

В лагере форта № 6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть».

Из месячных сводок о заболеваниях среди военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 г. по июль 1942 г., то есть за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

Я пропускаю перечень вскрытых могил и цитирую строчку, говорящую об общем итоге:

«...Всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных».

Кроме лагеря № 336, в том же городе Каунасе на юго-западной окраине аэродрома был еще один лагерь без номера. В сообщении по этому поводу говорится:

«Так же как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плети и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей».

В последних трех строчках левого абзаца шестой страницы документа № СССР-7 сказано:

«На основании раскопок, документов и показаний свидетелей Комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных».

В Сообщении упоминается еще один лагерь – № 133 близ города Алитус и некоторые другие лагеря, которые были организованы в июле 1941 г. и просуществовали до начала апреля 1943 г. В этих лагерях люди

замерзали. При выгрузке из вагонов немцы расстреливали тех, кто не мог идти дальше. Пленных пытали до потери сознания, подвешивали на цепях за ноги, снимали, отливали водой и снова повторяли то же самое.

Подводя общий итог количеству истребленных, Комиссия пишет:

«Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных».

Истребление советских военнопленных происходило буквально во всех лагерях. Тысячи советских воинов погибли и в лагере уничтожения на Майданеке. В совместном Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии, которое предъявлено вам под № СССР-29, во втором абзаце пятой страницы отмечается, что вся «кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре – декабре 1941 г. Из партии больше чем в 2 тысячи человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, – все остальные были расстреляны, и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 г. в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5 тысяч русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из барачных ям на бывшую каменоломню и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям перевозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. д.

...Огромные лагеря уничтожения советских военнопленных были организованы немецкими фашистами на территории Латвийской Советской Социалистической Республики. В Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей преступления немецких захватчиков, совершенные ими на территории этой республики (мы предъявляем Суду этот документ под № СССР-41), содержатся следующие данные об уничтожении 327 тысяч советских военнопленных.

Я цитирую выдержки из раздела на правой стороне седьмой страницы названного мной Сообщения:

«Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, «Шталаг-350», который просуществовал с июля 1941 года до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжелую каторжную работу по 12–14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150–200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов».

Мне кажется, следует подчеркнуть единообразие пайка, получаемого военнопленными. Показания свидетелей полностью совпадают с той

официальной директивой о нормах снабжения военнопленных, которую я уже оглашал здесь сегодня в судебном заседании.

Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержащийся в «Шталаге-350», показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищеного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941-го по май 1942 года в лагере погибло 30 тысяч военнопленных.

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода».

Новицкис Г. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага-350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941-го по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных...

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50–60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти.

Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Я не буду перечислять других фактов, имевших место в «Шталаге-350», и оглашу только заключительную фразу, относящуюся к этому лагерю:

«В «Шталаге-350» и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 тысяч советских военнопленных...»

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных – «Шталаг-340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за три года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 тысяч советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали по пути следования в лагерь. «Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой – в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода. Летом задыхались от духоты, зимой замерзали». Свидетель Усенко Т. К. показал: «В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217-й километр» (имеется в виду название участка пути) подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1500 мертвых было выгружено из этого эшелона. Все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задачам уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале учительница Ефимова В. А. рассказала Комиссии:

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало пять групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6–7 трупов умерших или расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Когда в лагере вспыхивала эпидемия, гитлеровцы из того барака, где обнаруживались тифозные больные, вывозили на аэродром всех помещавшихся в бараке и расстреливали. Так было уничтожено около 45 тысяч советских военнопленных.

Потрясающие факты приведены в документах Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей злодеяния немецко-фашистских захватчиков в окрестностях городов Севастополя, Керчи, на курорте Теберда. Я оглашаю из нашего документа № СССР-63/5 отдельные данные. При севастопольской тюрьме немецкое фашистское командование организовало лазарет для больных и раненых военнопленных. В нем массами погибали советские воины.

«При организации лазарета больным и раненым в течение 5–6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: «Это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь».

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7–8 суток.

В период обороны Севастополя в Инкермане в штольнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и медсанбат № 47. После отступления Красной армии в штольнях № 10, 11, 12 и 13 осталось большое число раненых бойцов и командиров, не успевших эвакуироваться... Немецкие изверги, захватив завод, перепились, а затем подожгли штольню».

Я пропускаю целый ряд фактов, из которых, строго говоря, большинство должно было быть специально доложено Суду. Я перехожу к описанию последнего преступления, указанного в Сообщении Комиссии. Выделяю его потому, что здесь описан факт зверского истребления очень большого количества раненых воинов Красной армии.

«4 декабря 1943 г. на станцию Севастополь прибыли из города Керчи три эшелона раненых военнопленных из керченского десанта. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, у пристани подплава, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находившиеся недалеко от баржи женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как были отогнаны жандармерией от места пожара. Спаслось не более 15 человек. Тысячи человек погибли в огне. На другой день в такую же баржу погрузили 2 тысячи человек из числа раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в неизвестном направлении, находившиеся в ней раненые были потоплены в море».

Повторяю, что я оставляю без оглашения еще значительное количество фактов, установленных Комиссией.

Мало чем отличаются от оглашенных уже материалов по своему характеру те данные, которые мы находим о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками по отношению к советским военнопленным в Сталинской области. В документе под № СССР-2а среди ряда актов мы находим два акта об уничтожении советских военнопленных. Первый составлен 22 сентября 1943 г. в городе Сталино специальной комиссией во главе с председателем Сталинозаводского районного Совета депутатов трудящихся. Я оглашу ту часть этого акта, в которой имеются интересующие нас сведения; акт начинается на левой колонке третьей страницы документа 2а.

«Обстоятельства дела: в Сталинозаводском районе города Сталино, в клубе имени Ленина, немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных; в этом лагере находилось временами до 20 тысяч человек. Начальник лагеря, немецкий офицер Гарбель, установил невыносимый режим для советских военнопленных.

Опрошенные в качестве свидетелей бывшие военнопленные, содержавшиеся в этом же лагере и бежавшие из него, — Плахов Иван Васильевич и Шацкий Константин Семенович — показали, что военнопленных морили голодом: давалась буханка хлеба весом в 1200 граммов на восемь человек, приготовленного из некачественной горелой муки, и один раз в день жидкая горячая пища, состоящая из небольшого количества горелых отрубей, иногда с добавлением древесных опилок; этой пищи в день выдавалось до одного литра. Помещения, в которых находились военнопленные, были не застеклены, и зимой, даже в сильные холода, для отопления выдавалось пять килограммов угля, что не могло обогреть большого помещения, где находилось до тысячи человек, при сквозном ветре. Были массовые случаи обмороживания. Бани не было. Люди вообще не мылись в течение полугода и страдали от огромного количества паразитов. В жаркие летние месяцы страдали от жары, в течение 3–5 суток они не получали питьевой воды».

Режим лагеря, созданного в Сталинозаводском районе, как видно из оглашенной выдержки, был точно таким же, как и режим в других немецких лагерях для военнопленных. Это свидетельствует, несомненно, о наличии общих директив.

В дополнение к общим установкам начальники лагерей имели возможность зверствовать каждый по-своему, оставаясь совершенно безнаказанными.

«Военнопленные по всякому незначительному поводу избивались палками и прикладами, а при подозрении в попытке к бегству назначалось наказание в 720 плетей, которые отпускались в течение 8 дней по 30 плетей утром, в обед и вечером с одновременным лишением пайка хлеба и выдачей только половины пайка жидкой пищи».

Результатом подобного режима в лагере являлась громадная смертность. Зимой умирало до 200 человек в день. В лагере вспыхивали эпидемии. Наблюдались многочисленные случаи голодной смерти и опухания от голода. Охране доставляло удовольствие унижать военнопленных, натравливая их друг на друга.

Так, Шацкий показал, что он подвергался избиению со стороны немецких полицейских, получив 120 плетей и 15 палочных ударов за

то, что не выполнил приказание избить своего товарища-военнопленного. Избиениями руководили немецкие офицеры.

Продукты, которые приносили граждане для передачи военнопленным, не попадали к ним. Комиссия пришла к выводу, что на территории лагеря и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских военнопленных. Этот вывод построен на обмерах и подсчетах могил и на показаниях свидетелей.

Массовое умерщвление и убийства военнопленных немецко-фашистские захватчики организовали и в другом городе Донбасса – Артемовске. Специальная комиссия, состоявшая из военного прокурора города Артемовска, священника Покровской церкви Зюмина, представителей интеллигенции, общественных организаций и воинских частей, составила акт об организованном фашистскими захватчиками массовом умерщвлении советских военнопленных. Этот акт мы находим на странице 4 документа под № СССР-2а. В акте сказано:

«В ноябре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Артемовска, на территории военного городка, за Северным вокзалом, был создан лагерь военнопленных, в котором находилась 1000 пленных красноармейцев».

Я пропускаю один абзац и перехожу к вопросу об условиях содержания:

«На почве голода весной 1942 года военнопленные выходили из лагеря и, как животные, на четвереньках собирали и ели траву. Для того чтобы лишить людей и этой кормежки, немцы отгородили дом лагеря двойным забором из колючей проволоки, с расстоянием между заборами в 2 метра, а между ними были набросаны провололочные ежи».

Я пропускаю еще абзац и перехожу к оглашению выводов:

«Возле лагеря обнаружено 25 могил, из них 3 – массовые. Первая могила длиной в 20 метров и шириной в 15 метров; в ней найдено около тысячи человеческих останков. Вторая могила длиной в 27 метров и шириной в 14 метров, где обнаружено около 900 человеческих останков; третья могила длиной 20 метров и шириной в 1 метр, в которой обнаружено до 500 останков, и в остальных могилах – от 25 до 30; всего – до 3 тысяч останков».

В районе небольшого хутора Вертячий Городищенского района Сталинградской области гитлеровцы организовали лагерь для военнопленных. Здесь с характерным для них садизмом они, так же как и в других лагерях, уничтожали пленных воинов Красной армии.

Я представляю вам в качестве доказательства документ под № СССР-63/3, где имеется акт от 21 июня 1943 г. Он составлен и оформлен надлежащим образом и содержит следующие сведения:

«Вследствие зверского режима за 3,5 месяца существования лагеря на хуторе Вертячий погибло от голода, истязаний, болезней и расстреляно по меньшей мере 1500 советских военнопленных.

Немцы принуждали пленных работать по 14–16 часов в сутки, а кормили их один раз в день, причем суточный рацион состоял из 3–4 ложек запаренной ржи или половника несоленой, ржаной, постной похлебки и кусочка дохлой конины.

За несколько дней до наступления Красной армии немцы совсем перестали кормить пленных и обрекли их на голодную смерть. Почти все пленные страдали дизентерией. У многих были незажившие раны, но никакой медицинской помощи пленные не получали».

Я пропускаю один абзац и перехожу к следующему, где говорится об издевательствах над военнопленными:

«Немцы издевались над патриотическими чувствами советских военнопленных, принуждая их работать на строительстве немецких военных сооружений – рытье окопов, блиндажей, землянок, укрытий для военной техники. Гитлеровцы систематически унижали человеческое достоинство советских военнопленных, заставляли их вставать на колени перед немцами».

В акте отмечено, что Комиссия осматривала вещественные доказательства – орудия, которыми терзали советских военнопленных: кожаную плетть и кинжал, подобранный среди обезображенных трупов, с распространенным гитлеровским лозунгом «Блют унд Эре» («Кровь и честь»).

В той обстановке, в которой был обнаружен кинжал, он дает полную возможность понять, что представляла собой германская «честь» и на какую «кровь» он был рассчитан...

Я представляю Суду за тем же № СССР-6в заявление французского военнопленного Эмиля Леже, солдата 43-го пехотного колониального полка, матрикул № 29.

В его заявлении лагерь в Раве-Русской («Шталаг-325») назван «знаменитым лагерем медленной смерти»...

Советское обвинение располагает значительным количеством материалов, изобличающих гитлеровских захватчиков и в других многочисленных преступлениях против военнопленных на территории Львовской области.

Мне кажется достаточным, если я оглашу выдержки из одного свидетельского показания Манусевича Д. Ш. и доложу вам, что это показание подтверждается показаниями еще двух свидетелей: свидетеля Аша Ф. Г. и Хамайдеса Г. Ю. Все три документа я предъявляю вам тоже под № СССР-6в.

Свидетели Манусевич, Аш и Хамайдес некоторое время работали в бригаде по сжиганию трупов людей, расстрелянных немцами в районе города Львова, и в частности в Лисеницких лагерях. Свидетель Манусевич показывает:

«После окончания сжигания трупов нас, «бригаду смерти», ночью на автомашине привезли в Лисеницкий лес, против Львовского дрожжевого завода. Здесь, в лесу, было около 45 ям с трупами ранее расстрелянных на протяжении 1941–1942 гг. В ямах было от 500 до 3500 трупов. Были трупы солдат французской, бельгийской и русской армий, то есть военнопленных, а также были и мирные жители. Все военнопленные были похоронены в одежде. Поэтому во время выкапывания из ям я распознавал их по форме одежды, по знакам различия, по пуговицам, медалям и орденам, по ложкам и котелкам. Все это сжигалось после того, как трупы выкапывали. Таким же путем, как и в Яновском лагере, на месте ям сеялась трава, садили

деревья, пеньки срубленных деревьев, с тем чтобы стереть следы небывалого в истории человечества злодеяния».

Я представляю документ под № СССР-62, подписанный свыше чем 60 военнослужащими разных частей и родов оружия германской армии. Их подписи имеются под протестом, который они направляли в адрес Международного Красного Креста в январе 1942 г. Также имеется сообщение Международного Красного Креста о том, что этот документ получен. В своем протесте они приводят известные им факты преступного отношения к советским военнопленным. Лица, подписавшие этот протест, являлись военнопленными советского лагеря № 78. Их протест есть результат сопоставления того, что авторы документа видели своими глазами в отношении советских военнопленных, с тем, что они встретили в лагере № 78.

Я процитирую несколько выдержек из этого документа. Текст начинается следующими словами:

«Мы, немецкие военнопленные лагеря № 78, прочли ноту народного комиссара иностранных дел Советского правительства об обращении с военнопленными в Германии. Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если бы сами не были свидетелями подобных зверств. Чтобы правда восторжествовала, мы должны подтвердить, что военнопленные – граждане Советского Союза – очень часто подвергались ужасным издевательствам со стороны представителей немецкой армии или даже расстреливались ими».

Далее в тексте приводятся конкретные примеры злодеяний, известных авторам протеста. Ганс Древе из Регенвальде, солдат 4-й роты, 6-го танкового полка, сообщил:

«Я знаком с приказом по 3-й танковой дивизии, изданным генерал-лейтенантом Моделем, в котором сказано, чтобы пленных не брать. Такой же приказ дал командующий 18-й танковой дивизией генерал-майор Неринг. На инструктивном совещании 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными».

О наличии предварительного инструктажа показал и солдат штабной роты 18-й танковой дивизии Гарри Марек из района Бреславля:

«21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной армии необходимо расстреливать на месте, ибо с ними нечего церемониться. С ранеными русскими также нечего возиться: их надо просто приканчивать на месте». <...>

О наличии директивы – истреблять политических работников Красной армии – показал солдат 2-й роты 3-го отряда истребителей танков Вольфганг Шарте из Гергардсхагена у Брауншвейга:

«За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

29 июня 1941 г. я сам видел, как представители немецкой армии расстреливали раненых красноармейцев, лежавших в хлебном поле близ города Дубно. После этого их еще прокололи штыком, чтобы наверняка убить. Рядом стояли немецкие офицеры и смеялись».

Иосиф Берндсен из Оберхаузена, солдат 6-й танковой дивизии, сообщил:

«Еще до вступления в Россию нам на одном из инструктивных совещаний сказали: комиссаров необходимо расстреливать».

Немецкий офицер, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии, Якоб Корцилиас из Хорфорста близ Трира удостоверял:

«В одной деревне у Болвы по приказу адъютанта штаба 112-го саперного батальона лейтенанта Кирика были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и закололи штыками. Это было сделано с ведома командира дивизии генерал-лейтенанта Мита...»

Далее говорится:

«Это не секрет, что в немецкой армии на фронте, в штабах дивизий имеются особые специалисты, занимающиеся тем, что мучают красноармейцев и советских офицеров, чтобы принудить их таким образом к выдаче военных сведений и приказов».

Фотостат этого заявления я передаю трибуналу. На нем вы можете увидеть 60 собственноручных подписей немецких военнослужащих с указанием их полков и более мелких подразделений.

Я предъявляю трибуналу 4 фотографии немецкого происхождения. Каждый из этих снимков сделан немцами с указанием времени и места съемки. На одном из снимков – сцена раздачи пищи, на втором – поиски пищи, на третьем и четвертом – вид Уманьского лагеря для военнопленных.

На первом снимке заметно, что раздаваемой пищи явно недостаточно. Люди почти дерутся за право получить пищу. На втором снимке вы видите, как голодные советские военнопленные бродят около пустого сарая и употребляют в пищу обнаруженный ими в сарае жмых для корма скота. В отношении третьей и четвертой фотографий я могу представить Вам важные показания свидетеля Бингеля. Выдержки из его показаний прямо относятся к вопросу об обращении с советскими военнопленными.

Бингель был допрошен мной, и протокол его допроса от 27 декабря 1945 г. я передаю трибуналу под № СССР-111. Бингель, бывший командир роты германской армии, показал:

«Я уже сделал одно сообщение о внутреннем режиме в лагере военнопленных в Умани. В этом лагере охрану несла одна рота нашего подразделения 783-го батальона, и поэтому я был в курсе всех событий, которые происходили там. Задачей нашего батальона была охрана военнопленных, контролирование шоссе и железных дорог.

Этот лагерь был рассчитан при нормальных условиях на 6–7 тысяч человек, однако в нем содержалось в то время 74 тысячи человек.

Вопрос: Это были бараки?

Ответ: Нет, это был бывший кирпичный завод, и на его территории, кроме низких навесов для сушки кирпича, больше ничего не было.

Вопрос: Там были размещены военнопленные?

Ответ: Пожалуй, нельзя сказать, что они были размещены, так как под каждым навесом вмещалось самое большее 200–300 человек, остальные же ночевали под открытым небом.

Вопрос: Какой режим был в этом лагере?

Ответ: Режим в лагере был в некотором отношении своеобразным. Условия в лагере создавали впечатление, что комендант лагеря капитан Беккер не в состоянии организовать эту большую массу людей и прокормить ее. Внутри лагеря имелись две кухни, хотя их нельзя было назвать кухнями. На цементе и на камнях были установлены железные бочки, и в них приготавлилась пища для военнопленных. Эти кухни при круглосуточной работе могли изготовить пищи примерно на 2 тысячи человек. Обычное питание военнопленных было совершенно недостаточное. Дневная норма составляла один хлеб на 6 человек, который, однако, нельзя было назвать хлебом. При раздаче горячей пищи возникали часто беспорядки, поскольку военнопленные, а их было в лагере более 70 тысяч, стремились получить пищу. В таком случае охрана пускала в ход дубинки, которые были обычным явлением в лагере. У меня, в общем, сложилось впечатление, что в этих лагерях дубинка являлась основой.

Вопрос: Известно ли вам что-либо относительно смертности в лагере?

Ответ: Ежедневно в лагере умирало 60–70 человек.

Вопрос: От каких причин?

Ответ: До того как разразились эпидемии, речь шла, в большинстве случаев, об убитых людях.

Вопрос: Убитых при раздаче пищи?

Ответ: Как во время раздачи пищи, так и в рабочее время, и вообще людей убивали в течение всего дня». <...>

Трудно сказать, является ли пределом человеческой подлости то, что совершено гитлеровцами в отношении советских военнопленных в так называемом Гросслазарете города Славуты Каменец-Подольской области. Но при всех обстоятельствах истребление гитлеровцами советских военнопленных в Гросслазарете – одна из самых мрачных страниц, составляющих историю фашистских преступлений.

Я представляю трибуналу под № СССР-5 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии и оглашу из этого Сообщения и приложенных к нему материалов отдельные выдержки.

При изгнании фашистских орд из города Славуты на территории бывшего военного городка частями Красной армии было обнаружено то, что немцы именовали Гросслазаретом для советских военнопленных. В «лазарете» находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Опрос этих людей и специальное расследование судебно-медицинской экспертизы и экспертизы работников Центрального института питания Народного комиссариата здравоохранения СССР позволили восстановить все подробности, относящиеся к истреблению огромного количества советских военнопленных, происходившему в этом страшном учреждении. Цитирую:

«Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и больных офицеров и бойцов Красной армии «лазарет», наименовав его: «Гросслазарет «Славут-2». «Лагерь-301». «Лазарет» был расположен в полутора-двух

километрах восточное Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий – блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволоочных заграждений. Вдоль заграждений через каждые 10 метров были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросслазарета» в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиски, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, оберфельдфебеля Ильземана и фельдфебеля Беккера проводили массовые истребления советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду».

Чрезвычайная государственная комиссия называет немецкий «Гросслазарет» лазаретом смерти. Я цитирую небольшой отрывок из раздела Сообщения под тем же названием. Это третья страница русского оригинала:

«В «Гросслазарете» немецкие власти сосредоточивали 15–18 тысяч тяжело и легко раненных, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов...»

В следующем разделе на той же странице Государственная комиссия сообщает, что инфекционные заболевания среди находившихся в «лазарете» военнопленных распространялись преднамеренно немецкими врачами. Я цитирую:

«В «Гросслазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнений» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И. Я. сообщил, что немцы «выстрелами из автоматов уплотняли помещения, и люди невольно теснее прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали».

Преднамеренное распространение инфекционных заболеваний в этом лагере смерти, издевательски названном «лазаретом», достигалось самыми примитивными способами: «Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере».

В помещении, где нормально можно было разместить не свыше 400 человек, число больных тифом и туберкулезом составляло 1800 человек.

«Уборка камер не производилась. Больные по несколько месяцев оставались в том белье, в котором попали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались... В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры».

Истребление с помощью умышленного распространения заболеваний сочеталось с замариванием голодом. Пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и двух литров так называемой «баланды». Мука, предназначенная для выпечки хлеба раненым и больным военнопленным, доставлялась из Германии. Ее обнаружили в одном из складов «лазарета» в количестве 15 тонн. На фабричной упаковке сорокакилограммовых бумажных мешков имелись этикетки «Шпельцмель»; образцы этой эрзац-муки были направлены на лабораторное исследование в Центральный институт питания Народного комиссариата здравоохранения СССР.

Я предъявляю вам документы, относящиеся к истреблению гитлеровцами советских военнопленных в «Гросслазарете», под № СССР-5а; на страницах 9, 10 и 11 этого документа трибунал может видеть фотостат заключений Центрального института питания. Заключение сделано, с одной стороны, по данным анализа, который был произведен фронтовой военной лабораторией, и, с другой – по данным анализа, произведенного непосредственно в Центральном институте питания. В заключении института сказано:

«...Очевидно, «хлеб» выпекался с добавлением небольшого количества натуральной муки для образования связной массы.

Питание таким «хлебом» при лишении питающихся других полноценных веществ и продуктов равносильно голоданию и неизбежно приводит к резкому истощению...»

Анализ показал, что «мука» является не чем иным, как равномерно, но довольно крупно измельченной соломой с частицами длиной до 2, а иногда до 3 мм. При микроскопии в каждом поле зрения, как сказано в заключении, «...наряду с растительными волокнами древесины, обнаружены в очень небольшом количестве крахмальные зерна, напоминающие по строению крахмальные зерна овса». Институт пришел к выводу, что «...потребление такого хлеба, благодаря раздражающему действию мякины, приводит к развитию заболеваний пищеварительного аппарата».

Несколько забегаю вперед, я хочу доложить о результатах судебно-медицинского вскрытия 112 эксгумированных трупов из объекта № 1 и наружного осмотра около 500 трупов. В первом случае истощение как причина смерти констатировано в отношении 96 жертв. Во втором случае, как сказано в заключении, напечатанном на странице 7 документа № СССР-5а, «утверждение о том, что истощение является основной причиной смертности в лагере для военнопленных, обосновывается также данными наружного осмотра около 500 трупов, при котором оказалось, что процент крайнего истощения приближается к 100 процентам».

Несколько далее, в этом же заключении, в пункте «г» § 5 эксперты отмечают, что режим в славутском «Гросслазарете» в числе прочих показателей может быть охарактеризован абсолютно непригодным питанием. Я цитирую:

«Хлеб с 64 % примесью древесных опилок... баланда из гнилого картофеля с примесью отбросов, крысиных экскрементов и т. п.».

Военнопленные, уцелевшие до освобождения Славуты из-под власти гитлеровских палачей, заявили (я цитирую выдержку со страницы 4 документа № СССР-5а):

«В «Гросслазарете» периодически отмечались вспышки заболевания неизвестного характера, называвшегося немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60–80 % случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи-военнопленные к вскрытию не допускались».

В пункте восьмом заключения судебно-медицинской экспертизы (страница 7 документа № СССР-5а) говорится:

«Никакая объективная обстановка не может объяснить всех тех условий, при которых содержались военнопленные в лагере. Тем более, как явствует из материалов дела, в немецких военных складах в городе Славуте были огромные запасы продовольствия, в военных аптеках – медикаментов и перевязочных материалов».

В штате «Гросслазарета» числилось значительное количество медицинского персонала. Вместе с тем, как это отмечается в Сообщении Государственной комиссии, больные и раненые офицеры и бойцы Красной армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Да и о каком лечении могла идти речь, если задача «Гросслазарета» была диаметрально противоположной. Не только к физическому уничтожению военнопленных стремилась администрация «Гросслазарета», но и к тому, чтобы наполнить мучениями и страданиями последние дни жизни раненых и больных.

Один из разделов Сообщения Комиссии озаглавлен: «Пытки и расстрелы советских военнопленных». Я оглашаю часть этого раздела. Он напечатан на странице 4 документа № СССР-5а:

«Советских военнопленных в «Гросслазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собой холодное помещение с цементным полом. Заключенные в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д. П. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные заграждения внутренности павших лошадей, и когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л. С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А. Т. был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию баланды. В феврале 1942 г. он «видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной

яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен».

Осмотр трупов, эксгумированных при расследовании фашистских злодеяний в так называемом лагере Славута, удостоверял, что «комендатура и охрана лагеря неоднократно применяли изощренные меры истязаний. <...> Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славута Милевского, намечен, как вехами, маленькими могильными холмиками».

У фашистских изуверов иногда не хватало терпения дожидаться смерти того или другого военнопленного, и они хоронили еще живых людей.

На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных вплоть до мельчайших бронхов «большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком». Судебно-медицинская экспертиза установила, что в «Гросслазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми.

Одному из бывших обитателей «Гросслазарета» – военнопленному Панкину – был известен случай, когда в феврале 1943 г. в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытии. Больной очнулся уже в мертвецкой. Шефу барака доложили, что в мертвецкую отнесен живой человек. Он приказал оставить его там. Больной был похоронен.

Невыносимый режим побуждал военнопленных игнорировать огромный риск и пытаться совершать индивидуальные и групповые побег. Мученики, вырвавшиеся из «лазаретного» ада, искали приюта у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. Гитлеровские негодяи безжалостно расстреливали каждого, кто оказывал какую-либо помощь беглецу.

Город Славута входил в Шепетовский район. 15 января 1942 г. шепетовский гебитскомиссар доктор Ворбс издал специальное распоряжение, в котором было сказано, что если не обнаружатся непосредственные виновники, помогавшие беглецам, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников.

Священник Журковский сообщил, что было арестовано и расстреляно 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из «Гросслазарета» у 435 была установлена крайняя степень истощения, у 59 – осложненное течение ран, у 31 – нервно-психическое расстройство.

Комиссия отмечает:

«За два года оккупации Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурма и других медицинских работников, в «Гросслазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной армии».

Отдавая себе полный отчет в безграничной подлости содеянных преступлений, немецко-фашистские палачи всеми мерами пытались скрыть следы своих преступлений. В частности, они тщательно маскировали те места, в которых были похоронены советские военнопленные. Так,

например, на кресте могилы № 623 было написано 8 фамилий похороненных, а при вскрытии в могиле оказалось 32 трупа. При вскрытии могилы № 624 было обнаружено то же самое явление.

В других могилах обнаружены грунтовые прослойки между несколькими рядами трупов. Например, в могиле № 625 оказалось 10 трупов, а когда сняли слой грунта толщиной в 30 сантиметров, то в этой могиле обнаружили еще два ряда трупов. То же самое оказалось и при вскрытии могилы № 627 и могилы № 8.

Многие могилы были замаскированы путем разбивки клумб, посадки деревьев, прокладки дорожек и т. д., но никакая маскировка не сможет скрыть кровавых преступлений гитлеровских злодеев...

Каторжный режим, сплошной конвейер издевательств и пыток толкали советских людей на такие проявления отчаяния, как нападение на вооруженную до зубов охрану лагеря. Мы знаем о подобных, действительно героических фактах. Свидетельские показания очевидцев находятся в наших руках.

Я предъявляю вам собственноручные показания свидетелей Лампа (документ № СССР-314), которого вы допрашивали здесь несколько дней тому назад, и Риболя Фредерика (документ № СССР-315). Они поведали о том, что в начале февраля 1945 г. в лагере уничтожения «Маутхаузен» 800 заключенных военнослужащих Красной армии, обезоружив стражу и прорвав колючую проволоку, через которую был пропущен электрический ток, вырвались из фашистского ада. Ламп показывает, как зверски расправлялись эсэсовцы с теми, кого они смогли поймать. Я процитирую несколько строчек:

«Те, кто вернулся в лагерь, были зверски замучены. А затем видели беглецов, которых вели обратно в блок № 20».

Отвлекаясь от цитаты, я должен доложить, что блок № 20 был блоком смерти.

«Они были избиты, и один был окровавлен. За ними шли человек 10 эсэсовцев, среди которых были 3 или 4 офицера. В руках у них были хлысты, они громко смеялись и, казалось, предвкушали удовольствие увидеть пытки, которым они собирались подвергнуть этих трех несчастных. Мужество восставших и жестокость репрессий оставили у всех заключенных Маутхаузена неизгладимое воспоминание».

К советским людям фашистские заговорщики относились все с одинаковой ненавистью. Если между ними и возникали какие-либо разногласия, то они касались лишь способов истребления своих жертв. Часть стремилась уничтожить военнопленных немедленно, в то время как другие считали полезным сначала заживо высосать из них всю кровь и силу на заводах, фабриках, военных предприятиях, строительстве военных объектов.

Любая длительная война вызывает нехватку рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве. Фашистская Германия разрешала эту проблему путем ввоза белых рабов и рабынь. Видное место среди этих контингентов занимали военнопленные. Военнопленных направляли на самые тяжелые работы, где они массами гибли от истощения, непосильного труда, голода и зверской расправы со стороны охраны.

Я представляю вам документ под № ПС-1117 и цитирую из него три абзаца:

«В целях выполнения программы железо-сталелитейной промышленности и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, фюрер 7 июля приказал использовать для этой цели военнопленных».

Я пропускаю несколько фраз, относящихся к технике этого вопроса, и цитирую пункт второй этой директивы:

«2. Всех советских военнопленных, захваченных с 5 июля 1943 г., из лагерей ОКВ направлять для генерального уполномоченного по рабочей силе, с тем чтобы последний мог их в первую очередь использовать в угольной промышленности».

Очень важен четвертый пункт. В нем содержится прямая директива о том, как превращать в военнопленных всех мужчин в возрасте от 16 до 55 лет.

«4. Всех лиц мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет, захваченных в боях с партизанами в районе военных операций, расположения войск восточных комиссариатов, генерал-губернаторства и на Балканах, считать военнопленными. То же самое относится к мужчинам во вновь оккупированных областях на Востоке. Они должны будут посылаться в лагерь для военнопленных и оттуда направляться на работу в Германию».

Второй документ под № ПС-744, исходящий от начальника ОКВ 8 июля 1943 г., дублирует эту директиву. Документ подписан Кейтелем. К тексту подписанного Кейтелем документа (§ 4) имеется примечание. Оно адресовано всем высшим инстанциям СС и подписано Гиммлером. Текст его уже был оглашен 20 декабря 1945 г. Поэтому я напомним лишь содержание. Речь шла о порядке направления детей, старух, стариков и женщин молодых возрастов. Гиммлер указывает, как и каким порядком через ведомство Заукеля они должны направляться в Германию. И в этом случае Гиммлер, Кейтель, Заукель выступают как одно целое в трех лицах.

Я считаю весьма важным документ, который мы предъявляем Вам под № СССР-354. Это отчет о лагере для военнопленных в Минске. Он исходит из канцелярии Розенберга и составлен 10 июля 1941 г. в Берлине.

Председатель: Скажите, пожалуйста, он уже представлялся в качестве доказательства?

Покровский: Этот документ не оглашался. Я позволю себе процитировать несколько выдержек.

«В лагере военнопленных, в Минском отделении, на территории размером с Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат в количестве, составляющем роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет».

Далее авторы документа сетуют на невозможность произвести отбор пленных в физическом и расовом отношении для разного рода тяжелых

работ. После того как было приступлено к такому отбору, на второй день это мероприятие было запрещено. Я цитирую:

«...Со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работы фельдмаршал решает сам».

29 января 1943 г. за подписью Главнокомандующего сухопутными силами были даны указания относительно «Права необходимой обороны, применительно к военнопленным». Это документ ПС-696; мы представляем его под № СССР-355, так как он не оглашался. Он начинается так:

«Военными органами и органами национал-социалистской партии неоднократно выдвигался и ставился вопрос относительно обращения с военнопленными в связи с тем, что они считают предусмотренные в соглашении от 1929 года возможности наказания недостаточными».

В документе разъясняется, что для всех военнопленных, кроме советских, прежнее указание остается в силе. Для советских же военнопленных действует распоряжение отдела военнопленных ОКВ № 389/42с от 24 марта 1942 г.

Второй документ – это циркуляр партийной канцелярии нацистской партии, имеющий № 12/43с. Циркуляр исходит от руководителя партийной канцелярии Бормана и подписан им 12 февраля 1943 г.

Циркуляр разослан имперским руководителям, гаулейтерам, командирам соединений. В нем сообщается о секретном указании начальника главного штаба за № 3868/42с. Таким образом, еще раз полностью доказано, что за все зверства в отношении советских военнопленных несут одинаковую ответственность и руководство нацистской партии, и военное командование.

В отношении всех военнопленных, кроме советских, сохраняют силу указания Устава военно-морского флота, а в отношении советских военнопленных «...действует распоряжение ОКВ», о котором я уже говорил.

И в этом вопросе с абсолютной бесспорностью устанавливается единая преступная линия и руководства нацистской партии, и ОКВ, как я уже доложил трибуналу.

До нас дошла служебная записка за подписью Ламмерса. Этот документ имеет № ПС-073.

Мы предъявляем его под № СССР-361. Он не оглашался. В документе сказано:

«Военнопленные являются иностранцами... В соответствии с этим руководство всеми невоенными делами военнопленных и сосредоточено в Министерстве иностранных дел...»

Я пропускаю несколько фраз.

«...Исключением из этого правила являются советские военнопленные, которые подчинены министру по управлению оккупированными областями Востока, так как в отношении их не действует Женевская конвенция и они занимают особое политическое положение».

В связи с этой позицией я предъявляю Вам под № СССР-356 немецкий документ. Это заметки, составленные в управлении заграничной контрразведки 15 сентября 1941 г. для «господина начальника штаба ОКВ». Я оглашу несколько выдержек:

«Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились в XVIII столетии в том направлении, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается «в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне». Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения.

Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок...»

В целях экономии времени я пропускаю ряд фраз и оглашаю конец абзаца:

«...А также устраняют и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые «распоряжениями» меры должны привести к произвольным безнаказанным убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

Это видно, например, из правил применения оружия в случае неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознавать, является ли неисполнение приказа результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом».

Я пропускаю еще два абзаца, как не имеющие отношения к интересующим нас вопросам, и цитирую дальше:

«Организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и т. п. оружием, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа и выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь в виду возможность действительно проверять их применение».

Я хочу процитировать еще одну фразу, взятую из пункта пятого этих замечок:

«В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных».

Документ этот подписан начальником заграничной контрразведки адмиралом Канарисом. К нему приложены распоряжения об обращении с советскими военнопленными...

В свете оглашенных документов, а также протеста германских военнопленных лагеря № 78, из которого видно, как гуманно обращалось советское командование с военнопленными из состава германской армии, бесстыдным издевательством звучит фраза из приложения № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД относительно обращения с советскими военнопленными. Эта фраза может быть Вами прочитана в документе, который я предъявляю трибуналу под № СССР-3:

«Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией».

Прошу трибунал запомнить, что в приложении № 2 к приказу Ставки командования германской армии № 11, датированному 7 октября 1941 г., имеется и такая директива:

«Деятельность зондеркоманд с санкции командующих тылом армейской группы (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась по возможности незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

Вот какие перевозки военнопленных «куда-то на грузовиках неподалеку» имел в виду квалифицированный палач Кунтце, когда отчитывался перед своим начальством по поводу «инцидента при экзекуции 28 военнопленных инвалидов». <...>

В апреле 1941 г., непосредственно после оккупации югославской территории, немцы угнали в Германию как военнопленных около 300 тысяч солдат и офицеров. Югославская государственная комиссия располагает многочисленными доказательствами об издевательствах и противозаконном обращении с этими военнопленными. Здесь же приведем несколько примеров:

«14 июля 1943 г. в офицерском лагере «СС» в «Оснабрюке» были выделены 740 военнопленных югославских офицеров и переведены в специальный штрафной лагерь, носивший название «Лагерь-Д». Здесь их разместили в четырех бараках. Им было запрещено всякое соприкосновение с остальными отделениями лагеря. Обращение с ними еще больше противоречило международным соглашениям, чем обращение с прочими военнопленными. В этом штрафном лагере находились все те, которых немцы причисляли к приверженцам национально-освободительного движения. Часто в отношении их применялись меры массового наказания.

Немцы играли жизнью военнопленных и часто расстреливали их из прихоти. В лагере «Оснабрюк» 11 января 1942 г. немецкий часовой начал стрелять в группу военнопленных и при этом тяжело ранил капитана Пэтара Ножинича; 22 июля 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров; 2 сентября 1942 г. часовой выстрелил в югославского старшего лейтенанта Владислава Вайса, который вследствие этого ранения надолго стал инвалидом; 22 сентября 1942 г. часовой с наблюдательной вышки стал стрелять в группу офицеров; 18 декабря 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров, наблюдавших из окна своего барака за проходившими английскими военнопленными; 20 февраля 1943 г. часовой выстрелил в

военнопленного офицера только за то, что он курил; 11 марта 1943 г. часовой открыл огонь по двери барака и убил военнопленного генерала Дмитрия Павловича; 21 июня 1943 г. часовой выстрелил в югославского подполковника Бранко Паванича; 26 апреля 1944 г. немецкий унтер-офицер Рихардс выстрелил в старшего лейтенанта Владислава Гайдера, который вскоре после этого умер от ран.

26 июня 1944 г. немецкий капитан Кунце выстрелил в двух югославских офицеров и тяжело ранил старшего лейтенанта Дьорьеви́ча.

Вся эта стрельба велась без всякого основания и без всякой причины. Она была результатом жестоких приказов германского коменданта лагеря, согласно которым оружие применялось даже при самых незначительных проступках.

Все перечисленные случаи произошли в одном и том же лагере, но та же самая картина имела место во всех остальных лагерях для военнопленных югославских офицеров и солдат».

В Чехословацком правительственном докладе приводится факт, который я хочу доложить вам. Он характерен не тем, что вносит что-либо новое в освещение методов фашистских злодеяний, а тем, что имел место тогда, когда гитлеровцы уже совершенно отчетливо понимали, что они доживают последние дни. Этот факт описан в четвертом приложении к Чехословацкому правительственному докладу, и я изложу его вкратце своими словами. В Гавличковом Броде имелся аэродром, где размещались военные учреждения, а в бывшем убежище для умалишенных находился лазарет СС. Когда встал вопрос об оформлении сдачи немецких военных частей, находившихся на аэродроме (в 1945 г.), туда направились в качестве официальных представителей чешской армии штабс-капитан Сула с одним из своих сослуживцев. Ни один из них не вернулся. Несколько позднее аэродром и госпиталь были взяты чешскими национальными частями, и было произведено расследование. Оказалось, что парламентареры, а также ранее исчезнувшие в Гавличковом Броде шесть человек были приведены немцами в госпиталь СС, где их подвергли жестоким пыткам, в частности штабс-капитану Суле был вырезан язык, выколот глаз и разрезана грудь. С остальными поступили подобным образом. У большинства из них были вырезаны половые органы.

В подтверждение этого факта имеются фотодокументы, которые я представляю Суду.

Мой доклад занял несколько часов. Ни этого времени, ни слов, имеющихся в запасах человеческой речи, конечно, недостаточно, чтобы сказать о тысячной доле страданий всех воинов моей Родины и других демократических государств, которые имели несчастье оказаться во власти фашистских палачей.

Я мог лишь в самом сжатом виде показать вам, как осуществлялись людоедские фашистские директивы об издевательствах над военнопленными, об их массовом истреблении способами, перед которыми бледнеют ужасы Средневековья.

Мы попытаемся хотя бы несколько восполнить пробел. Перед вами пройдут десятки тысяч свидетелей. Они вызваны в зал Суда по этому делу. Я не могу назвать их имен, и вы не приведете их к присяге, но их показаниям нельзя не верить, ибо мертвые никогда не лгут. Значительная

часть тех фильмов о немецких злодеяниях, которые вам будут предъявлены советским обвинением, относятся к преступлениям против военнопленных. Немое свидетельство заживо сожженных в госпиталях, истерзанных до неузнаваемости пытками, замученных голодом – я уверен в этом – будет сильнее любых моих слов.

Враг вероломно напал на нашу страну. Люди взяли в руки оружие, чтобы защищать Родину, ее свободу, независимость, честь и жизнь своих семей. Они стали в ряды воинов. Они воевали. Некоторые из них оказались во власти врага. Посмотрите, как надругался враг над ними, когда в их руках уже не было оружия.

Так пусть за мучеников, за неописуемые зверства, которые вы увидите сами, и за многие подобные, о которых, вероятно, не узнает уже никто, ответят по всей строгости Закона международной справедливости главные виновники фашистских злодеяний – главные военные преступники.

Глава 16

«Снисходительность» к пленным из стран Запада

В отношении нацистов к пленным из Советского Союза и стран Запада существовала немалая разница. Издевательства, пытки, расстрелы, нечеловеческие условия быта относились прежде всего к солдатам и офицерам Красной армии. Как правило, их силой гнали на самые тяжелые и изнурительные работы в шахты, на стройки, рудники, металлургические заводы, военные предприятия. Они трудились намного больше других пленных, а рацион питания их был вдвое меньше. Пленные из СССР не получали посылок Красного Креста. Расстрел как универсальное наказание применялся в первую очередь к ним.

При этом нацисты лицемерно ссылались на то, что между Германией и СССР нет соглашения, которое базировалось бы на Женевской конвенции. Они не соблюдали его и в тех случаях, когда оно было.

С той или иной задержкой самые зверские меры применялись и к пленным из западных армий. Так, сначала приказ «Кугель» не распространялся на совершивших побег английских и американских солдат. Затем их тоже начали расстреливать. С октября 1942 г. захваченные бойцы спецподразделений «коммандос» подлежали расстрелу на месте или передаче в СД, что обычно также заканчивалось расстрелом. Далее той же участи подверглись летчики авиации союзников, сбитые над территорией Германии. С июня 1944 г. – пленные из группировки союзников, высадившихся в Нормандии. Власти даже стимулировали линчевание сбитых летчиков, освобождая от ответственности гражданских лиц – участников варварских расправ.

В марте 1944 г. из концлагеря «Саган», прорыв тоннель, бежали 50 английских летчиков. Розыск их шел по всей Германии, и все летчики, кроме троих, были схвачены и расстреляны. К приказу о смертной казни имели отношение Кейтель и сам Гитлер.

В сентябре того же года в концлагерь «Маутхаузен» привезли 47 плененных летчиков – англичан, американцев, голландцев. Их казнь была изощренно жестокой. В каменоломне на их плечи нагроулили тяжелые камни и ударами хлыстов погнали вверх по лестнице. С каждым разом вес камней и сила побоев нарастали, и так продолжалось двое суток. От непосильной ноши и побоев из 47 человек 26 умерли.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ Ш. ДЮБОСТОМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

[Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 января 1946 г.]

...Другая сторона вопроса в этой политике террора и уничтожения выявляется при рассмотрении военных преступлений, совершенных Германией в отношении военнопленных. Эти преступления, как вам будет доказано, преследовали две цели. Первая из них – максимально унижить узников, чтобы подорвать в них энергию, деморализовать их, заставить их сомневаться в самих себе, правоте дела, за которое они воевали, и вызвать у них разочарование в будущем, которое ожидает их родину. Вторая цель заключалась в уничтожении тех военнопленных, которые своими предшествующими действиями или тем, как они себя проявили, находясь

в плену, показали, что они являются неприемлемыми для нового порядка, который нацисты хотели установить.

С этой целью Германия усугубила бесчеловечность обращения, стремясь максимально ухудшить условия лиц, содержащихся в заключении; этими лицами были солдаты, верившие при сдаче в плен в чувство военной чести у армии, которой они сдавались. Военнопленных перевозили в бесчеловечных условиях. Солдат плохо кормили, заставляли проходить пешком очень большие расстояния, подвергали при этом всякого рода издевательствам; убивали, когда они уставали и не были в состоянии следовать в колонне. Во время этих переходов по этапу не предусматривалось никакого места для ночлега и никакого снабжения. Доказательством этого служит отчет о перегоне партии военнопленных, которая отправилась из Сагана 8 февраля 1941 г. в 12 ч. 30 мин. дня. Этот документ был предъявлен моим коллегой господином Герцогом под № РФ-46. Обращаюсь к другому документу:

«1300 английских военнопленных всех рангов, которые двигались тремя колоннами, вышли 28 января 1945 г. пешком из «Шталага-9-III». Они проходили в этапном порядке до Штремберга от 27 до 31 км в день. Из Штремберга их направили в Лукенвальд. Во время перехода продуктов питания, воды, медикаментов, а также соответствующего ухода в большинстве случаев совершенно не было. По меньшей мере трое военнопленных должны были остаться в Мускау».

В конце страницы, третья строка снизу:

«31-го числа они покрыли расстояние в 31 км, отделявшее их от Мускау. Во время этого перехода выбыли из строя три человека: лейтенанты Килли, Уайз и Бэртон, которых пришлось оставить в госпитале».

Страница 2, в самом конце документа:

«Во время перехода, кроме посылок Красного Креста, о которых речь шла ранее, единственным питанием, которое выдавали военнопленным, были ячменная похлебка и полбулки на каждого. Снабжение водой было предоставлено воле случая. Пятнадцать человек пропали без вести. Колонна французских и бельгийских военнопленных была поставлена в еще более тяжелые условия.

Форты в лагере находились в состоянии, нарушающем все правила гигиены; военнопленные были согнаны в очень небольшое помещение, им не хватало воды и топлива; в «Шталаге III-C» они были размещены по 30–40 человек в одной комнате» (показания Будо).

Показания господина Будо фигурируют в отчете, который был также вручен вам ранее господином Герцогом. Аналогичные выводы вытекают из отчетов Красного Креста.

Бергер, назначенный по указанию Гиммлера с 1 октября 1944 г. уполномоченным по делам военнопленных, признал на допросе, что питание военнопленных было далеко не удовлетворительным.

Второй абзац:

«Я посетил лагерь к югу от Берлина, названия которого я не помню; быть может, я вспомню его позднее. Тогда я понял, что снабжение продовольствием совершенно неудовлетворительно, и это вызвало очень резкий разговор между Гиммлером и мной. Гиммлер был решительно против того, чтобы посылки Красного Креста продолжали раздавать в лагерях

военнопленных в том же количестве, что и до сих пор. Со своей стороны я считал, что со временем это сильно отразится на здоровье лиц, о которых идет речь».

Мы представляем документ ПС-826, который идет под № РФ-356. Этот документ исходит из Главной ставки Гитлера и представляет собой отчет о посещении Норвегии и Дании. Вы найдете его на странице 7 предъявленной вам книги документов. Читаю третий абзац:

«Все военнопленные в Норвегии получают продовольствие, позволяющее им лишь существовать, не работая. Однако рубка леса требует от военнопленных такой затраты энергии, что, в случае если снабжение продовольствием не улучшится, следует ожидать в ближайшее время значительного снижения производительности труда».

Эта заметка касается положения, в котором находились 82 тысячи военнопленных, содержащихся в заключении в Норвегии, из которых 30 тысяч использовались на тяжелых работах, проводимых организацией Тодта. Это вытекает из первого абзаца на странице 7.

Мы предъявляем теперь трибуналу документ ПС-820 на четвертой, вернее, на девятой странице книги документов. В нем говорится о создании лагерей военнопленных в районах, подвергавшихся бомбардировкам с воздуха. Этот документ исходит от Генерального штаба и датирован 18 августа 1943 г. Он был направлен Верховным командованием военно-воздушных сил Верховному главнокомандующему германской армией. Мы представляем его под № 358 и огласим перед трибуналом третий абзац:

«Полковник штаба военно-воздушных сил предложил создать лагерь для военнопленных в жилых районах городов, чтобы таким путем добиться некоторой защиты».

Я пропускаю абзац и читаю:

«Исходя из вышеизложенных рассуждений, возникает вопрос о немедленном создании таких лагерей в городах, находящихся под угрозой воздушных налетов; как это было установлено при обсуждении вопроса в городе Франкфурте, в этих городах будут приложены все усилия для ускорения строительства лагерей».

Наконец, последний абзац: «К настоящему времени в Германии находится около 8 тысяч военнопленных английских и американских летчиков, не считая помещенных в госпиталь. Эвакуировав существующие лагеря в другие места, можно предоставить эти последние для размещения лиц, чьи жилища были разрушены. Таким образом, это дало бы нам число военнопленных, достаточное для заселения значительного числа указанных лагерей. Здесь имеются в виду лагеря, создаваемые в районах, подвергающихся бомбардировкам и наибольшей угрозе».

На странице 10 трибунал обнаружит документ от 3 сентября 1943 г., исходящий из Ставки фюрера. Он касается создания новых лагерей военнопленных для английских и американских летчиков. Мы представляем этот документ под № РФ-359.

«1. Высшее командование германских военно-воздушных сил намечает создание новых лагерей для военнопленных летчиков, поскольку число их достигает более тысячи человек в месяц, а имеющихся в настоящее время мест, куда они могут быть помещены, недостаточно.

Верховное командование германских военно-воздушных сил предлагает создать новые лагеря внутри жилых кварталов городов, что явится в то же время мерой защиты городского населения, а также предлагает перевести существующие в настоящее время лагеря, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков-военнопленных, в города, подвергающиеся угрозе нападения со стороны авиации противника.

2. Верховное командование германской армии и начальник управления по делам военнопленных в принципе одобрили этот проект».

На первой странице книги документов, которая лежит перед трибуналом, находится документ Ф-551, который мы представим под № РФ-360. В этом документе, являющемся приказом, говорится о наказаниях, налагаемых на военнопленных в нарушение 60-й и последующих статей Женевской конвенции. Женевская конвенция предусматривает, что при возбуждении судебного преследования против военнопленных следует уведомлять государство, представляющее интересы воюющих стран, и что это государство имеет право быть представленным на суде.

Я оглашу, вернее прокомментирую, этот приказ. Я изложил трибуналу статью 60 и последующие статьи Женевской конвенции, предусматривающие, что государство, защищающее интересы воюющих стран, должно быть уведомлено о возбуждаемом против военнопленных судебном преследовании. Из документа, который мы представляем под № РФ-360, явствует, что эти положения были нарушены. Мы оглашаем первую строку:

«На практике проведение в жизнь положений статей 60 и 66, и в частности § 2 статьи 66, Конвенции 1929 года относительно обращения с военнопленными сталкивается с серьезными трудностями. Для сурового уголовного преследования за особенно тяжкие преступления, как, например, за убийство караула, неприемлемо положение, согласно которому смертный приговор может быть приведен в исполнение лишь по истечении трехмесячного срока после уведомления о приговоре государства, защищающего интересы воюющих стран. От этого должна страдать дисциплина среди военнопленных». Я перехожу к странице 12:

«Предлагается следующее решение вопроса:

...b) Французы должны доверять процедуре, принятой в германских военных трибуналах.

c) Германией назначается защитник и устный переводчик.

d) В случае вынесения смертного приговора (это в конце двенадцатой страницы) для его приведения в исполнение будет дан соответствующий срок».

В начале страницы 13:

«Конечно, в этом случае Германия сохраняет за собой право, даже если оно и не было предусмотрено, в критические моменты привести приговор в исполнение немедленно».

В § 3 говорится:

«Не может быть и речи о предоставлении разрешения Франции, которая может сослаться на третий абзац статьи 62 Женевской конвенции, посылать своего представителя на наиболее важные процессы германских военных трибуналов».

В нашем распоряжении имеется пример нарушения и последующих статей Женевской конвенции, содержащийся в отчете Голландского правительства, который трибунал обнаружит на странице 12 переданной ему книги документов.

Мы остановились на оглашении документа Голландского правительства, который уже был представлен трибуналу под № РФ-324 и из которого явствует, что был заявлен протест против тайного приговора к смерти и казни трех офицеров: лейтенантов Ван-Боша, Браата и Тибо.

Из этого документа явствует, что нацисты, проводя систематическую политику устрашения, постарались сохранить возможно большее количество военнопленных, для того чтобы в случае необходимости оказывать эффективное давление на страны, из которых происходили эти военнопленные. Эта политика проводилась путем незаконного захвата военнопленных или систематического отказа репатриировать пленных, плохое состояние здоровья которых могло бы оправдать эту меру. В качестве примера незаконного захвата военнопленных мы можем упомянуть о французских военнопленных. Отчет Министерства по делам военнопленных и сосланных, на который мы ссылаемся, указывает на странице 440, что некоторые французские военные части сложили оружие в момент перемирия, когда германские военные власти заверили их, что войска, которые таким образом прекратят военные действия, не будут уведены в плен. Однако эти войска были захвачены в плен. Альпийская армия, перешедшая Рону для демобилизации, находилась на западе от города Вьенны. Эту армию захватили в плен и увели в Германию, где она пробыла до конца июля 1940 г. Кроме того, несражающиеся части специального назначения были уведены в плен во исполнение приказа Гиммлера, которым предписывался захват всех без исключения французов, способных носить оружие. Только благодаря индивидуальным нарушениям этих приказов и личной инициативе отдельных командиров частей не все французы были уведены в Германию. Ввиду трудностей увода в Германию огромной массы военнопленных в 1940 г. было решено создать концлагерь для военнопленных в германских военных частях («Фронт Шталаг»). Фактическому правительству, образованному во Франции после перемирия, было дано обещание, что военные, которые будут содержаться в лагерях «Фронт Шталаг», будут находиться во Франции. Однако заключенных этих лагерей начали пересылать в Германию с октября 1940 г.

В дополнительном отчете, приложенном к книге документов, Министерство по делам военнопленных и сосланных обращает внимание на незаконный захват в плен войск укрепленного сектора Агно: 22-го пехотного полка и 81-го батальона, а также 51-го и 58-го пехотных полков и одной североафриканской дивизии. Это документ Ф-668.

Цитирую документ:

«Войска укрепленного сектора Агно, 22-й пехотный полк и 81-й батальон, сражались по 25 июня до 1 ч. 30 мин. Они прекратили огонь только после соглашения между полковником, командующим укрепленным сектором Агно, и германскими генералами. По этому соглашению французским военнослужащим обеспечивались почетные условия сдачи, в частности, они не должны были быть взяты в плен. 51-й и 58-й пехотные полки, а также североафриканская дивизия отошли к городу Туль только

после соглашения, подписанного 22 июня 1940 г. французским генералом Дюбюссоном и немецким генералом Андреасом в местечке Тюйль-Грозейль (департамент Мёрт и Мозель). По условиям этого соглашения французским частям обеспечивались военные почести и они не должны были быть захвачены в плен». Этот отчет под французским № РФ-668 является выдержкой из письма Дарлана послу Скапини от 22 апреля 1941 г. Привожу другой документ:

«4 апреля 1941 г. Господин Жорж Скапини, французский посол, его превосходительству господину Абецу, германскому послу в Париже. Тема: «Солдаты, захваченные после вступления в силу конвенции по перемирию, с которыми обращаются как с военнопленными».

Внизу страницы:

«1. Женевская конвенция. Женевская конвенция может применяться в отношении захвата военнопленных только во время войны. Однако перемирие прекращает военные действия. Таким образом, захват в плен всякого солдата после вступления в силу конвенции по перемирию и обращение с ним как с военнопленным неправильно».

Третий параграф страницы 17:

«Статья 4. Во втором параграфе конвенции по перемирию лишь говорится о том, что французские вооруженные силы, расположенные в районах, подлежащих германской оккупации, должны быть срочно возвращены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Однако в этой статье не говорится (что нарушило бы Женевскую конвенцию) о том, что их захватят в плен».

Пятый параграф той же страницы:

«1. Гражданские лица. Если допустить, что с гражданскими лицами нельзя обращаться как с военнопленными, взяв их в плен до заключения перемирия, о чем говорилось в предыдущем письме, то тем более можно ли допустить это по их захвате в плен после заключения перемирия? Я должен заметить по этому вопросу, что захват, иногда массового характера, производился еще в течение нескольких месяцев после окончания военных действий».

Страница 18, в начале страницы:

«К категориям гражданских лиц, которые я определил в моем первом письме, прибавляется еще одна категория – категория демобилизованных, которые возвращались домой в оккупированную зону после заключения перемирия и которых чаще всего в результате инициативы местных властей захватывали по дороге домой и посылали в плен.

2. Военные. Я так условно называю тех людей, которые, хотя они и были освобождены после перемирия, по некоторым обстоятельствам того трудного времени не смогли получить оформленных демобилизационных документов. Многие из них были захвачены и уведены в плен при таких же обстоятельствах, как и предыдущие».

Перейдем к странице 19, ко второй части страницы:

«А. Гражданские лица, не подлежащие военной службе. Само собой разумеется, их нельзя рассматривать как военных согласно французским законам; их можно разделить по возрасту на 2 группы:

а) люди, не достигшие 21 года, не призывавшиеся в армию, – например: Фланкар Александр – 18 лет, захваченный германскими войсками в Курьере,

департамент Па-де-Кале, по вступлении германских войск в этот район. Фланкар был направлен в плен в «Шталаг-26».

б) Люди, в возрасте от 21 года до 48 лет, немобилизованные, демобилизованные или освобожденные от военной службы. Следует довольно длинный список примеров, который трибунал, может быть, примет как доказательство без его оглашения. В нем значатся одни фамилии».

В середине страницы:

«Военные специальных частей. Военные разных спецчастей делятся на две группы.

1. Военные, мобилизованные в специальные корпуса, являющиеся военными частями и созданные путем мобилизации в различных министерствах, по следующей таблице».

В начале страницы 21:

«Военные специального назначения, оставленные на военных предприятиях в качестве мобилизованных на той же работе, которую они выполняли в мирное время. Например, рабочие артиллерийских парков.

Гражданские специалисты. В отличие от предыдущих, гражданские специалисты не входили в военные части и не находились в ведении военных властей. Однако их захватывали в плен. Например [я пропускаю несколько строчек], Муиссе Анри, работавший в качестве специалиста на заводе Марэ-Вонен [я пропускаю еще несколько строк], он был взят в плен и направлен в «Шталаг 102 11-А».

Не все эти люди были освобождены. Некоторые оставались в плену до конца войны».

Я буду сейчас цитировать документ, представленный под № РФ-324. Этот текст можно изложить в нескольких словах. В нем говорится о голландских офицерах, освобожденных по капитуляции голландской армии и снова захваченных некоторое время спустя для того, чтобы отправить их в плен в Германию.

Абзац третий этого документа:

«9 мая 1942 г. в голландских газетах было опубликовано уведомление для всех кадровых офицеров бывшей голландской армии, находившихся на действительной службе 10 мая 1940 г., о явке их в пятницу 15 мая 1942 г. в казарму Шоссе в Бреда».

Параграф пятый:

«Более тысячи кадровых офицеров явились в казарму Шоссе 15 мая 1942 г. За ними заперлись двери».

Теперь я перехожу к седьмому абзацу:

«Один германский офицер из высших чинов явился в казарму и заявил, что офицеры не сдержали своего слова – ничего не предпринимать против фюрера, в связи с чем с этого момента они находятся в плену».

Следующий абзац:

«Их отправили с охраной из Бреда в Нюрнберг, в Германию».

Множество препятствий существовало для освобождения французских военнопленных, которые вследствие своего плохого здоровья должны были возвратиться домой. Я цитирую документ, который уже был представлен под № РФ-297:

«...Вопрос об освобождении французских генералов, военнопленных Германии, по возрасту или плохому здоровью несколько раз поднимался французскими управлениями».

Второй абзац: «Фюрер всегда относился отрицательно к этому вопросу как с точки зрения их освобождения, так и помещения в госпиталь в других или нейтральных странах».

Третий абзац:

«Освобождение или помещение в госпиталь теперь должно иметь место еще реже, чем когда-либо».

От руки приписано на этом документе: «На это французское письмо ответа не последует». Это письмо было послано Верховным командованием германской армии германской комиссии по перемирию, обратившейся в штаб за консультацией по вопросу, следует ли отвечать на требования об освобождении больных французских генералов, поступавшие от фактического французского правительства того времени.

Гораздо более серьезные меры были приняты германскими властями в отношении наших военнопленных, когда по причинам патриотического характера некоторые из наших соотечественников-военнопленных дали понять немцам, что они не намерены сотрудничать с Германией. Германские власти считали, что те из наших соотечественников, которые так вели себя, строптивы и представляют угрозу своим мужеством и своей решимостью. Тогда началась настоящая резня этих людей. Нам известны многочисленные примеры умерщвления военнопленных в результате участия их в действиях «коммандос», обвинения их немцами в совершении террористических актов в воздухе, или потому только, что им вменялся в вину побег либо попытка к бегству, или же потому, что их обвиняли просто в активном либо моральном сопротивлении нацистскому порядку. Эти убийства осуществлялись посредством заключения военнопленных в концлагеря, где к ним применялся режим, о котором вам уже известно и который приводил их к смерти. Или же их убивали еще проще: выстрелом в затылок, по способу, описанному вам моими американскими коллегами, на котором я не буду останавливаться.

В других случаях их линчевали на месте согласно отданным приказам или же в силу попустительства германского правительства толпе. В некоторых случаях их передавали в гестапо или СД.

В конце моего выступления я скажу, что в последние годы оккупации эти организации имели право производить казни.

С разрешения трибунала мы рассмотрим случаи уничтожения военных, захваченных в результате военных действий, случаи с «коммандос» и с летчиками.

Как трибуналу уже известно, «коммандос» почти всегда были добровольцами. Во всяком случае, их набирали из самых отважных бойцов, физически наиболее боеспособных. Таким образом, можно рассматривать их как лучших из лучших; поэтому приказы об уничтожении их имели своей целью уничтожение лучших бойцов союзных армий. С точки зрения юридической казни «коммандос» оправдать нельзя. Кстати, немцы сами очень широко применяли «коммандос». Но если в отношении своих собственных «коммандос» после захвата их в плен немцы всегда требовали

признания за ними положения военнопленных, то они отказывали в этом качестве нашим «коммандос» или «коммандос» союзных армий.

По этому вопросу приказ о смертной казни был подписан Гитлером 18 октября 1942 г., и этот приказ выполнялся очень энергично. Ему, кстати, предшествовали другие приказы ОКВ. Это является доказательством тщательного рассмотрения этого вопроса до издания окончательного приказа за подписью руководителя Германского правительства.

Документ под № ПС-553, который я представляю под № РФ-362. Это – приказ, предусматривающий уничтожение всех отдельных парашютистов или небольших групп парашютистов, имеющих определенное задание. Он датирован 4 августа 1942 г. и подписан Кейтелем. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

7 октября 1942 г. в сообщении ОКВ, напечатанном прессой и переданном по радио, было объявлено о решении Верховного командования уничтожать диверсантов. На странице 26 своей книги документов трибунал найдет выдержку из «Фелькишер беобахтер» от 8 октября 1942 г.:

«В будущем все отряды террористов и диверсантов англичан и их вспомогательные части, которые поведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергнуты германской армией соответственному обращению: их будут убивать на поле боя и, вне зависимости от места сражения, на месте их действия».

Под № РФ-363 мы представляем запись заседания штаба германской армии, которая датирована 14 октября 1942 г.

Третий абзац:

«В период тотальной войны диверсия стала основным элементом ведения войны. В этой связи достаточно указать наше собственное отношение. Враги могут найти доказательства тому в отчетах наших собственных отделов пропаганды».

На странице 29, в конце третьего абзаца (это все из записи заседания от 14 октября 1942 г. штаба армии), сказано, что «диверсия является основным элементом, и мы сами сильно развили этот вид боя».

Затем шестой параграф:

«О намерении ликвидировать впредь все террористические и диверсионные группы, которые ведут себя как бандиты, уже передавалось по радио...

...Таким образом, надо считать, что задачи штаба армии заключаются единственно в том, чтобы давать директивы практического выполнения, чтобы войска знали, как им следует поступать в отношении таких групп».

На странице 30 трибунал увидит, какие приказы отдавались в отношении таких групп, которые германский штаб называл группами английских террористов и саботажников, так как речь шла о «коммандос» противника. Конечно, германский штаб своих «коммандос» никогда не называл «группами террористов и саботажников».

Первый параграф, четвертая строчка, относится к группам британской армии, одетым в гражданское платье или в военную форму. Я читаю:

«Их надо истреблять беспощадно во время боя и в то время, как они спасаются бегством».

Параграф «b»:

«Члены группы террористов и диверсантов британской армии, которые в военной форме повели себя в военном отношении недостойным образом или нарушили международное право, должны быть изолированы».

Пропускаю несколько строк и читаю:

«Инструкции об обращении с ними будут даны штабом армии по согласованию с юридическим и иностранным отделами».

Наконец, на странице 31, второй абзац:

«Группы террористов и диверсантов будут всегда рассматриваться как нарушающие правила войны в случае, если несколько нападающих диверсантов, агентов, солдат или штатских в военной форме или в штатском производят, по мнению войск, агрессивные или варварские действия».

Третий параграф:

«В этом случае такие группы будут уничтожены до последнего человека как во время боя, так и при попытке к бегству. Таких лиц заключать в лагерь для военнопленных запрещается».

Глава 17

Казнь «братьев по оружию»

Нацисты не щадили даже своих недавних союзников. После капитуляции Италии перед войсками антигитлеровской коалиции 3 сентября 1943 г., акт которой подписал на острове Сицилия король Виктор-Эммануил, немецкие войска успели оккупировать часть страны. Участь 640 тысяч пленных итальянцев, в том числе и из итальянских частей, воевавших вместе с вермахтом на Восточном фронте, была ужасной.

Итальянским военным было предложено принять немецкую присягу и продолжить боевые действия. Отказавшимся была уготована смерть. Приказ Верховного командования вермахта от 30 сентября 1943 г. предписывал: «Согласно содержанию 3 пункта II раздела «Директивных указаний» итальянских офицеров расстрелять в обычном экстренном порядке, они должны считаться «расстрелянными как партизаны».

В результате более 400 тысяч итальянских солдат были расстреляны нацистами или погибли в лагерях от голода, лишений и непосильного труда.

Власти послевоенной Италии достаточно инертно отреагировали на убийство своих солдат, отказавшихся сражаться за Гитлера. Злодеяния нацистов долгое время скрывались от итальянского народа. Более того, распространялись лживые измышления о «муках» и «гибели» итальянских военнопленных в «советских концлагерях».

В 1987 г. Прокуратура СССР возбудила уголовное дело по факту расстрела гитлеровцами во Львове в 1943 г. 2500 итальянских военнослужащих.

На основании показаний свидетелей, заключения экспертиз, архивных материалов была составлена полная картина злодеяния. С материалами дела были ознакомлены посол Италии в СССР и Итальянская правительственная комиссия по расследованию событий, связанных с расстрелом итальянских военнослужащих во Львове. Представителям этой страны была предоставлена возможность побывать на местах казней, где свидетели-очевидцы подробно рассказали о трагической расправе над итальянцами.

И посол, и члены комиссии однозначно высказались за установление сотрудничества в розыске и наказании нацистских убийц. Тем не менее активных действий со стороны итальянских властей тогда так и не последовало. В статье, опубликованной в популярной итальянской газете «Иль Джорнале», автор этой книги проинформировал общественность Италии о расследовании и его проблемах. Однако ворошить прошлое, судя по реакции прессы, никто особенно не хотел.

Итальянская газета «Иль Джорнале», 1 июля 1992 года.

Новые подробности о массовых истреблениях в 1943 году

«Во Львове уничтожены нацистами 2500 наших солдат»

О драматических событиях, связанных с нашими солдатами, уничтоженными нацистами во Львове, рассказывает Государственный советник юстиции России Звягинцев.

Расследование, начатое Прокуратурой СССР 26 февраля 1987 года, о массовом расстреле итальянских солдат нацистами во Львове, выявило массу новых фактов и деталей по этому делу. Следует напомнить, что преступления, являющиеся предметом данного расследования, были совершены в 1943 году на основании «директив» вермахта,

утвержденных Мартином Борманом в сентябре того же года, а также на основании «специального циркуляра». Этими документами предписывалось уничтожение итальянских офицеров, которые отказывались воевать на стороне немцев и которые приравнивались поэтому к партизанам.

Долгое время расследование не могло установить даже приблизительное число итальянских военных, уничтоженных нацистами. Теперь оно установлено. В частности, заместитель прокурора г. Львова Василий Дорош, участвующий в расследовании по данному делу, расширив район поисковых работ, установил, что массовые истребления итальянцев проводились не только в Лиснецком лесу, Погулянке, крепости «Цитадель», но также в концентрационном лагере «Яновский». Всего в этих местах было уничтожено 2500 итальянских военных.

«Сбор доказательств – дело довольно трудное, – отмечает Дорош. – Многих свидетелей тех событий уже нет среди нас. Кроме того, нацисты боялись мести за содеянное и, чтобы скрыть свои преступления, сжигали трупы, а остававшиеся кости перемалывали с помощью специальных машин. Все это осуществляло «Зондеркомандо-1005», специальная команда, сформированная из евреев-смертников, которые сразу же после этого были уничтожены».

Но некоторые из них уцелели. Четырем из «смертников» удалось бежать. В ходе опросов они поведали жуткие вещи. Впоследствии их показания были подкреплены вещественными доказательствами, среди которых фотографии, одежда убитых, волосы и другие вещи. В ходе расследований, проведенных экспертами, удалось прояснить многие факты. Недавние поездки, совершенные следователями прокуратуры в Польшу, их беседы там со свидетелями тех событий позволили получить дополнительную информацию по данному делу.

Сейчас следователи работают над выполнением отдельного запроса, поступившего из Италии. Около трехсот документов следствия, прежде всего протоколы допросов и выводы экспертов, нами уже высланы. В настоящий момент проводится опрос других свидетелей. «Но у нас есть некоторые вопросы и к нашим итальянским коллегам, – говорит Дорош. – В Италии есть более десяти человек, которых мы хотели бы опросить по данному делу. Нам известны их имена. Это очень важные свидетели».

Александр Звягинцев. Москва

Глава 18

Клеймо из ляписа – хорошо... а татуировка – лучше

Циничная идея клеймить людей, как скот, как рабов Древнего мира, выдает всю низость и бездушие нацистских руководителей, озабоченных тем, что пленные из СССР не хотели мириться со своей горькой участью и пытались вырваться на свободу. Изобретение Верховным командованием Германии способов клеймения людей говорит о том, как быстро просвещенная и культурная страна Европы, по крайней мере значительная часть ее народа, может растерять весь свой гуманизм и погрузиться во мрак злобного, людоедского отношения к внешнему миру и внутренней оппозиции.

Документ ПС-1191, СССР-15
Начальник полиции порядка
Кдо. 1Г 1а (1) № 74/42
Берлин,
9 февраля 1942 г.
Копия с копии

ОТНОСИТЕЛЬНО КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Нижеследующую копию распоряжения ОКВ от 16.1. 1942-А и 2ф 24.73 (1а) 539/42 я направляю в дополнение к моему приказу от 5.1-1942 г. – О-Кдо. 1 г (1) № 127/41 (г)

По поручению: Шлаке заверено – подпись

Копия с копии
ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
Ац 2ф, 24.73 (1а) № 539/42

Берлин-Шенеберг 1.
16.1.42

ОТНОСИТЕЛЬНО КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Ввиду того что советские военнопленные при побегах большей частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья.

Начальник Верховного командования вооруженных сил
По поручению – подпись

В немецких штабах сидели не только бесконечно циничные, но деятельные и усердные люди, доводившие до совершенства свои аморальные и преступные инициативы.

Проходит несколько месяцев, и Главное командование вермахта издает новый приказ о клеймении, порадовавший исполнителей проработкой всех деталей зверского процесса.

Вместо недостаточно стойкой метки ляписом на предплечье предписывалось делать советским пленным татуировку на ягодице.

Верховное командование
вооруженных сил Берлин-Шенеберг,
20.7-42Ац, 2 ф, 24 82 х ...№ 3142/42 Баденшештрассе,

51

ОТНОСИТЕЛЬНО КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ

1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 40 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь. Выполнить это надлежит следующим образом: царапины, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность напряженной кожи, смочить китайской тушью. При этом следует избегать глубоких кровотокающих порезов.

Так как в настоящее время еще нет достаточного опыта в отношении стойкости клеймения, то затем через определенные промежутки времени, по истечении 14 дней, четырех недель и через три месяца, следует проверить клеймо и в случае необходимости возобновить его (см. § 7).

3) Клеймение не является медицинским мероприятием. Германскому санитарному персоналу не следует поэтому поручать его выполнение за недостатком санитарного персонала. Клеймение, несомненно, можно поручить соответствующему санитарному персоналу из советских военнопленных под медицинским надзором немцев. Срочно предлагается обучить необходимое количество подобного вспомогательного состава практическому выполнению этого, согласно данному предписанию.

4) В интересах быстрого исполнения необходимо затребовать на санитарных складах ланцеты и китайскую тушь.

5) Клеймению необходимо подвергать:

а) вновь поступающих советских военнопленных в районах деятельности командующих вооруженными силами и на востоке и Украине и командующего вооруженными силами в генерал-губернаторстве после мытья, при первой санобработке;

б) всех остальных военнопленных в сфере действия ОКВ до 30.9.42. Об исполнении довести ОКВ до 15.10.1942 г.

6) Это мероприятие не должно препятствовать использованию на работах. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на работах, должно, по возможности, производиться по месту нахождения рабочих команд или во время ближайшей санобработки.

7) Произведенное первое клеймение должно быть тотчас же занесено в личную карту 1, в раздел «Особые приметы» с пометкой «такого-то...

1942 г.», то же самое при каждом необходимом возобновлении клейма (см. § 2).

8) О клеймении находящихся под надзором ОКХ распорядится ген. – кв. ОКХ. Просим сообщить о данном предложении.

Нач. Верховного командования вооруженных сил

По поручению – подпись

Глава 19

Нападение на жизнь. Гитлер: «Мы обязаны истреблять население»

Герман Раушнинг был видным нацистом, советником Гитлера. Еще до прихода НСДАП к власти во всей Германии эта партия получила большинство мест в сенате Данцига, и Раушнинг стал его председателем.

Но вскоре из сторонников национал-социализма он превратился в его опасного критика и в 1936 г. уехал из Германии сначала в Швейцарию, а затем в Англию, где занимался литературным трудом.

Хорошо зная Гитлера, Раушнинг написал несколько книг, разоблачающих фюрера, его «теорию» и политику. Работа «Голос разрушения», вышедшая в свет в 1940 г., – одно из ярких публицистических произведений.

Ведомство Гимmlера включило Раушнинга в список лиц, подлежащих розыску и аресту, однако он оказался в недостижимости от мести бывших друзей. После войны переехал в США и еще раз сменил амплуа, став фермером.

Предлагаемые отрывки представляют собой прямую речь фюрера.

Документ СССР-378

ИЗ КНИГИ ГЕРМАНА РАУШНИНГА «ГОЛОС РАЗРУШЕНИЯ» ИЗДАНИЯ 1940 ГОДА

Глава XI. Внешняя политика Гитлера (стр. 137) <...>

Он [Гитлер] продолжал: «Минимально, что мы можем сделать, это предотвратить поднятие чужеземной крови в теле нашей нации.

Я признаю, что угроза этого чужеземного засилия не ослабнет, если в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Подумайте об Австрии, о Вене. Разве в них осталось что-нибудь немецкое?

Мы обязаны истреблять население, – продолжал он, возбуждаясь, – это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, – грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви. Под словом «уничтожить» я не имею в виду непременно истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения.

Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно того, что тогда явилось неизбежным следствием продолжительной войны? Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов.

Кстати, – добавил он, – я без всякого колебания заявлю об этом открыто. После войны французы жаловались, что немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем осуществление регулирования по плану численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныкания о защите бедных и забитых для нас пришло время решить защищать сильных перед низшими. Одна из основных задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы проявляем гуманность. Нам не нужно забывать, что мы поступаем с другими только так, как они сами поступили бы с нами...»

Глава XVI. Черная и белая магия (стр. 225)

Я благодарю свою судьбу за то, что она не уготовила мне благословения, посылаемого государством, и не опустила мне на глаза завесу, называемую научным образованием. Мне удалось избежать многих наивных заблуждений. Теперь я пожинаю плоды достигнутого мною. Я приближаюсь ко всему с колоссальным ледяным спокойствием и без предрассудков.

Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума, который завладел ими, от грязных и разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль, и от требований свободы и личной независимости, которые могут быть перенесены лишь немногими.

Христианской доктрине о бесконечной значимости индивидуальной человеческой души и личной ответственности я с неотразимой ясностью противопоставляю спасительную доктрину о ничтожности и маловажности индивидуального человеческого существа и о его повторяющемся существовании в очевидной бессмертности нации. Догма о страданиях за ближнего и смерть от руки божественного спасителя дает место догме символики жизни и деятельности нового лидера – законодателя, который освобождает преданные ему массы от тяжести свободной воли.

Когда нацистское руководство поставило цель добиться мирового господства, захватить «жизненное пространство» и уничтожить целые народы, оно уже было полностью свободно от «химеры совести». На

территориях, оккупированных Германией, было бесполезно искать следы справедливости и гуманности новых хозяев. За всеми действиями, которые предпринимали нацисты, стояло одно желание – принести населению наибольший вред, лишить его источников существования, истребить физически.

Приняв в 1940 г. план нападения на СССР, они начали вместе с военными мерами готовить модель «управления» оккупированными землями. Были заранее разработаны директивы и приказы о массовом уничтожении населения, разграблении захваченных территорий. Образцом этого нацистского творчества является план «Ост». В нем без обиняков утверждалось: «Дело заключается... в том, чтобы уничтожить русских как народ».

Сразу предполагалось, что машина репрессий будет действовать не вслепую. Целью ее была прежде всего активная часть населения – партийные работники, представители советской власти, хозяйственные руководители, ученые, специалисты, деятели культуры. Для этого были составлены «Особая розыскная книга СССР», «Списки по выявлению местопребывания» и другие ориентировки.

Так же, еще накануне вторжения, нацистское руководство и Главное командование вермахта освободили и военных, и войска СС, и карательные органы от какой-либо ответственности за преступления против мирного населения и военнопленных.

С началом боевых действий и продвижением немецких армий на Восток нацистские вожди только подтверждали и увеличивали эту жуткую свободу для своих головорезов. Для борьбы с растущим сопротивлением народа, партизанским движением, которое нацисты называли «чумой», а отряды – «бандами», карателям были разрешены любые зверства.

Ставку на них делал прежде всего сам Гитлер: «Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму. Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

«Любые средства» и применялись: пули и огонь, вероломство и ложь, концлагеря и гетто, голод и болезни, смертельный газ и яды. Создай нацисты ядерное оружие, они применили бы его не задумываясь.

Жертвы Советского Союза были огромны, но и в других странах, на территорию которых ступил немецкий сапог, трагический счет оккупантам необычайно велик. Карательные акции с массовыми убийствами мирного населения, отправкой его в концлагеря, сожжение и разрушение деревень, сел и целых городов есть в истории каждой захваченной страны.

Вот примеры – национальные символы нацистских зверств. Во Франции нацисты уничтожили город Орадур-сюр-Глан, в котором заживо сожгли и расстреляли 639 жителей, среди которых было 460 женщин и детей. В Чехословакии каратели сожгли поселок Лидице. Все мужчины там были убиты, а женщины и дети отправлены в концлагерь. Далее нацисты так же обошлись с поселком Лезаки. В Италии было стерто с лица земли селение Сант Анна-ди-Стацидена, при этом было расстреляно 560 граждан.

В Голландии разрушена деревня Пюттен. Часть жителей ее была расстреляна на месте, 660 человек увезены в концлагерь, из которого вернулись лишь 115 человек. В Норвегии разрушен поселок Телавог. Все мужское население его было расстреляно или посажено в концлагерь.

Массовые злодеяния совершили нацисты в Югославии, Греции. В многострадаальной Польше каратели совершили рейды по 769 деревням, убив почти 20 тысяч человек.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Л. Н. СМИРНОВЫМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ»

[Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы предъявить вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тягчайших преступлений в отношении мирного населения временно оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии.

Количество подобных доказательств, находящихся в распоряжении советского обвинения, необычайно велико.

Достаточно указать, что лишь в делах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников находится 54 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза.

Однако и эти документы далеко не охватывают всех злодеяний, совершенных преступниками войны в отношении мирного населения.

Советское обвинение утверждает, и я представлю Суду доказательства этому, что на всем протяжении громадного фронта, от Баренцева моря до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики.

Злодеяния немецко-фашистских преступников выявлялись по мере продвижения на запад частей Красной армии. Акты о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения составлялись офицерами передовых частей Красной армии, местными органами власти, общественными организациями.

Советские люди узнавали о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в первую очередь не по циркулярам немецкого командования, указаниям рейхслейтеров или инструктивным письмам обергруппенфюреров СС, снабженным входящими и исходящими номерами соответствующих канцелярий, хотя и подобные документы были в большом количестве захвачены наступающими частями Красной армии и находятся в распоряжении советского обвинения.

Иными здесь являются источники доказательств. Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов, превращенных гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее Суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний, тянувшихся, как справедливо сказано в речи Главного обвинителя от СССР, «от рук палачей до министерских кресел».

В этих чудовищных злодеяниях была своя определенная преступная система. Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом «циклоном А» или «циклоном Б», построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка «лагерей уничтожения», стандартная конструкция зловонных «машин смерти», которые немцы называли «газенвагенами», а наши люди – «душегубками», техническая разработка конструкций передвижных мельниц для размалывания человеческих костей – все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей.

Становилось ясным, что по приказу руководства военными немецкими силами занимались немецкие теплотехники и химики, архитекторы и токсикологи, механики и врачи.

Становилось ясным, что «фабрики смерти» вызывали к жизни целые отрасли вспомогательной индустрии.

Но единство злой воли проявлялось не только там, где целям злодейского умерщвления людей служила специальная техника.

Это единство злой воли проявлялось также в единстве приемов исполнителей злодеяний, однотипности техники умерщвления людей и там, где для убийств использовались не специальные технические устройства, а применялись обычные образцы оружия, принятого на вооружение германской армии.

Из тех доказательств, которые мною будут предъявлены дальше, вы увидите, что места захоронения немецких жертв вскрывались советскими судебными медиками на севере и на юге страны, могилы были отделены одна от другой тысячами километров, и очевидно было, что эти злодеяния совершались различными физическими лицами. Но одинаковыми были приемы совершения преступлений. Одинаково локализовались ранения. Одинаково подготавливались маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы. Приведенным к месту расстрела безоружным и беззащитным людям убийцы в почти одинаковых выражениях приказывали раздеться и лечь лицом вниз в заранее приготовленные ямы. Первый слой расстрелянных, было ли это в болотах Белоруссии или в предгорьях Кавказа, одинаково присыпался хлорной известью, и

на прикрытый смешанной с кровью едкой массой первый ряд мертвецов убийцы вновь заставляли ложиться обреченных беззащитных людей.

Это свидетельствовало не только о единстве полученных свыше инструкций и приказов. Настолько одинаковы были приемы убийств, что становилось ясным, как готовились кадры убийц в специальных школах, как заранее предусматривалось все, начиная от приказа раздеться перед расстрелом до самого умерщвления. Эти основанные на анализе фактов предположения были впоследствии полностью подтверждены захваченными Красной армией документами и показаниями пленных.

С первых месяцев войны Советскому правительству было ясно, что бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляют не эксцессы недисциплинированных военных частей или изолированные преступные действия отдельных офицеров и солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, но преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой.

Суду уже представлена как бесспорное доказательство в соответствии со статьей 21 Устава и зарегистрирована под № СССР-51 одна из нот Народного комиссариата иностранных дел СССР, датированная 6 января 1942 г. Я начинаю цитировать третий абзац после заголовка ноты. Там сказано:

«Освобождение частями Красной армии, в процессе ее продолжающегося успешного контрнаступления, ряда городов и сельских местностей, находившихся временно в руках германских захватчиков, выявило и с каждым днем все более продолжает выявлять неслыханную картину повсеместного грабежа, всеобщего разорения, гнусных насилий, издевательств и массовых убийств, учинявшихся немецко-фашистскими оккупантами над мирным населением при их наступлении, во время оккупации и при отступлении. Имеющиеся в распоряжении Советского правительства многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что грабежи и разорение населения, сопровождавшиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами, распространены во всех районах, попавших под пяту немецких захватчиков. Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты. <...>

Советское правительство и его органы ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире свое заявление о фактах, характеризующих чудовищные преступления,

совершаемые гитлеровской армией над мирным населением захваченной ею территории Советского Союза».

Я оглашаю затем 2, 4 и 5-й абзацы заключительного раздела этой ноты:

«Гитлеровские правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую разбойничью сущность. Это разбойничье правительство, признающее только силу и разбой, должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов, в ряду которых советские народы выполняют свою великую освободительную задачу до конца...»

Суду будут последовательно предъявлены доказательства:

Во-первых, сознательного развязывания со стороны главных преступников войны низменных инстинктов германских офицеров, солдат и направленных в оккупированные восточные области немецких должностных лиц, подстрекаемых к убийствам мирного населения и насилию над ним; создания атмосферы безнаказанности для преступников и узаконения режима террора.

Во-вторых, специального воспитания и подбора кадров, предназначенных для осуществления массовых убийств и проведения режима террора в отношении мирных граждан.

В-третьих, объемов преступлений, повсеместности и громадных размеров немецко-фашистских злодеяний.

В-четвертых, постепенного развития и усовершенствования методов осуществления чудовищных преступлений, от первых расстрелов до создания «лагерей уничтожения».

В-пятых, попыток сокрытия следов преступлений и специальных мероприятий, проведенных с этой целью по приказам из центра.

Я перехожу к предъявлению документов по первым двум разделам этого перечня.

Суду уже были предъявлены доказательства того, что конкретные приказы, циркуляры и так называемые «законы», изданные гитлеровскими преступниками для легализации террора в отношении мирного населения и для оправдания насилий и убийств, стоят в прямой связи с человеконенавистническими «теориями» фашизма. В речи Главного обвинителя были приведены две цитаты из книги бывшего президента данцигского сената и одного из весьма приближенных в свое время к Гитлеру лиц – Германа Раушнинга, изданной в 1940 г. в Нью-Йорке под названием «Голос разрушения». Эта книга переиздавалась также в разных странах и в разное время под другими названиями («Гитлер говорил мне», «Разговор с Гитлером» и т. д.).

Из книги Раушнинга, предъявленной мною сейчас Суду, в речи Главного обвинителя от СССР приведены две цитаты. Одна из них находится на странице 225 подлинника. Содержание этой цитаты вкратце сводится к тому, что Гитлер говорил Раушнингу о том, что он освобождает человечество от «унижающих ограничений», выдвигаемых «химерой совести и морали». Вторая цитата также очень важна. Я постараюсь на ряде совершенно

конкретных фактов раскрыть кажущееся абстрактным содержание этой цитаты. Вы найдете ее на страницах 137–138. Здесь речь шла относительно разговора Гитлера с Раушнингом о специальной «технике обезлюживания» – действиях, необходимых для физического уничтожения целых народов, и о «праве победителя на физическое уничтожение целых народов».

И в самом деле, для того чтобы умертвить миллионы невинных и беззащитных людей, необходимо было не только разработать химическую рецептуру «циклона А», сконструировать газовые камеры и печи крематориев или специально разработать процедуры осуществления массовых расстрелов. Для этого надо было также воспитать многие тысячи исполнителей «не по форме приказа, а по его духу» (как говорил в одном из своих выступлений Гиммлер). Нужно было воспитать людей, лишенных сердца и совести, извращенных существ, сознательно порвавших с основными положениями морали и права. Нужно было легализовать и «теоретически обосновать» закономерность замены понятия «вины» понятием «подозрения», понятия «наказание» – понятием «превентивного очищения от нежелательных элементов в политических целях», понятия «справедливости» – понятием «права господ», понятия «суда» – апологией административного произвола и полицейского террора.

В форме приказов, распоряжений, узаконений нужно было внушить сотням тысяч дрессируемых, как кровавые собаки, исполнителей замысленных главными преступниками злодеяний, что они не отвечают ни за что. Вот почему Гитлер освободил их от «химеры, именуемой совестью».

Но теоретические высказывания не были все же надлежаще оформленными инструкциями и не вводили определенных репрессий за проявление ненужной мягкости к тем, кто недостаточно познал «радость жестокости».

Вот почему еще до начала войны с Советским Союзом немецко-фашистские преступники издали ряд так называемых памяток, заповедей и других подобных документов для немцев, отправляющихся на Восток. Я предъявляю уважаемому Суду один из таких документов. Из тех материалов, которые имелись в моем распоряжении, я сознательно выбрал этот небольшой документ и останавливаюсь на нем потому, что он предназначен не для эсэсовцев или полицейских, а всего лишь для так называемых сельскохозяйственных фюреров. Называется этот документ «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими».

Я представляю Суду этот документ под № СССР-89. Из «12 заповедей» я цитирую только одну, а именно шестую заповедь, которая, как кажется мне, имеет непосредственное отношение к моей теме.

Нельте: Господин председатель! Было бы желательно, если бы представителем обвинения было указано, кто является автором этих заповедей. Я прошу вашего решения, можно ли этот документ принять как доказательство.

Председатель: Полковник Смирнов, сможете ли вы информировать нас, каков источник, из которого вы получили этот документ?

Смирнов: Этот документ находится в делах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию и установлению немецко-фашистских злодеяний.

Документ этот был захвачен полевыми частями нашей армии в районе Россоши, доставлен в Чрезвычайную государственную комиссию, и подлинник этого документа сейчас предъявляется уважаемому Суду.

Председатель: Сейчас передо мной находится этот документ. Здесь сказано: Берлин, 1 июня 1941 г., и, кроме того, здесь есть подпись, которая выглядит примерно как «Бакке». Возможно, защитник хотел бы ознакомиться с подлинником документа, посмотреть на него. Насколько я понял обвинителя, этот документ представляет собой часть советского правительственного отчета?

Смирнов: Так точно.

Я имею справку о должностном положении Бакке. Бакке был статс-секретарем Министерства питания и продовольствия.

Итак, я цитирую шестую заповедь из представленных Суду «12 заповедей».

«6. Ввиду того что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характеров у отдельных лиц безусловно явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

К каким самым «жестоким и самым беспощадным» мероприятиям готовило преступное гитлеровское правительство тех, кого оно именovalo «знаменосцами национал-социалистской революции», и какие преступления были содеяны ими, мы покажем ниже.

Так отвлеченные теоретические рассуждения подтверждались официальными распоряжениями, вполне определенными и не допускающими двоякого толкования.

Кадры убийц готовились в специальных учебных заведениях. Сеть этих учебных заведений доходила почти до нижних чинов.

Я предъявляю уважаемому Суду обвинительное заключение, составленное следователем по важнейшим делам при Прокуроре СССР по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Этот документ нашел полное свое подтверждение в приговоре военного трибунала, который также представляется Суду.

Обвинительное заключение и приговор представляются трибуналу под № СССР-32.

На первой странице обвинительного заключения приведена выдержка из показаний обвиняемого. Цитирую эту выдержку из показаний:

«Обвиняемый старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал: «...на курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо утверждали о том, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны

быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий, и надо признать, что в практической работе каждым военнотружущим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись».

Таковы были курсы, посвященные обучению и воспитанию младших чиновников полиции.

Но фашистская система воспитания убийц знала и другие формы обучения, специально посвященные, в частности, технике уничтожения следов преступления. Суду уже предъявлен в качестве доказательства документ, зарегистрированный под № СССР-6в/8. Документ этот является одним из приложений к Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

Это – показание свидетеля Манусевича, допрошенного по специальному поручению Чрезвычайной государственной комиссии старшим помощником прокурора Львовской области. Протокол допроса надлежаще оформлен в соответствии с процессуальным законом Украинской Советской Республики.

Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов умерщвленных советских людей. После сожжения 40 тысяч трупов, умерщвленных в Яновском лагере, команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу.

Я цитирую протокол допроса:

«...В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других лагерей, из каких – не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей».

Суду будет далее представлена фотография этой машины и акт осмотра ее, вернее, акт технического освидетельствования.

«Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, посеять и посадить деревья на этом месте, где рассыпать и прятать пепел человеческих трупов. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, то есть за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов».

Для воспитания подростков немецкие фашисты создали особую организацию, так называемую «Гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»).

Длительное время эта организация возглавлялась подсудимым Бальдуrom фон Ширахом.

О том, какие методы воспитания немецкой молодежи применялись фашистскими преступниками, свидетельствует французская подданная Ида Вассо, директриса существовавшего во Львове пансиона для престарелых французов. В период оккупации немцами Львова она имела возможность посетить львовское гетто. В заявлении на имя Чрезвычайной

государственной комиссии Вассо описала существовавшую там систему истребления людей.

Из заявления Вассо видно, что немцы воспитывали «гитлерюгенд», тренируя этих молодых фашистов в стрельбе по живым мишеням – по детям, которых специально отдавали организации «гитлерюгенд» в качестве мишеней для стрельбы.

Заявление Вассо было проверено Чрезвычайной государственной комиссией и полностью подтверждено. В подтверждение этого я представляю Суду Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» (документ под № СССР-6).

Цитирую заявление Вассо:

«...Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, обучаясь стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя – таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а главное, не забыть их, так как возмездие не вернет жизнь миллионов людей».

Чрезвычайная государственная комиссия констатировала, что во Львове немцы «не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе».

Так были созданы, воспитаны, обучены те моральные уроды, которые были призваны осуществить программу главных военных преступников по физическому уничтожению народов стран Восточной Европы.

Фашистскому правительству незачем было опасаться того, что эти «знаменосцы национал-социалистской революции» на Востоке обнаружат какие-нибудь остаточные признаки гуманности...

Я цитирую:

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволоочное ограждение в два ряда, расстояние между рядами – 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти и там умирал с голоду и от холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу, если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если в руку, то тут же расстреливают и при этом заявляют, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу». Брели человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой, и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара. Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически

здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, то есть быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег, если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его, почему ты стоишь последний, и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области». Более того, Манусевич говорит главным образом о действиях нижних и средних чинов лагерной администрации. Из Сообщения Чрезвычайной комиссии видно, что система гнуснейших издевательств над беззащитными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Я не буду никак комментировать этот документ, но я прошу, уважаемый Суд, обратить внимание на некоего оберштурмфюрера Вильгауза, упоминаемого в этом документе.

«Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря – оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

«Я лично видел, – сообщил Комиссии бывший заключенный лагеря Аш, – как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания».

По показаниям многочисленных свидетелей – советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось Главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин

ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух-четырехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!» – и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор.

Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Венке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Венке, крепкожимали ему руки, хвалили.

В 1943 г. в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных, и если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливалось от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

Членам Суда далее будут представлены фотодокументы – снимки этого «оркестра смерти».

То, что происходило в Яновском лагере, отнюдь не являлось чем-то исключительным. Точно так же вела себя немецко-фашистская администрация всех концентрационных лагерей, размещенных на территории временно оккупированных областей Советского Союза, Польши, Югославии и других стран Восточной Европы.

Суду уже предъявлен под № СССР-29 документ «Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине».

Я цитирую раздел третий этого документа, озаглавленный «Пытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения».

«...Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шутки», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимое утопление в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова, и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно при подозрении в попытке к бегству, вешали заключенных лагеря. В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

...В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увели с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой.

Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насиловуют женщин, девушек на глазах у их родных и их детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами.

В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

В Белоруссии, возле города Борисова, в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецких войск. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 женщин и девушек. Шестнадцатилетнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев стоят доски, а к доскам штыками приколоты умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности Б. И. Альперенко и В. М. Березниковой, отрезали груди.

Из деревни Боровки Звенигородского района Московской области фашисты при отступлении насильно увели с собой несколько женщин, разлучив их, несмотря на их мольбы и протесты, с малолетними детьми.

В городе Тихвине Ленинградской области пятнадцатилетняя М. Колодецкая, будучи ранена осколком, была привезена в госпиталь (бывший монастырь), где находились раненные немецкие солдаты. Несмотря на ранение, Колодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти».

Я опускаю один абзац и продолжаю цитату:

«Но гитлеровцы не ограничиваются убийствами отдельных советских людей. В истории гитлеровского разбоя и террора на захваченной советской территории выделяются своим кошмарным изуверством массовые убийства советских граждан, которыми, как правило, сопровождается временный захват немцами городов, сел и других населенных местностей.

Вот некоторые примеры поголовной кровавой расправы немецких оккупантов с жителями целых деревень. В деревне Яскино Смоленской области гитлеровцы расстреляли всех стариков и подростков, а дома пожгли дотла. В деревне Починок той же области немцы загнали всех стариков, старух и детей в помещение правления колхоза, закрыли двери и всех сожгли. В украинском селе Емельчино Житомирской области немцы заперли в маленькой избе 68 человек, наглухо забили окна и двери, в результате чего все погибли от удушья. В ныне освобожденной нашими войсками деревне Ершово Звенигородского района Московской области немцы при оставлении деревни загнали в церковь около 100 мирных жителей и раненых красноармейцев, заперли их, после чего церковь взорвали. В селе Аграфеновка Ростовской области 16 ноября фашисты арестовали все мужское население от 16 до 70 лет и каждого третьего расстреляли».

Следующая часть ноты посвящена массовым преступлениям немцев, так называемым «акциям», в частности «акциям» в Киеве. Я вынужден обратить внимание Суда на то обстоятельство, что цифра умерщвленных в Бабьем Яру, которая приведена в ноте, является меньшей, чем в действительности. После освобождения Киева было установлено, что объем злодеяний немецко-фашистских захватчиков превышает преступления немцев, о которых было известно по первоначальной информации.

Из предъявляемого далее Суду Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по городу Киеву видно, что в Бабьем Яру во время этой чудовищной так называемой «массовой акции» немцами расстреляно было не 52 тысячи, а 100 тысяч человек.

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице – Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, кем-либо проявившими свою преданность советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище города Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избili; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем расстрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов». <...>

Ничего не комментируя, я считаю, что тем не менее необходимо заметить, что так могли поступать только люди, хорошо помнящие известное уже уважаемому Суду указание Кейтеля о том, что человеческая жизнь в тех странах, «которых это касается, ровно ничего не стоит». Я цитирую далее ноту народного комиссара иностранных дел:

«Кроме всего сказанного выше, Советское правительство располагает документальными материалами о систематически повторяющихся чудовищных преступлениях немецко-фашистского командования: об использовании мирного советского населения в качестве прикрытия для немецких войск во время боев с войсками Красной армии.

28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление.

Это же подлое преступление было повторено по отношению к гражданскому населению германским командованием в Ленинградской области, в районе совхоза «Выборы», а также в Ельнинском районе Смоленской области. Фашистские мерзавцы продолжают пользоваться этим зверским и трусливым приемом вплоть до последних дней. 8 декабря гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной армии. При боях наших войск за освобождение города Калинина части германского 303-го полка 162-й дивизии, пытаясь перейти в контратаку, собрали в пригородной деревне женщин и, поставив их впереди себя, пошли в бой. К счастью, советским войскам удалось, отбив эту атаку, вклиниться между гитлеровцами и их жертвами и спасти женщин».

Для нужд немецко-фашистской армии, в нарушение всех международных конвенций, преступники использовали мирное население на особо опасных работах, в частности на работах по разминированию участков.

Я привожу выдержку из второго раздела этой ноты, четвертый абзац:

«Везде, где только на советской территории появлялись германские войска и германские власти, немедленно устанавливался режим жесточайшей эксплуатации, бесправия и произвола в отношении незащитного гражданского населения... Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья советских граждан, гитлеровцы, заняв или разрушив их дома, загоняют многих из них в концентрационные лагеря, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера. В ряде случаев после использования гражданского населения для выполнения тех или иных работ военного характера работавших для сохранения тайны подвергают поголовному расстрелу.

Так, в деревне Колпино Смоленской области оккупанты погнали всех крестьян строить мосты и блиндажи для германских частей. По окончании строительства этих укреплений все крестьяне были расстреляны».

Мирных жителей немецкие фашисты насильственно отправляют в концентрационные лагеря, искусственно и незаконно увеличивая этим число военнопленных и перенося нечеловеческий режим, который был установлен немецко-фашистскими властями для военнопленных, на мирное население.

Я предъявляю Суду далее выписку из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Этот документ предъявляется под № СССР-172.

Я позволю здесь себе своими словами изложить биографические сведения об обвиняемом Ле-Курте, который был предан военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор немецкой армии, 27 лет. Он родился и проживал до войны в городе Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, затем был призван в армию: военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии.

«По существу дела Ле-Курт показал: «До пленения меня войсками Красной армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания «Е 33/XI» лаборантом. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом военнопленных бойцов Красной армии и мирных граждан. Мною делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан...

Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением.

В ноябре 1942 г. я принимал участие в расстреле 90 советских граждан.

С апреля по декабрь 1942 г. в составе авиапехотного полка я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял...

Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мною было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался бежать из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...

Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что я расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно – 1 ноября 1941 г. – присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить 1 ноября 1942 г., наградили «Восточной медалью».

Ле-Курт отнюдь не был исключением, и в подтверждение этого я позволю себе в весьма кратких извлечениях сослаться на приговор военного трибунала Смоленского военного округа по делу группы бывших военнослужащих германской армии, преданных суду за совершенные ими зверства в отношении мирного населения и военнопленных в городе Смоленске. Этот документ был представлен Суду моим коллегой – полковником Покровским под № СССР-87 и приобщен к материалам процесса. Я опускаю всю общую часть приговора и лишь прошу разрешения Суда привлечь его внимание к тому месту приговора, где сказано, что лишь в 80 ямах-могилах, разрытых и обследованных судебно-медицинскими экспертами, в городе Смоленске и Смоленской области обнаружено свыше 135 тысяч трупов советских женщин, детей и мужчин разного возраста

... На территории Польши впервые были введены в действие уголовные законы, прямо утверждающие особое право «господ» и драконовское право для народов, которые эти фашистские «господа» считали уже покоренными.

В докладе Польского правительства, представленном уже Международному военному трибуналу под № СССР-93, дан краткий обзор того режима произвола и бесправия, который был установлен под видом особого законодательства в оккупированной Польше.

Я позволю себе сослаться на две коротких выдержки из доклада правительства Польской республики, это – раздел «Германизация польского права».

«В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка.

Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции. Немецкое право было введено, а польское право онемечено...

...а) 4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали... декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на «присоединенных территориях» вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второстепенную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху, но, с другой стороны, будучи второстепенными гражданами, они не имеют права на охрану, которую закон обеспечивает другим...

Смертные приговоры допустимы также в следующих случаях:

- 1) за устранение или публичное повреждение плакатов, вывешенных немецкими властями;
- 2) за акты насилия в отношении представителей немецких вооруженных сил;
- 3) за оскорбления чести рейха или нанесение вреда его интересам;
- 4) за повреждение имущества, принадлежащего немецким властям;
- 5) за повреждение предметов, предназначенных для работ общественного характера;
- 6) за вызывающее отношение и неподчинение постановлениям и распоряжениям, изданным немецкими властями, и в некоторых других случаях, которые могли оправдать не более как тюремное заключение на короткий срок...

б) Полякам было запрещено, согласно официальному распоряжению наци, поддерживать отношения с немцами, чтобы не опорочить благородную кровь «геррен-фолька». Кто бы осмелился или пытался сделать это, неизбежно рисковал жизнью.

Но не только немецкий суд был призван выносить приговоры в таких случаях. Признано было лишним устраивать процессы – простое распоряжение полиции считалось достаточным, чтобы лишать людей жизни...»

Перехожу к тому, что, мне кажется, совершенно правильно в докладе правительства Чехословакии названо «Судебный террор немецких фашистов в Чехословакии». В этой стране мы можем последовательно

проследить, как с течением времени во все более возрастающей прогрессии происходило разрушение гитлеровцами общепризнанных правовых норм.

В докладе Чехословацкого правительства, также уже представленном Суду моими коллегами под № СССР-60, весьма подробно показан этот процесс, начиная от так называемых «народных судов» до организации так называемых «штандгерихте», являющих нам знакомую уже по Польше картину органов прямого нацистского произвола.

Этот процесс полного распада, вернее развала, правовых норм фашистами показан в докладе очень подробно, я привожу только краткие цитаты:

«Право объявления чрезвычайного положения было осуществлено не позже чем 28 сентября 1941 г. Декретом того же дня (прил. 12), подписанным Гейдрихом, чрезвычайное положение было объявлено для района Оберландрата в Праге, а через несколько дней для оставшейся части протектората. Штандгерихте, которые были немедленно введены, действовали в течение всего периода и вынесли 778 смертных приговоров».

Все были казнены. Тысяча человек была передана гестапо, то есть концлагерям...

Единственное руководство к учреждению, составу и процессуальной стороне «штандгерихте» находится в постановлении от 27 сентября 1941 г. <...>

Ссылаясь на информацию, которой мы в настоящее время располагаем, судьи в этих штандгерихте были только как редкое исключение судьями профессиональными.

Самое большое значение имела партийная благонадежность. Это является причиной, почему судьи были, можно сказать, без исключения членами и администраторами НСДАП или других национал-социалистских организаций, то есть людьми, которые, за редкими исключениями, не имели ни малейшего понятия о праве и не обладали никакой практикой в уголовных процессах...

В соответствии с разделом 4 параграфа 1 постановления штандгерихте могут вынести только смертный приговор или передать обвиняемого тайной государственной полиции...

...Приговоры, вынесенные штандгерихте, должны быть исполнены немедленно (раздел 4, § 3 постановления). Многочисленные примеры указывают на то, что жестокое нацистское законодательство никогда не смягчалось. В конце так называемого судебного следствия предоставлялось судьям решать, должен ли осужденный быть расстрелян или повешен (раздел 4, § 3 постановления).

Не давался даже и самый короткий срок к предсмертным приготовлениям. О помиловании вообще не было речи в постановлении. Во всяком случае, жестокая поспешность, с которой выполнялся приговор, делала помилование невозможным...

«Казни, являющиеся следствием «приговоров» штандгерихте, не отличаются ни в какой степени от казней без суда. Они должны быть квалифицированы как убийство.

Невозможно найти в установлениях, регулирующих процедуру штандгерихте, малейший признак гуманности. Например, правило, которое требует немедленной казни и фактически не дает осужденному ни

малейшего срока к приготовлению к смерти, является формой жестокости, которая, как и весь институт штандгерихте, имеет целью терроризирование населения».

Учреждение штандгерихте не отменяло и не исключало полицейского осуждения, как это было установлено Франком в Польше. Мне кажется, что все законы, приведенные мной выше, свидетельствуют о том, что из права, призванного карать за преступления, гитлеровцы пытались создать право, творящее преступления.

Именно для этого и создавали они свои так называемые «законы»...

Я перехожу к тем террористическим законам и распоряжениям гитлеровских преступников, которые были изданы в отношении мирных граждан Советского Союза.

Дело в том, что, начав преступную войну против СССР, немецко-фашистская разбойничья клика сочла недостаточными и эти специально созданные для оправдания преступления «законы» и установленные ими нормы «права» разбойников.

В документе Л-221 зафиксирована реплика, брошенная Гитлером Герингу на совещании 16 июля 1941 г.

Гитлер говорил: «...Гигантское пространство... должно быть как можно скорее замирено». Я цитирую из следующей фразы, где Гитлер говорит: «...Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд...»

Я привожу эти строки потому, что они являются лейтмотивом, который проходит через все распоряжения и законы Гитлера.

Я цитирую директиву Кейтеля. Она была предъявлена Суду американским обвинением за № Р-98:

«...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и... устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Я представляю далее Суду фотостат документа, который уже был предъявлен под № ПС-459:

«Всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а тем, что оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен, – как говорилось в этой директиве, – отнять у населения всякую охоту к сопротивлению».

Позволю себе для подтверждения этого процитировать две строки из директивы командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау, которая была уже предъявлена Суду под № СССР-12. Там говорится:

«Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков...»

Разрешите сослаться на одну строку документа под № ПС-447, которую Суд найдет на странице 197 книги документов, пятый абзац, после заголовка «Район операции». В документе под № ПС-447 говорилось об особых полномочиях рейхсфюрера СС и указывалось, что «в рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность».

Хорошо известно, что представлял собой рейхсфюрер СС. Из многих высказываний Гиммлера я ограничусь здесь лишь одной цитатой,

характерной, однако, как руководящее указание подчиненным Гиммлеру чиновникам СС, к которым он обращался.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер говорил (этот документ был предъявлен трибуналу американским обвинением под № ПС-1919 и оглашен 19 декабря 1945 г.):

«...Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует. Погибнут ли от изнурения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб или нет – интересует меня лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы...»

Суду был предъявлен документ, которым установлено, что легализация массовых убийств и истребление мирного населения Советского Союза, производимые непосредственно армией с целью терроризирования, были установлены Гитлером и его кликой еще 13 мая 1941 г. – более чем за месяц до начала войны. Я говорю в данном случае об уже широко оглашенном на Суде известном распоряжении Кейтеля «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск».

Этот документ был предъявлен трибуналу под № С-50. Полагаю, что он хорошо памятен Суду. Я лишь напоминаю, что в этом документе в прямой форме отрицалась необходимость установления вины. Подозрение становилось достаточным основанием для применения смертной казни. Официально устанавливалась преступная система круговой поруки и массовых репрессий. Кроме того, указывалось, что «заподозренные» во всех случаях подлежали уничтожению – об этом прямо говорит пункт 5 раздела первого «Распоряжения».

Предъявляю документ СССР-3. Это Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, озаглавленное «Директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан».

Документ, касающийся осуществления массовых казней, так называемых экзекуций, в лагерях, где содержалось мирное население и военнопленные. Он свидетельствует об организации немецко-фашистскими преступниками с первых же дней войны с Советским Союзом так называемых зондеркоманд – особых команд. Документ касается организации зондеркоманд в лагерях, где содержались военнопленные и мирное население. Термин «зондеркоманды» наполнился зловещим смыслом для населения временно оккупированных областей Советского Союза с первых же дней войны. Это был один из самых грубых и самых жестоких механизмов, созданных немецкими фашистами для умерщвления людей.

«Из обнаруженных документов видно, – говорится в Сообщении, – что гитлеровские палачи еще до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены «Особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода «розыскные книги и списки», которые

гитлеровским убийцам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР...»

Однако каждому криминалисту ясно, что мало было создать эти гнусные кадры преступников, но нужно было добиться и того, чтобы, осуществляя преступление, преступники чувствовали себя совершенно безнаказанными. Для того чтобы во всем колоссальном объеме осуществлять замысленные главными преступниками злодеяния, нужно было создать атмосферу безнаказанности для преступников. Я не буду цитировать уже ранее оглашенный под № С-50 американским обвинением документ, который озаглавлен «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Но мне кажется, что содержание его следует твердо держать в памяти, ибо без уяснения полностью смысла этого документа в ряде случаев просто нельзя понять массовых преступлений, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Советского Союза.

Это распоряжение, подписанное Кейтелем, но изданное от имени Гитлера и по его прямым указаниям, было воспринято всеми солдатами и офицерами фашистской армии как личное распоряжение Гитлера. В подтверждение того, какие выводы сделали немецкие военнослужащие из этого распоряжения Кейтеля, я позволю себе сослаться на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске.

Я предъявляю Суду документ за № СССР-38. В этом документе содержится выдержка из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой стрелковой дивизии капитана Райхофа Юлиуса.

Цитирую по Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии показания Райхофа Юлиуса:

«...За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера немецкие солдаты, руководимые офицерами, учиняли различного рода зверства...»

Но и это казалось недостаточным гитлеровскому руководству. И в 1942 г. оно сочло необходимым в форме резкой директивы, абсолютно не допускающей исключений, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления немецко-фашистских военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей Советского Союза.

Имперское военное руководство особо подчеркивало, что безнаказанность злодеяний должна быть безоговорочно создана и в

том случае, если жертвами любых, по методам совершения зверств, преступлений окажутся женщины и дети.

Председатель: Каковы материалы, которые вы называете «Строжайшими инструкциями»?

Смирнов: Я представляю сейчас Суду эту директиву под № СССР-16 в виде фотостата, заверенного Чрезвычайной государственной комиссией. Эта директива подписана Кейтелем и озаглавлена «Борьба с бандами». Документ датирован 16 декабря 1942 г. <...>

«Содержание: Борьба с бандами. Строго секретно.

Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд (а «бандой», как известно, гитлеровские преступники называли всякое движение сопротивления мирного населения преступной деятельности немецких захватчиков), за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

...Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Я подчеркиваю, что директива говорила о любых средствах расправ с женщинами и детьми.

«Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников.

Эти принципы должны лечь в основу «Инструкции по борьбе с бандами на Востоке».

2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке.

Командиры войск, действующих против банд, несут ответственность:

за обстоятельное и неуклонное ознакомление с этим приказом всех офицеров подчиненных им частей;

за немедленное ознакомление с этим приказом своих юрисконсультов;

за то, чтобы не утверждались приговоры, противоречащие этому приказу.

Кейтель».

Я заканчиваю на этом предъявление документов по первым двум разделам оглашенного в начале доклада перечня.

До сих пор предъявляемые мной Суду материалы призваны были удостоверить три положения.

1. Прямое подстрекательство главными военными преступниками самых широких слоев личного состава немецко-фашистских вооруженных

сил к совершению тяжчайших военных преступлений в отношении мирного населения.

2. Специальное воспитание гитлеровским руководством массовых кадров преступников для практического осуществления планов истребления народов.

3. Всемерное развязывание низменных инстинктов у исполнителей преступлений и создание обстановки полной безнаказанности для преступников.

Эти цели были вполне достигнуты главными немецкими военными преступниками. На оккупированных территориях Советского Союза и стран Восточной Европы гитлеровцами были совершены преступления в отношении мирного населения, которые ни по их масштабам, ни по методам совершения злодеяний, ни по цинизму и жестокости замыслов и действий организаторов и исполнителей не имеют прецедентов в мировой истории.

Я приступаю к предъявлению доказательств, характеризующих объем и методы этих преступлений немецких фашистов.

Установление режима немецко-фашистского террора

Я хочу показать, что означала в жизни народов установка Кейтеля о «замирении» оккупированных территорий.

Установление режима террора – это первое, что отмечало появление немецко-фашистских властей, безотносительно, были ли это военные или гражданские власти, на территории СССР или других стран Восточной Европы.

При этом режим террора осуществлялся не только в самых жестоких формах. Он осуществлялся также в форме бесстыдного глумления над достоинством и честью сделавшихся жертвами немецких фашистов людей.

При этом в первую очередь террористические действия фашистов обрушивались на головы тех, кого преступники считали наиболее активной в политическом отношении и способной к сопротивлению частью населения.

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное мною ранее под № СССР-6 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области»:

«Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений профессора Тадеуша Бой-Желенского, профессора мединститута Романа Реницкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю де Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича...»

Далее следует длинный список, в котором содержится еще тридцать одна фамилия выдающихся представителей интеллигенции города Львова.

Профессор львовского мединститута Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил Комиссии:

«Когда 3 июля 1941 г. в 12 часов ночи меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессора: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичев». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичев» немцы вывели под конвоем пять профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руффа. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15–20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унижить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 г. эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии – доктор юстиции Крепе. Среди приведенных было 5–6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в семи подъездах четырехэтажного дома. После того как все лестницы были вымыты, этих людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора...»

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделывались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии Гиммлера осенью 1943 г. гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили Комиссии следующее:

«5 октября 1943 г. ночью между улицами Кадетской и Вулецкой по приказу одного из гестаповцев при свете прожекторов нами была открыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены.

Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили во Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства.

Сказанное мною ни в коей мере не означает того, что жертвами фашистского террора делались только руководители местных организаций или представители интеллигенции.

Выше я говорил лишь о том, что в первую очередь фашистский террор обращался против этих лиц.

Но одной из характернейших черт гитлеровского террора было то, что он декретировался немецким фашистским руководством и осуществлялся исполнителями как всеобщий террор.

В подтверждение этого я обращаюсь к документу № СССР-63 – Акту Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи.

Керчь – сравнительно небольшой город. От Львова он отделен многими сотнями километров. Если во Львове немецкие захватчики были уже в начале июля 1941 г., то до Керчи они добрались лишь в ноябре. В январе 1942 г. немцы были уже выбиты из Керчи частями Красной армии.

Таким образом, весь период оккупации (первой оккупации, потому что Керчь была дважды оккупирована немцами) был непродолжительным, он исчислялся сроком около двух месяцев. Но вот какие преступления были совершены немецкими фашистами в этом городе:

«Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу». Следующим приказом № 2 немецкая городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм фасоли или муки они расстреливали главу семьи.

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста».

Вы увидите впоследствии трупики этих детей при просмотре наших кинодокументов. Трупы детей были выброшены в керченский ров.

«Согласно приказу немецкого коменданта все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленным ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал их губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо № 4, согласно которому жители, ранее зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для направления на работу. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения производилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря

на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым утонченным пыткам – их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи, 30 декабря 1941 г., красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерово, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходе Красной армии в Керчь, в январе 1942 г., при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье своей матери».

Обстоятельства расстрела подтверждаются показаниями многочисленных свидетелей, которым посчастливилось выбраться невредимыми из рва смерти. Приведу два из этих показаний:

«Двадцатилетний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной армии, показал: «Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым я в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слушал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: «Добей меня, мерзавец!», «Ох, не попал, негодяй, еще бей!» Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Поднимайтесь, кто живой!» Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерово и там дождался прихода Красной армии».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидели, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десяти человек

стали подгонять ко рву. Я с сыном встал в первом десятке. Дошли мы до рва. Нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: «За что вы расстреливаете мирное население?» Но раздались выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: «Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли». Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: «Папа, ты живой?» Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: «Спасите!» Некоторые из них были ранены. Все время, пока я лежал в яме под трупами, слышны были крики и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей...»

...Немецкие варвары в своих бесчеловечных издевательствах над советскими людьми не щадили и детей. Учительница Колесникова М. Н. показала, что немцы убили тринадцатилетнего мальчика за то, что он взял старую камеру автомашины и хотел плавать на ней во время купания на море.

Из показаний Сапельниковой Ефросиньи Николаевны установлен следующий факт: жительница Аджимушкай Бондаренко Мария, желая спасти трех своих детей от голодной смерти, попросила у немцев, работавших на кухне, что-нибудь покушать. Ей насыпали в котелок жиденькой каши. Семья Бондаренко с жадностью поела ее. Через несколько часов мать и трое детей были мертвыми. Фашистские палачи отравили их.

Из показаний Шумиловой Н. Х. установлено, что в июле немецкий офицер расстрелял шестилетнего мальчика за то, что он, идя по городу, пел советскую песню.

В саду имени Сакко и Ванцетти почти все лето висело тело мальчика лет девяти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос.

Я остановился на примере города Керчи не потому, что злодеяния гитлеровцев в этом городе были необычайны по размерам или особенно разительно выделяются по своей жестокости из других преступлений немцев, материалы о которых имеются в распоряжении советского обвинения. Отнюдь нет. Наоборот, Акт Чрезвычайной комиссии я привел исключительно потому, что он дает подробную объективную запись военных преступлений в одном из многих городов, обреченных на то, чтобы в результате ужасной войны, начатой немецко-фашистскими преступниками, сделаться жертвами террористического режима.

Такие же злодеяния творились гитлеровцами на всех временно оккупированных ими территориях Советского Союза...

Пункт седьмой приказа № 431/41 германского коменданта города Феодосии капитана Эбергарда гласит:

«Во время тревоги каждый гражданин, появившийся на улице, должен быть расстрелян. Появляющиеся группы граждан должны быть окружены и безжалостно расстреляны. Вожаки и подстрекатели должны быть публично повешены».

В инструкции по 260-й германской пехотной дивизии по вопросу об обращении с гражданским населением отдельным офицерам ставится на вид, что «необходимая жестокость применяется не везде».

Приказы, вывешиваемые оккупантами в советских городах и селах, предусматривают смертную казнь по самым разнообразным поводам: за выход на улицу после пяти часов вечера, за ночлег посторонних, за невыдачу красноармейцев, за несдачу имущества, за попытки тушить пожар в населенном пункте, назначенном к сожжению, за передвижение из одного населенного пункта в другой, за отказ от принудительного труда и т. д. и т. п.

...Немецко-фашистское командование не только допускает, но прямо предписывает убийство женщин и детей. Организованное детоубийство в некоторых приказах представлено в виде мер борьбы с партизанским движением. Так, например, в приказе командира 254-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Бешнитта от 2 декабря 1941 г. характеризуется как «беспечное благодушие» тот факт, что «старики, женщины и дети всех возрастов» передвигаются позади германских линий, и приказывается: «стрелять без оклика в каждое гражданское лицо любого возраста и пола, которое приближается к передней линии», а также «возложить на бургомистров ответственность за то, чтобы о появляющихся чужих лицах, в особенности о детях, немедленно сообщалось местному коменданту», и «немедленно расстреливать всякое лицо, подозреваемое в шпионаже».

В ноте содержатся также данные об установках, получавшихся фашистскими властями на временно оккупированных территориях от имперских властей:

«Некоторые из преступлений германских оккупантов, совершенных ими еще в первые недели их разбойничьего нападения на СССР, в частности зверское истребление ими гражданского населения Белоруссии, Украины и прибалтийских советских республик, документально устанавливаются лишь сейчас. Так, например, при разгроме частями Красной армии в районе города Торопца в январе 1942 г. кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет первого кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем сообщении о проведении усмирительной Припятской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.: «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)». В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций», и приказывает ежедневно докладывать о числе расстрелянных...».

В этой связи нельзя не упомянуть о преступной деятельности подсудимого Розенберга. Развивая общие установки имперского руководства о насаждении режима террора в оккупированных восточных областях,

правильнее говоря, будучи одним из основных авторов этих установок, Розенберг в Остланде (так гитлеровцами назывались оккупированные районы в Прибалтике) издал ряд законов, причем в том же Остланде подобные же распоряжения и приказы, преследующие цели террора, издавали и другие высшие чиновники насажденной Розенбергом фашистской администрации.

Я предъявляю Суду под № СССР-39 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР:

«17 июля 1941 г. Гитлер своим декретом передал законодательную власть на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний, в свою очередь, передоверил законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 г. закон специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих – эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 г. чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должны караться со всей строгостью:

- а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу;
- б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

12 января 1942 г. рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего – полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман».

Я представляю Суду далее под № СССР-18 фотостат откровенного террористического приказа немецких военных властей. Это приказ военной комендатуры города Пскова. Из этого документа видно, что мирному гражданскому населению запрещалось даже выходить на проездные дороги

в своей местности. Все замеченные там немецкими солдатами мирные граждане должны были быть расстреляны.

«...Исходя из вышеизложенного, приказываю:

1. Все гражданские лица, независимо от возраста и пола, которые будут обнаружены на полотне дорог или вблизи от него, должны рассматриваться как бандиты и подлежат расстрелу. Само собой разумеется, исключение составляют рабочие колонны, находящиеся под надзором.

Все лица, упомянутые в пункте 1, которые пересекают дороги, подлежат расстрелу. Все лица, упомянутые в пункте 1, которые ночью или в сумерках находятся на дорогах, подлежат расстрелу...

4. Лица, упомянутые в пункте 1, если они обнаружены на дорогах днем, подлежат задержанию и самой тщательной проверке».

Таковы были террористические «постановления», «приказы» и даже издаваемые единолично, на так называемых принципах фюрерства, «законы» крупных чиновников и представителей военных властей немецко-фашистского государства.

Но право беспощадной расправы с мирным населением приобретали не только они. Любая ортскомендатура, любой командир мелкой части, наконец, любой солдат гитлеровской армии приобретали право расправы с мирным населением оккупированных районов.

Я предъявляю Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве:

«Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах...»

Прошу Суд принять в качестве доказательства фотостат объявления под № СССР-290. Текст этого объявления гласит следующее:

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением.

Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Киев, 22 октября 1941 г. Комендант города».

Под № СССР-291 представляется фотостат следующего объявления коменданта города Киева:

«В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было дольше терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения.

Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции для того, чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

Эбергарт, генерал-майор, комендант города.

Киев, 29 ноября 1941 г.».

Под № СССР-333 я представляю фотостат третьего и последнего по Киеву объявления:

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергарт, генерал-майор, комендант города.

Киев, 2 ноября 1941 г.».

...Для оформления «особо строгого допроса», правильное, допроса с применением пыток, соответствующими немецкими полицейскими управлениями были изданы специальные бланки. Я предъявляю Суду и прошу приобщить к делу в качестве доказательства подлинный формуляр такого «особо строгого допроса». Я предъявляю его под № СССР-254. Он является приложением к докладу правительства Югославии. Этот формуляр, как видно из приложенного к нему удостоверения, был захвачен в немецком архиве частями югославской армии.

«Чтобы яснее охарактеризовать зверскую жестокость, – говорится в докладе, – осуществляемую при проведении этого плана уничтожения, мы вручаем трибуналу еще один оригинальный документ, захваченный в немецких архивах Югославии. Это бланк-формуляр так называемого «особо строгого допроса» жертв нацистских преступников. Такие допросы проводились... органами полиции безопасности и СД.

На первой странице формуляра полицейский орган предлагает применить по отношению к какому-то лицу особо строгий допрос... На второй странице соответствующий офицер СС одобряет такой допрос. Ответ на вопрос, каким должен быть «особо строгий допрос», мы находим в следующем положении этого формуляра:

«Особо строгий допрос должен заключаться в... Следует вести протокол допроса. Можно привлечь врача (или можно не привлекать)».

Упоминание о враче и об его присутствии при допросе не оставляет сомнения в том, что допрос заключался в физических пытках допрашиваемого. Тот факт, что для такого допроса существовали печатные инструкции, ясно доказывает массовое применение этих преступных способов».

Рейхсфюрером СС специально предусматривались случаи того, что при допросах заподозренные могут пытаться покончить жизнь самоубийством.

Поэтому руководитель эсэсовцев не просто разрешал, а приказывал связывать арестованным руки и ноги или заковывать их в цепи.

Я представляю Суду под № СССР-298 фотостат директивы шефа германской полиции под № 202/43 от 1 июня 1943 г. Документ заверен

Чрезвычайной государственной комиссией. Дата этого документа – 1 июня 1943 г.

«О предотвращении случаев бегства при допросах.

Для предотвращения попыток к бегству при допросах во всех случаях, где существует сильная угроза того, что при сложившихся обстоятельствах или важности личности арестованного последний может совершить бегство или самоубийство, я приказываю так связывать арестованным руки и ноги, чтобы любые попытки к бегству были пресечены.

Можно использовать кольца и цепи, если таковые имеются».

...Я предъявляю Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Расследование этих злодеяний производилось под руководством крупного академика, ныне покойного, русского писателя Алексея Николаевича Толстого. Академик А. Н. Толстой, как помнит, очевидно, Суд, являлся членом Чрезвычайной государственной комиссии.

«...Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчука Филиппа Акимовича, 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные приспособления для пыток: цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гражданина Ковальчука. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме нечеловеческих пыток, гестаповцы применили и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжелыми гирями наносили резкие удары, вследствие чего у заключенного лилась кровь изо рта, носа и ушей и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие в соседней камере и ожидающие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток заключенного, потерявшего сознание, бросали в сторону, и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путем продолжали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обреченных на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали...»

То, что происходило в застенках гестапо в Ставрополе, отнюдь не являлось исключением. То же самое происходило повсеместно. В подтверждение этого я ссылаюсь на предъявленное мною уже

ранее Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве»:

«...Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и наконец пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре...»

Я позволю себе специально обратить внимание Суда на то, что Киево-Печерская лавра – это один из древнейших архитектурных памятников Советского Союза, это особо охраняемая культурная ценность, близкая сердцу советских людей, ибо это вещественная память древности. Полицейский застеноч был устроен именно в Киево-Печерской лавре.

Я ссылаюсь на документ, предъявленный моим коллегой под № СССР-41, на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики:

«...В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирало 30–35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали...»

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР».

Перехожу к следующему разделу моего доклада.

Убийства заложников

Несколько вводных замечаний.

Одним из наиболее позорных преступлений гитлеровцев в Польше, Чехословакии и в Югославии является повсеместное насаждение немецкими фашистами звериной системы заложничества.

Система заложничества насаждалась гитлеровцами во всех странах, сделавшихся жертвами их агрессии. На востоке Европы формы, в которых немецкие преступники осуществляли убийства заложников, были особенно жестоки. Насаждая эту систему, гитлеровцы попирали все законы и обычаи войны.

Однако применительно к Советскому Союзу вообще трудно говорить об убийстве заложников, ибо преступления, повсеместно осуществляемые гитлеровцами на временно оккупированных территориях СССР, не могут быть вменены даже в рамки этой преступной системы заложничества. В значительной степени эти же замечания относятся к Польше, и в особенности к Югославии.

В этих странах гитлеровцы под видом заложничества совершали неизмеримо большие военные преступления, ставящие конечной целью истребление народов.

Прошу Суд обратиться к докладу правительства Чехословакии.

«Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности католических и протестантских священников, юристов, докторов, учителей и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». Вначале это были только угрозы. В 1940 г. Карл Франк заявил в речи к «вождям движения национального единства», что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

Некоторое время спустя после покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены. Типичным методом нацистского полицейского террора были угрозы репрессии против директоров заводов в том случае, если произойдет перебой в работе. Таким образом, в 1939 г. гестапо созвало директоров и заведующих складами различных промышленных фирм и заявило им, что они будут расстреляны в случае забастовки. Когда они уходили, то должны были подписать следующее заявление: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом школьные преподаватели ручались за лояльное поведение своих учеников. Многие учителя были арестованы только потому, что ученики их школы обвинялись в составлении антинемецких лозунгов или чтении запрещенных книг».

Перехожу к разделу, посвященному убийству заложников в Югославии.

Эти преступные убийства мирных людей в Югославии приобрели особое развитие. По существу, здесь уже нельзя говорить об убийстве заложников, хотя все официальные документы гитлеровцев, которые будут предъявлены далее Суду, употребляют этот термин.

По существу же, под видом убийств заложников гитлеровские преступники в громадных масштабах осуществляли режим террористического истребления мирных граждан не только за то, что кем-то сделано, но даже за то, что, по мнению гитлеровцев, могло быть сделано.

Убийство заложников было одним из тех средств, которые применялись военными органами и имперским правительством в невероятных масштабах для массового уничтожения югославского населения.

Югославская государственная комиссия по установлению военных преступлений располагает по этому вопросу бесчисленным количеством конкретных подробностей и подлинными доказательствами из германских архивов. Здесь мы предлагаем только ограниченное количество таких подробностей и доказательств, которых, однако, достаточно, чтобы представить убийство заложников как часть общего плана и систематичности нацистского преступления. Далее, в докладе правительства Югославии цитируется приказ коменданта так называемой группы «Запад» генерала Браунера. Приводится следующая цитата:

«В захваченных партизанами районах взятие заложников из всех слоев населения остается в силе как единственное средство запугивания, имеющее успех». <...>

Планомерное и систематическое убийство заложников видно из следующих данных, которые были собраны Югославской государственной комиссией по установлению военных преступлений на основании конфискованных германских архивов и найденных в них материалов. Эти данные относятся только к Сербии:

«3 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 450 заложников; 17 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 200 заложников; 27 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 50 заложников; 3 ноября 1941 г. в Белграде расстреляно 100 заложников». <...>

Можно согласиться, как кажется мне, с утверждением правительства Югославии, которое говорит далее, что такого рода цифры можно было бы представлять до бесконечности:

«Расстрел заложников, как правило, проводился варварским способом. Чаще всего жертв заставляли становиться группами друг за другом, ждать своей очереди и наблюдать за казнью предыдущих групп. Так они последовательно уничтожались».

...Я предъявляю трибуналу под № СССР-364 выдержку из сообщения № 6 Югославской государственной комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целле (Целли) на крючьях, на которых мясники вывешивают мясо. В Мариборе каждые 5 из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти 5 человек расстреливались и следующие 5 были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось беспрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текущей с грузовиков. Число в 50 тысяч убитых кажется слишком малым, так как каждый раз расстреливались многие сотни, в Грацце даже по 500 человек».

Я представляю Международному военному трибуналу доклад правительства Греческой Республики. Доклад этот заверен должным образом и подписан послом Греции в Великобритании, а также британским Министерством иностранных дел.

Война Греции была объявлена Германией 6 апреля 1941 г.

Уже 31 мая германский командующий в Афинах издал откровенно террористический приказ, направленный против мирного населения Греции.

Непосредственным поводом к изданию этого приказа послужило то, что 30 мая 1941 г. греческие патриоты сорвали свастику с Акрополя.

Я привожу извлечение из этого приказа командующего немецкими вооруженными силами в Греции, цитируя доклад правительства Греции:

«...За то, что в ночь с 30 на 31 мая немецкий военный флаг, развевавшийся над Акрополем, был сорван неизвестными лицами, виновные в совершении этого акта, а также их сообщники подлежат смертной казни...»

С этого времени в Греции устанавливается тот же режим немецко-фашистского террора, который характеризует действия гитлеровских преступников на всех оккупированных ими территориях.

В нарушение статьи 50 Гаагских правил они систематически наказывали невиновных, строго придерживаясь при этом принципа, что за действия, совершенные отдельными лицами, ответственность должно нести все население в целом.

Обрекая население на голодную смерть, они использовали это как средство для оказания давления, для ослабления сопротивления со стороны греческого народа... Очень немногие судились военным трибуналом, но и в тех случаях, когда такие суды назначались, они были какой-то пародией на суд. Они проводили политику репрессий, включая захват и убийство заложников, массовые убийства, разорение и опустошение деревень в качестве контрмер за действия, совершенные неизвестными лицами в окрестностях этих деревень.

Таким образом, подавляющее большинство тех, кто был казнен в качестве репрессий, были без разбора взяты из тюрем и лагерей, без какого-либо отношения к действиям, за которые они были казнены. Жизнь каждого гражданина зависела от произвольного решения местного командира. Мне кажется, что будет правильным считать одним из звеньев этого террористического режима немецких фашистов, установленного в Греции, умерщвление многих тысяч людей голодом. В докладе правительства Греции сказано следующее:

«Без сомнения, огромное большинство населения Греции в течение трех лет жило на грани голодной смерти. Тысячам людей Греции пришлось терпеть настоящий голод, пока они наконец получили помощь, доставленную по морю. Результатом явилось повышение смертности на 500–600 % в столице и на 800–1000 % на островах за период с октября 1941 года по апрель 1942 года, 25 % новорожденных детей погибло, причем здоровье выживших было значительно подорвано».

В докладе правительства Греции приводятся извлечения из отчета нейтральных миссий. Я приведу одно из этих извлечений:

«В течение зимы 1941–1942 г., когда в столице царил голод, условия в провинции были еще терпимыми. Но во время следующего года, когда свободный рынок поглотил все запасы Канады в помощь наиболее крупным городам, положение значительно изменилось. Во время наших первых поездок по расследованию общего положения в марте 1943 года мы знакомимся с людьми, которые, буквально плача, просили хлеба. Население многих деревень питалось только заменителем, приготовленным из муки диких груш и желудей, – пищей, пригодной для свиней. Во многих районах люди с декабря не видели хлеба. Нас приглашали в дома и показывали пустые полки и кладовые. Мы видели, как люди варили траву без масла и ели только для того, чтобы чем-нибудь наполнить себе желудок. Население наиболее бедных деревень было исключительно истощено. В особенности в жалком состоянии находились дети, с тощими конечностями и опухшими животами. Они были лишены присущей детям подвижности и жизнерадостности. То, что половина детей была не в состоянии ходить в школу, представляло собой весьма обычное явление». (Отчет шведской делегации в январе 1944 года.)

Расстрелы заложников приобрели в Греции с первых недель оккупации ее немецко-фашистскими вооруженными силами самое широкое распространение. Я цитирую по этому поводу доклад правительства Греции:

«Заложников брали без всякого разбора и из всех слоев населения. Политические деятели, профессора, ученые, адвокаты, офицеры, гражданские служащие, духовенство, рабочие, женщины – все были помещены под рубрику «подозрительные» или «коммунисты»

и заключались в местные тюрьмы или концлагеря. На допросах заключенных подвергали различного рода утонченным пыткам. Заложников концентрировали в местах заключения, где арестованным создавался совершенно невыносимый режим...»

В докладе приводятся итоговые цифры убитых заложников: «Около 91 тысячи заложников было расстреляно».

Сейчас я прошу Суд обратить внимание на документ, трактующий о колоссальных масштабах уничтожения советских людей на временно оккупированных районах Союза ССР. В подтверждение этого я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области. Я предъявляю этот документ под № СССР-45 и оглашаю заключение судебно-медицинской экспертизы трупов, извлеченных из мест захоронения немцами мирных советских граждан.

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

- а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада 49 000;
- б) в городе Ровно по Белой улице на огороде 32 500;
- в) в селе Сосенки 17 500;
- г) в карьерах у села Выдумка 3000;
- д) на территории тюрьмы города Ровно 500».

Я прошу Суд обратить внимание на то, что в последующем тексте содержатся указания на распределение определенных способов умерщвления людей, применяемых преступниками, по отдельным периодам времени. Так, массовые расстрелы, как видно из следующих далее пунктов «а», «б» и «в», относились к 1941, 1942 гг.

Умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в душегубках, как видно из пункта «г», относилось к 1943 г. Расстрелы с последующим сожжением трупов относились к 1943 г., и расстрелы в тюрьме относились к 1944 г.

...18 марта 1943 г. ровенская газета немецких оккупантов «Волынь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта 1943 г. пытались убежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полиции безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

В ноябре 1943 г. неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключенных, содержащихся в Ровенской тюрьме.

Я не буду приводить более примеров расстрела заключенных в тюрьмах, ибо в тех кинодокументах, которые будут предъявлены Суду, уважаемые судьи найдут ряд подобного рода преступлений гитлеровских захватчиков, совершенных на территории СССР.

Перехожу к следующему разделу своего доклада.

Уничтожение в виде репрессий населения деревень

В бесконечном ряду злодеяний германского фашизма есть такие, которые надолго, может быть навсегда, останутся в памяти негодующего человечества, хотя оно и узнало затем о неизмеримо больших преступлениях нацизма.

К числу таких преступлений нацистов относятся уничтожение ими маленькой чехословацкой деревни Лидице и зверская расправа с населением этой деревни.

Много раз еще в более жестоких формах судьба Лидице была повторена на территориях Советского Союза, Югославии, Польши. Но мир помнит Лидице и не забудет о ней. Эта маленькая деревня стала символом преступлений нацизма.

Уничтожение Лидице было произведено нацистами в виде репрессии за справедливое убийство патриотами протектора Чехии Гейдриха.

Главный обвинитель от СССР, говоря о Лидице, привел официальное сообщение немцев об этом акте террора из газеты «Дер нейес Таг» от 11 июня 1942 г.

Приведу очень краткие извлечения из доклада правительства Чехословацкой Республики:

«9 июня 1942 г. деревня Лидице была окружена по приказанию гестапо солдатами, прибывшими из местечка Слани в 10 больших грузовиках. Они разрешали всем входить в деревню, но никому не позволяли из нее выходить. Двенадцатилетний мальчик пытался бежать. Солдат застрелил его на месте. Одна женщина хотела скрыться – пуля в спину сразила ее, и ее труп был найден в поле после снятия урожая. Гестапо потащило женщин и детей в школу.

10 июня было последним днем Лидице и ее обитателей. Мужчины были заперты в погребе, гумне и конюшне фермы семьи Горак. Они предвидели свою участь и спокойно ожидали ее. Семидесятитрехлетний священник Штерибек поддерживал их молитвами...

Мужчины были выведены из фермы Горака в сад за гумном и расстреляны по десять человек. Убийства продолжались от утра до четырех часов дня. Затем палачи сфотографировались на месте казни у трупов...

Судьба мужского населения была ужасна: 172 взрослых мужчин и юношей от 16 лет были расстреляны 10 июня 1942 г., 19 человек, работавших в шахтах Кладно, были спустя некоторое время схвачены в шахтах или в ближайших лесах и расстреляны в Праге.

7 женщин из Лидице были расстреляны в Праге. Остальные 195 женщин были сосланы в концлагерь Равенсбрюка, 42 умерли от плохого обращения, 7 погибли в «душегубках», а 3 пропали без вести.

4 женщины из Лидице были отвезены в родильные дома в Праге, новорожденные дети были убиты, а женщины посланы в Равенсбрюк.

Дети из Лидице были отняты у матерей несколько дней спустя после разрушения деревни. 90 детей было послано в Лодзь, в Польшу, а оттуда в концлагерь Гнейзенау (так называемый Бартоланд). До сих пор не найдены следы этих людей. Семь самых младших (до года) были отвезены в немецкую детскую больницу в Праге и после осмотра «расовыми

экспертами» отосланы в Германию. Они должны были быть воспитаны как немцы и получили немецкие имена. Все следы их потеряны.

Два или три ребенка родились в концлагере Равенсбрюк. Они были убиты немедленно после рождения».

Много советских деревень повторили затем судьбу Лидице. Много мирных жителей этих деревень погибли в страданиях, еще более тяжких, сжигаемые заживо или сделавшиеся жертвами иных мучительных казней.

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалистической Республике. Из этого Сообщения я цитирую всего один абзац:

«3 июня 1944 г. в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни – 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и (я особенно подчеркиваю последнюю фразу) 69 детей».

Я представляю под № СССР-279 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и городе Ржеве Калининской области.

Я хотел бы шире цитировать это Сообщение, но ограничусь очень немногими местами, опять-таки в целях сокращения времени и избежания частностей:

«...В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Зайкова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других – всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

...При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей (там указаны далее названия деревень), закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек...

...В деревнях Куликово и Колесники Гжатского района фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика».

Я прошу принять документ, который привожу как доказательство за № СССР-119, это заверенный фотостат отчетов 15-го немецкого полицейского полка. Среди этих документов мы находим «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г.».

Из этого документа с бесспорностью устанавливается, что под видом борьбы с партизанами гитлеровские преступники безжалостно уничтожали мирное население советских деревень:

«1. Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка.

2. Силы: 2 взвода полицейских, 1 жандармский взвод (мотор 16) и 1 танковый взвод (я подчеркиваю, господа судьи, что в составе этой экспедиции находился танковый взвод) из Березы-Картуской».

Против кого же применялись эти танковые силы и полиция?

Ответ на это находим в следующем разделе этого отчета:

«3. Исполнение: Рота собралась вечером 22 сентября в Дывине. В ночь с 22 на 23 сентября 1942 г. последовал марш из Дывина по направлению к Борисовке. К четырем часам утра деревня была окружена с севера и с юга двумя взводами. С рассветом староста в Борисовке собрал все население. После проверки населения, при содействии полиции безопасности и СД из Дывина, 5 семейств были переселены в Дывин. Остальные были расстреляны особо выделенной командой, похоронены в 500 метрах северо-восточнее Борисовки. Всего было расстреляно 169 человек, из них 49 мужчин, 97 женщин и 23 ребенка».

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Документ под № СССР-2.

До сих пор я приводил доказательства того, что в селах немцы производили преступное уничтожение советского населения путем сожжения заживо. В этом Сообщении мы находим подтверждение того, что заживо сжигались люди и в городах:

«...В городе Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 г. специальная комиссия... произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп».

С первых же дней войны против СССР немецко-фашистский террор в отношении мирного населения принял чудовищные формы. Это отмечали в своих сообщениях даже некоторые немецкие офицеры, участники Первой мировой войны, подчеркивавшие, что даже при жестокости той войны они тем не менее не встречали ничего подобного.

Я вновь обращаюсь к немецкому документу и предъявляю Суду за № СССР-293 заверенные фотостаты донесения бывшего командира 528-го полка майора Рэслера и отношения начальника 9-го армейского округа Ширвиндта. Так как документ достаточно интересен, я позволю себе его огласить почти целиком:

«Кассель, 3 января 1942 г.

Донесение

Порученное мне 52-м запасным полком дело «Поведение по отношению к гражданскому населению на Востоке» дает мне повод доложить следующее:

В конце июля 1941 года 528-й пехотный полк, которым я в то время командовал, находился в пути с Запада на Житомир, где должен был расквартироваться на отдых. Когда я вместе со своим штабом в день расквартирования пришел в распоряжение своего штаба, то мы услышали недалеко от нас винтовочные залпы, следовавшие один за другим через

определенные интервалы, а через некоторое время вслед за этим раздались выстрелы из пистолетов. Я решил узнать, в чем дело, и отправился на поиски вместе с адъютантом и офицером-ординарцем (обер-лейтенантом Бассевицем и лейтенантом Мюллер-Бродманом) в направлении выстрелов. Вскоре мы почувствовали, что здесь должно было происходить что-то ужасное, так как через некоторое время мы увидели множество солдат и лиц из гражданского населения, устремившихся по железнодорожной насыпи, за которой, как нам сказали, происходили массовые расстрелы. Сначала мы долгое время не могли попасть по ту сторону насыпи, однако мы слышали через какой-то определенный промежуток времени свисток, а вслед за этим около 10 винтовочных залпов, чередовавшихся с пистолетными выстрелами. Когда мы наконец вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная, душераздирающая картина. В углу была вырыта яма, около 7–8 метров длиной и 4 метров шириной, а на одном краю ямы лежала пластами земля. Эта земля и вся стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Вся яма была заполнена человеческими трупами мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За насыпанным валом стояла команда полиции под руководством полицейского офицера. На форме полицейских были следы крови. Кругом стояло множество солдат только что расквартированных частей; некоторые из них были в трусах, как зрители, там же было много гражданского населения – женщин и детей. Картина была насколько страшной, что я не могу ее до сих пор забыть. Особенно врезалась в память сцена, как в этой могиле лежал какой-то старый человек с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как этот человек, судя по прерывистому дыханию, еще был жив, я приказал одному из полицейских убить его, на что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже семь раз выстрелил в живот, он уже теперь сам должен подохнуть». Убитые в могиле лежали не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок из винтовки, а потом в яме добивались выстрелами из пистолетов.

Я не видел ничего подобного ни в мировую войну, ни в русскую, ни во французскую кампанию этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1939 году, но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного...

Я хочу добавить, что, по рассказам солдат, которые часто видели подобные сцены, видимо, таким способом ежедневно убивалось несколько сот человек.

Рэслер».

Характерно также отношение заместителя командующего 9-м армейским корпусом и начальника 9-го военного округа, который отправил донесение Рэслера начальнику вооружения и комплектования армии в Берлин:

«Содержание: Зверства над гражданским населением на Востоке.

В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены.

При сем препровождаю донесение майора Рэслера, которое полностью подтверждает эти слухи».

И очень характерна последняя фраза:

«Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению.

Ширвиндт».

Я представляю Суду документ под № СССР-297. Это заверенный фотостат одного из отношений начальника полиции безопасности и СД, запрещающих фотографирование массовых казней, которые назывались экзекуциями.

«Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 г. за № 1481 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив...

Руководитель оперативной группы и зондеркоманды или командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались в руках отдельных лиц оперативной службы».

Считаю, что предъявлены достаточные доказательства того, что самое высшее полицейское начальство было обеспокоено тем, что частые съемки немецко-фашистскими преступниками экзекуций или массовых казней создают доказательства этих преступлений.

Разрешите мне перейти ко второму разделу, озаглавленному «Массовое уничтожение немецкими фашистами советских граждан и граждан Польши, Югославии, Чехословакии».

Массовые уничтожения мирных жителей Советского Союза и стран Восточной Европы осуществлялись немецко-фашистскими преступниками повсеместно и, как видно из их официальных распоряжений и донесений об исполнении казней, проводились в целях:

1. Физического устранения тех слоев населения, которых они считали способными к сопротивлению.
2. По расовым мотивам для осуществления положений человеконенавистнической расовой теории.
3. В виде репрессий.
4. Якобы «для борьбы с партизанами», которых немецкие фашисты изловить и уничтожить не могли, а поэтому обрушивали тяжесть репрессий на мирное население.

Особо жестокими в системе гитлеровского террора были казни детей. Применение особо мучительных способов умерщвления детей является одной из основных и наиболее отвратительных особенностей гитлеровского террористического режима на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Начиная от Гиммлера до Кейтеля гитлеровцы неизменно предписывали подчиненным бесчеловечные, бессмысленные по жестокости убийства детей.

Гиммлер говорил:

«Если кто-либо придет ко мне и скажет: «Я не могу строить противотанковые рвы с детьми или женщинами. Это бесчеловечно, ибо они умрут», – то я скажу: «Ты убийца своей крови».

Многочисленными расследованиями немецко-фашистских зверств в Советском Союзе с бесспорностью установлено, что при массовых расстрелах многих детей бросали в ямы живыми.

В подтверждение этого я обращаюсь к официальным документам.

Я прошу Суд обратить внимание на документ под № СССР-46. Это Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области.

«...Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьмах совершались так: мужчины ставились лицом к стенке, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

Далее ссылаюсь на документ под № СССР-1. Это Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае.

«...При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги... была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп четырехмесячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребенок был брошен в овраг живым и погиб от удушения... При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний...»

Позволю сослаться далее на приговор военного трибунала 1-го Украинского фронта, предъявленный ранее мною Суду за № СССР-32.

Я ссылаюсь на показания свидетеля Беспалова.

Беспалов показывает: «С конца июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10–12 грузовых автомашинах до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе метались из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, среди которых были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам.

В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

Документ под № СССР-9 представляет собой Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по городу Киеву:

«...Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 г. на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями... «Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей...»

Таким образом, это были не отдельные случаи, а система. Насаждая бесчеловечный террор по отношению к детям, главари германского фашизма понимали, что эта форма устрашения будет особенно ужасна для оставшихся в живых. Сострадание к слабым и беззащитным является неотъемлемым свойством человечности. Умерщвляя особенно жестокими способами детей, немецко-фашистские злодеи показывали мирному населению, что нет преступлений, перед которыми остановились бы они при «замирении» оккупированных районов.

Дети не просто разделяли участь своих родителей. Зачастую массовые так называемые акции немцев обрушивались непосредственно на них. При этом детей насильственно отделяли от родных, сосредоточивали в одном месте, а затем умерщвляли.

Я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецких заговорщиков в Латвии:

«...В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2 тысяч детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере – более 3 тысяч детей».

Какими жестокими способами немцы отбирали детей у заключенных в тюрьмы, лагеря или гетто родителей (обычно это предшествовало умерщвлению детей), Суду будет видно из Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литве (документ под № СССР-7):

«...В начале 1944 г. немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас Владислав Блюм показал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: «Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!», «Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична».

Я ссылаюсь далее на предъявленный Суду документ под № СССР-63-4. Это акт об издевательствах и о расстреле детей Домачевского детского дома в Брестской области БССР:

«По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей заведующей детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребенка Ренклах Лену, 12 лет. После того как Павлюк отказалась отравить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 г. 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взяты родственниками».

Вот дальнейшая судьба этих детей: «23 сентября 1942 г. к 7 часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с шестью вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев, Макс, объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины.

В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахматова Тося, 9 лет, слезла с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница Грохольская были вывезены в направлении ст. Дубица, в 1,5 километра от деревни Леплевка. На пограничной дерево-земляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево, и расстреляны».

Материалами расследований установлено, что при массовых казнях детей разрывали надвое и бросали в огонь.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на показания свидетеля Хамайдаса – уроженца села Лисинчи Львовской области, заключенного немцами в Яновский лагерь во Львове.

Хамайдас занимался в этом лагере тем, что по приказу немецких преступников сжигал трупы расстрелянных. Одновременно он был очевидцем массовых расстрелов мирного населения – мужчин, женщин и детей. Показания Хамайдаса, наряду с другими документами по Львовским лагерям, уже предъявлены Суду под № СССР-6:

«Я был очевидцем таких фактов, когда палач брал детей за ноги, разрывал живьем и бросал в огонь».

Расстреливая родителей, немецко-фашистские убийцы не считали нужным тратить патроны на детей. Если они не бросали детей живыми в ямы-могилы, то умерщвляли их ударами тяжелых предметов или ударами о землю.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на предъявленный уже Суду под № СССР-6 в числе других документов акт судебно-медицинской экспертизы, которая была проведена по эксгумации трупов в Яновском лагере. Из выводов я цитирую всего две строки:

«На детей палачи не считали нужным тратить боеприпасы, они просто уничтожали их ударами по голове тупым предметом».

Я прошу разрешения Суда огласить второй абзац из ноты народного комиссара иностранных дел Союза ССР от 27 апреля 1942 г.:

«Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей – жертв гитлеровского

террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице города Москвы, имеется, например, четырнадцатилетний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к стулу. У двенадцатилетнего Вани Крюкова из деревни Крюково Курской области немцы отрубили кисти обеих рук и, истекающего кровью, погнали в сторону расположения советских войск».

Детей травили окисью углерода в немецких машинах-«душегубках».

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае:

«...Установлено, что в декабре 1942 г. по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжело больных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, – это были дети, которые не могли двигаться, и поэтому их не загоняли в машину, а укладывали ярусами, – затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Детей топили в открытом море.

В подтверждение этого я ссылаюсь на документ под № СССР-63 – «Акт о злодеяниях немцев в Севастополе»:

«Гитлеровцы, наряду с массовыми расстрелами, практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2–19 МКА (Морская транспортная рота) показал:

«Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли.

Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт».

Огонь тяжелых артиллерийских батарей немецко-фашистские преступники сознательно обрушивали на школы, детские ясли, больницы и другие детские учреждения блокированного ими Ленинграда. Я представляю трибуналу итоговый доклад Ленинградской комиссии по расследованию немецких злодеяний под № СССР-85. Я лишь обращаю внимание Суда на перечень объектов, подвергавшихся немецкому обстрелу, о чем свидетельствуют журналы боевых действий самих немцев. Вот

некоторые из этих объектов: № 736 – школа в Бабуринском переулке, № 708 – Институт охраны материнства и младенчества, № 192 – Дворец пионеров.

Я привожу далее небольшой отрывок из показаний директора школы № 218 по улице Рубинштейна, 13. Он сообщает:

«18 мая 1942 г. школа № 218 пострадала от артиллерийского обстрела... Двенадцатилетний мальчик Леня Изаров убит. Маленькая девочка Дора Бинамова побледнела, стонет от боли: «Мамочка, как же я буду без ножки», – говорит она. Генделев Лева истекает кровью. Ему оказывают помощь, но она уже не нужна. Со словами «проклятый Гитлер» он умирает на руках у своей матери. Тяжело раненный Кутарев Женя просит не расстраивать отца, у которого больное сердце. Преподаватели школы и старшие школьники оказывают помощь пострадавшим».

Предъявляю трибуналу под № СССР-8 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о чудовищных преступлениях Германского правительства в Освенциме. Я цитирую несколько кратких извлечений из раздела, озаглавленного «Убийцы детей»:

«Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут из города Дюссельдорфа (Германия) показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Прошу обратить внимание на фотодокументы по Освенциму. Там засняты двенадцатилетний мальчик Цимлих и тринадцатилетний мальчик Мангель. Суд может увидеть, каковы были телесные повреждения, полученные этими детьми от обмороживания. Продолжаю:

«Девятилетний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

...Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет – 52 человека, от 8 до 15 – 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49

детей – алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.».

Я предъявляю далее Суду документ под № СССР-92. Это директива управления питанием и сельским хозяйством, озаглавленная «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности». Документ я привожу в подтверждение того, что в злобной ненависти к славянским народам немецко-фашистские преступники стремились умертвить детей еще в утробе матери:

«За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости среди женщин не немецкой национальности. Вследствие этого возникают трудности не только при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе».

Обращаю особое внимание на последнюю фразу: «Эти учреждения должны попытаться заставить женщин избавиться от детей оперативным путем».

Анализ материалов, связанных с гитлеровским террором в странах Восточной Европы, свидетельствует о том, что преступления, совершенные гитлеровцами в отношении детей, навсегда останутся позорнейшей страницей истории немецкого фашизма.

В первой части раздела моего доклада, посвященной массовым акциям немцев, я говорил специально об уничтожении детей, о тех зверских приемах, которые были применены немцами для этого, ибо террор в отношении детей, наиболее зверские и жестокие формы этого террора являются одной из характернейших черт немецко-фашистского террора. <...>

Перехожу к представлению доказательств о массовом уничтожении немцами мирных граждан Советского Союза.

Об обстоятельствах массовых казней мы можем судить не только по показаниям очевидцев или исполнителей злодеяний. Частично мы можем судить о них также по материалам судебно-медицинских экспертиз. Я говорю «частично», так как, начиная с 1943 года, боясь возмездия за совершенные злодеяния, гитлеровцы стали уничтожать следы преступлений, выкапывая и сжигая трупы, размалывая кости, разбрасывая по полям пепел сожженных и употребляя шлак, образовавшийся от сожжения тел, и костяную муку на засыпку дорог и удобрение полей.

Но, несмотря на усилия преступников скрыть следы преступлений, было невозможно уничтожить все трупы умерщвленных ими людей.

Первые массовые акции немцев в Советском Союзе, когда были казнены одновременно десятки тысяч мирных невинных людей, – это акции в Киеве. Для того чтобы уяснить объем этих злодеяний, я прошу уважаемых судей обратиться к Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии, уже предъявленному Суду под № СССР-9:

«...В Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру – свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.
2. В Дарнице – свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.
3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря – свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы – 800 душевнобольных.
5. На территории Киево-Печерской лавры – около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище – 400 мирных граждан... В 1943 г., чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС Топайде, сотрудник жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, П. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 г., показали: «В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова – слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500–3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12–15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега – 29 сентября – было сожжено примерно 70 тысяч трупов».

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской ССР. В том месте, на которое я обращаю внимание Суда, указано, что гитлеровцы систематически производили расстрелы в Бикернекском лесу:

«В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульnek М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед Пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день Пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные – женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств – у многих на лицах кровавые подтеки, на головах ссадины,

у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы...» ...На месте расстрелов Комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5–7 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20-х числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые беженцы, их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй!» Пули убийц прерывали крики».

Обращаю внимание Суда, что в этом лесу было расстреляно 38 тысяч жителей. Я прошу далее членов Суда обратиться к предъявленному уже ранее Суду под № СССР-47 Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области. Я привожу две выдержки из этого Сообщения:

«21 декабря 1941 г. румынские жандармы приступили к расстрелу заключенных в лагере. Заключенные выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки...

...По предварительным данным, установленным Комиссией, немецкие оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесской области до 200 тысяч человек...»

В подтверждение того, что при массовых казнях, так называемых акциях, немецкие преступники зарывали в землю живых людей, я предъявляю Суду под № СССР-37 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии от 24 июня 1943 г.:

«...При раскопке ямы на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района, среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка. Все расстрелянные были без обуви, а некоторые без одежды...

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными, и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы...»

Суду уже был предъявлен под № СССР-48 акт судебно-медицинской экспертизы, произведенной в городе Смоленске при участии члена Чрезвычайной государственной комиссии, видного советского врача, академика Бурденко, президента Академии медицинских наук... Эксперты описывают здесь типичный вид места захоронения жертв немецкого террора 1941 г. и начала 1942 г.:

«Ямы, из которых эксгумировались трупы, не представляли собой братских могил. Трупы в них не располагались в один ряд и не лежали один возле другого, а представляли собой многослойную, компактную массу беспорядочно сцепившихся между собой мужских и женских тел. В этой массе то распластанных, то согнутых или полусогнутых трупов, лежащих ничком, на боку, навзничь, стоящих на коленях, стоящих то вверх, то вниз головой, с переплетающимися руками и ногами, было невозможно определить контуры каждого отдельного трупа до его извлечения из ямы».

Однако такое хаотическое нагромождение мертвых тел констатируется в большинстве случаев лишь при эксгумации из мест захоронения жертв первых массовых расстрелов, относящихся к 1941 г. и началу 1942 г. В последующем при эксгумации судебные медики находили правильные многослойные ряды трупов. Типичный вид такого захоронения жертв уважаемые судьи могут найти в альбоме, посвященном Львовскому лагерю.

Цитирую Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области:

«...Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: «Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан: украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землей».

Насколько широко был распространен этот подлый и жестокий прием массовых убийств, покажет короткое извлечение, касающееся расстрелов, произведенных в Майданеке. Я цитирую Советско-Польское коммюнике, предъявленное ранее Суду под № СССР-29:

«...3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8400 человек, а 10 тысяч человек было пригнано из города и из других лагерей... Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И до тех пор, пока рвы не заполнялись...»

Я специально занимался вопросом о том, к какому времени относится первое практическое применение преступниками этого жестокого приема. Советские материалы свидетельствуют о том, что это относится ко второй половине 1942 г. Но вообще можно сказать, что такие же методы расстрелов применялись полицейскими частями немцев в Польше и в 1939 г.

Я предъявляю Суду документ, который получен нашей делегацией от британского обвинения. Это – фотостат, подлинник хранится в архивах британской делегации. Это – немецкое дознание, изъятое из архива адъютанта Гитлера. Немецкие штабные врачи считали нужным донести об этих расстрелах Гитлеру, так как «благодаря расстрелам, которые

происходили публично, неприятельская пропаганда может получить материалы...».

Из этой переписки я привожу короткое извлечение из протокола допроса некоего ефрейтора Пауля Ключе. Пауль Ключе в числе санитаров части находился в городе Швец. Он услышал, что в воскресенье на еврейском кладбище происходят расстрелы поляков, и из любопытства решил посетить место расстрела.

«Мы решили уже, – показывает Ключе, – что сделались жертвами глупых слухов, и направились обратно в казармы, когда большой омнибус, полный женщинами и детьми, въехал на кладбище. Мы вернулись обратно на кладбище. Затем мы увидели, как из омнибуса одна партия, состоящая из одной женщины и трех детей в возрасте от 3 до 8 лет, была приведена к выкопанной ранее могиле размером 2 метра в ширину и 8 метров в длину. Женщина должна была опуститься в могилу и нести на руках с собой младшего ребенка. Двое мужчин из карательной экспедиции передали ей двух других детей. Женщина должна была лечь лицом к земле в могиле, и ее трое детей поместились таким же образом по ее левую сторону. После этого четверо из отряда сошли также в могилу и направили свои винтовки так, что отверстие дула находилось приблизительно в 30 сантиметрах от затылка, и таким способом расстреляли женщину и ее трех детей.

Затем старший отряда потребовал, чтобы я помог засыпать трупы. Я исполнил это приказание и затем, уже находясь совсем близко, мог видеть, как следующие партии женщин и детей были расстреливаемы таким же образом, как была расстреляна первая партия. Всего было 9–10 партий детей и женщин, которых расстреливали каждый раз по четверо в той же могиле».

Таким образом, вот к каким далеким временам относятся эти жестокие приемы массовых расстрелов.

Гитлеровские преступники, начиная с 1943 г., стали применять различные меры для сокрытия следов преступлений и, в частности, сжигать трупы. Документально установлено, что гитлеровцы заставляли свои жертвы сначала заготавливать дрова и бревна, затем ложиться на эти бревна и таким образом расстреливали первый ряд обреченных. Следующая партия обреченных на смерть людей вновь приносила бревна, клала их на первый ряд мертвецов, ложилась затем на эти бревна сама и только после этого подвергалась казни.

Я прошу уважаемых судей обратиться к альбому документов по лагерю Освенцим, где приведены также снимки по лагерю Клога. Вы найдете там типичный вид подобного рода жестоких приемов расстрела. Для подтверждения этого я обращаюсь к документу под № СССР-39:

«...19 сентября 1944 г. немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтер-шарфюрер лагеря Шварце и начальник концлагеря гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы – из полицейских команд СД – силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на

кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 г. было уничтожено около 2 тысяч человек». <...>

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств существования специальных пунктов массовых расстрелов, где количество уничтоженных исчисляется сотнями тысяч человек и куда предназначенные для уничтожения люди свозились не только из районов данной местности, но и из ряда стран Европы.

В кратких извлечениях предъявляю Суду доказательства существования других таких пунктов и одного из наиболее зловещих, а именно пункта массовых расстрелов местечка Панеряй (Понары), (в 8 км от Вильнюса), получившего зловещую славу форта № 9, или «Форта смерти», в Каунасе.

Я цитирую предъявленное уже ранее Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литве.

Пункт массовых расстрелов в местечке Понары был организован в июле 1941 г. и действовал до июля 1944 г.:

«В декабре 1943 года, – сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, – нас заставили выкапывать и сжигать трупы... Таким образом, на каждый костер мы укладывали около 3 тысяч трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 г. до июня 1944 г. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком...

«Исследованные трупы, – говорится в заключении судебно-медицинской экспертной комиссии, – относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были врачи, инженеры, студенты, шоферы, слесари, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие...

...Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек...»

А вот другие факты.

Форт № 9 жители Каунаса называли «Фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри него имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров у западной стены форта. В течение июля

– августа 1941 г. было открыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание...

...В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта № 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 г. началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все 4 тысячи человек иностранцев были расстреляны, 15 декабря 1941 г. прибыла еще одна группа численностью около 3 тысяч человек, которая также была уничтожена».

Комиссия по расследованию установила, что гитлеровцы уничтожили в форте более 70 тысяч мирных жителей.

В ряде случаев для массового умерщвления мирных жителей Советского Союза немецкие фашисты прибегали к приемам, полным жестокого коварства. Для подтверждения этих приемов ссылаюсь на уже предъявленное мною Суду за № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по Ставропольскому краю:

«...Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с. г. по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана с целью отравления советских людей немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт оказался метиловым, а «сода» щавелевой кислотой. Произошло массовое отравление жителей города...»

В ряду злодеяний немецких фашистов, совершенных на территории СССР, особое место занимает террор, который они проводили в отношении мирного населения Ленинграда.

Я приведу только общие данные, касающиеся немецких разрушений и злодеяний в Ленинграде:

«...За 900 дней беспримерной осады Ленинграда, за время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики чинили бесчисленные злодеяния и зверства над мирным населением.

Немцы сбросили на Ленинград 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Каждый ленинградец ежеминутно в течение всех 900 дней осады был как бы на поле боя, ежеминутно ему угрожала гибель или опасность быть искалеченным на всю жизнь. От бомбежек и артиллерийского обстрела убито 16 747 и ранено 33 782 человека...»

Прошу судей обратить внимание на выписку из дневников немецких артиллеристов, обстреливавших Ленинград. Это крайне циничные и жестокие записи.

Ограничиваю дальнейшую цитату лишь оглашением цифр о людях, погибших в Ленинграде от голода зимой 1941/42 г.: «В результате голодной блокады в городе Ленинграде погибло 632 253 человека».

Перехожу к предъявлению доказательств, связанных с применением немецко-фашистскими преступниками специальных машин для умерщвления людей отработанными парами бензина – «зондермашин», «газвагенов», или «душегубок», как их правильно называли советские люди.

Самый факт применения этих машин для массового умерщвления людей является тягчайшим обвинением руководителей германского фашизма. Специальные устройства для массового уничтожения людей в закрытых герметических автомашинах, выхлопные трубы двигателей которых соединялись с кузовами при помощи особых подвижных шлангов, были применены гитлеровцами впервые в СССР в 1942 г.

Я напоминаю уважаемому Суду, что впервые упоминание о «душегубках» мы находим в предъявленном уже мной трибуналу акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Керчи (документ под № СССР-63); это относится к весне 1942 г.

Я напоминаю трибуналу включенную в акт выдержку из показаний свидетельницы Дарьи Демченко, которая видела, как из двух «душегубок» немецкие военнослужащие в Керчи выбрасывали трупы умерщвленных в противотанковый ров...

Однако с бесспорной очевидностью явствует, что массовое умерщвление людей «душегубками» впервые было установлено Чрезвычайной государственной комиссией в Ставропольском крае. Это видно из документа под № СССР-1.

Расследование злодеяний немецких фашистов в Ставропольском крае проходило под руководством ныне покойного выдающегося русского писателя, члена Чрезвычайной государственной комиссии, академика Алексея Николаевича Толстого. Организовано было весьма тщательное расследование с привлечением к нему крупных специалистов, судебных медиков, ибо мышление человеческое, ставящее определенные логические границы преступлениям, с трудом воспринимало тогда существование этих машин.

Однако в результате следствия и показаний очевидцев о «душегубках» совершенные с их помощью немецкими фашистами массовые мучительные убийства мирных людей были полностью подтверждены.

В Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по Ставропольскому краю содержится первое подробное описание устройства «душегубок»:

«...Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путем отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках». Военнопленный Фенихель Е. М. сообщил: «Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения –

уничтожения людей отработанным газом. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство ее было таково: кузов длиной примерно 5 метров, шириной – 2,5 метра, высота кузова также примерно 2,5 метра. Кузов имел форму вагона без окон, внутри обит оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решетки; дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины под решеткой находились две металлические трубы... Трубы эти между собой были соединены поперечной такого же диаметра трубой... Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующей резьбе на конечности выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу, и при работающем моторе весь отработанный газ идет во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70–80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки «Зауэр»...

В Минске убийцами принцип «душегубки» был применен для устройства стационарных газовых камер, которые устраивались преступниками в обычных банях. Об этом также сказано в этом Сообщении Чрезвычайной комиссии.

Ссылаюсь на приговор военного трибунала Смоленского военного округа от 15–19 декабря 1945 г. Там сказано о том, что в Смоленске немцы практиковали также удушение советских людей окисью углерода в специальных газовых автомашинах, так называемых «душегубках». Мне кажется, что не случайно «душегубки» появились на территории СССР именно в 1942 г. В то время главные преступники еще были уверены в победе и приступили к практическому осуществлению созданных ранее планов истребления народов Европы. Они не боялись тогда ответственности за преступления. Вот почему в 1942 г. появляются новые звенья в длинной цепи преступлений руководителей германского фашизма. Фашистская техника обезлюдивания вновь пришла в действие. Она создавала «душегубки», газовые камеры концентрационных лагерей, специальные электрические устройства для единовременного массового умерщвления обреченных, печи крематориев и банки с «циклоном».

Я перехожу к представлению доказательств последующего раздела моего доклада – «Концентрационные лагеря для мирного населения».

Я прошу разрешения трибунала привлечь внимание к тому, что конец 1941 года и весь 1942 г. были временем громадного увеличения объема злодеяний немецко-фашистских захватчиков, содеянных ими в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь, в частности, для подтверждения этого на доклад Польского правительства, в котором содержится свидетельство тому, что в 1942 г. было начато ускоренное строительство одного из самых страшных лагерей уничтожения – Треблинского лагеря № 2. Немцы называли его «Треблинка-Б». Я ссылаюсь далее на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по Освенциму:

«...В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая баня особого назначения, то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года».

Привлекаю внимание уважаемого Суда к следующей фразе: «Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать».

Из доклада Польского правительства видно, что лагерь Собибор был основан еще в первый и второй периоды ликвидации еврейских гетто. Но главная волна зверств прошла по этому лагерю в начале 1943 г. В этом же докладе мы можем найти упоминание о том, что лагерь в Бельчице был устроен в 1940 г., но именно в 1942 г. здесь были устроены особые электрические устройства для массового умерщвления людей. Под предлогом того, что их ведут купаться, обреченных заставляли раздеваться, затем их вели в здание, где пол был особым образом наэлектризован, и там их убивали.

Обычно концентрационные лагеря германского фашизма принято делить на две группы: на «рабочие» концентрационные лагеря и «лагеря уничтожения». Мне кажется, что деление это является неверным, ибо «рабочие» лагеря также служили целям умерщвления людей. <...>

Я прошу разрешения Суда обратиться к представлению доказательств по лагерю, который возник в последнюю стадию войны.

Дело в том, что в Майданеке и Освенциме умерщвляли только тех людей, которые туда попадали. Фактом своего существования они не представляли прямой угрозы для тех людей, которые находились за стенами лагеря. Но в ходе войны, уже понеся тяжкие поражения, германский фашизм начал практиковать новые зверские формы уничтожения мирного населения. Так были созданы в Белоруссии лагеря смерти не только для умерщвления людей, находившихся в самом лагере, но прежде всего для распространения среди мирного населения и в рядах Красной армии тягчайших инфекций. В этих лагерях не было крематориев и газовых камер. Но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществление его плана истребления народов.

Я представляю Суду документ под № СССР-4 – Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения их сыпным тифом:

«...19 марта 1944 г. наступающие части Красной армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков...

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было».

Я обращаю внимание уважаемых судей на то, что это было в марте в Белоруссии, в полосу очень больших морозов.

«Заклученные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заклученным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из этих лагерей детей до тринадцатилетнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин – 13 072 и стариков – 4448...»

Освобожденная из лагеря Л. Пекорская сообщила комиссии:

«12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба – немцы застрелили их».

Немцы умышленно концентрировали в этих лагерях больных сыпным тифом.

«...Освобожденная из лагеря Митрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение трех суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заклученные в лагере, заболевали...»

...Командование германской армии специально посылало в лагерь у переднего края обороны своих агентов, которым вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной армии».

Завершая представление доказательств по этому разделу, я привожу лишь некоторые выдержки из заключения экспертов-эпидемиологов:

«...а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан...;

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие...;

в) в тех случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагерь, немецкие власти применяли насилие...;

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях...».

И последний пункт:

«д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта». Это приводило к массовому заражению людей, находившихся в лагерях, свидетельство чему члены Суда могут найти в следующих абзацах, где сказано, что командование частей Красной армии госпитализировало 4052 советских гражданина, освобожденных только в одном местечке Озаричи Полесской области, из них детей в возрасте до 13 лет – 2370 человек.

Перехожу к концлагерям «обычного типа».

Привожу очень короткие извлечения из доклада правительства Югославии, касающиеся лагеря Баньница у Белграда, из которых видно, что югославский лагерь по условиям зверского режима для заключенных был совершенно сходен с лагерями в других странах Восточной Европы:

«Итак, лагерь Баньница у Белграда. Этот лагерь германские оккупационные власти основали еще в июне 1941 года. Из захваченных документов этого лагеря видно, что в нем было зарегистрировано 23 637 заключенных. Однако из показаний выживших свидетелей можно было установить, что через лагерь прошло значительно большее число жертв».

Свидетель Мончило Демьянович в конце 1943 г. принимал участие в сожжении трупов жертв лагеря Баньница.

На допросе 7 февраля 1945 г. он заявил Югославской государственной комиссии, что за время своей работы он насчитал 68 тысяч трупов.

Я предъявляю Суду под № СССР-193 выдержку из регистра лазарета лагеря «Сай-миште» у Белграда.

В докладе Югославского правительства справедливо указывается на то, что подобного рода «лазарет» больше напоминал лагерную часовню, куда доставлялись умерщвленные люди для совершения погребальной мессы.

В некоторые дни, – я прошу Суд обратиться к записи под порядковым № 1070, – в лазарет доставлялись десятки и даже сотни трупов людей, умерших от голода. Так, например, под порядковой записью 1070 значится, что в лазарет доставлено было 87 трупов, под порядковым № 1272 значится: в лазарет доставлено 122 трупа, под порядковым № 2041 – в лазарет доставлено 112 трупов.

Я считаю, что эти цифры не нуждаются в комментариях для определения режима содержания заключенных в этом лагере.

Бесчеловечны были условия содержания для заключенных во всех лагерях, размещенных на территории временно оккупированных районов Советского Союза. Я привожу краткие извлечения из Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по Литовской ССР:

«На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (вы увидите этот лагерь

в тех кинодокументах, которые сегодня будут предъявлены Суду)... с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек...

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей...»

Для семей военнослужащих Красной армии на территории Литовской ССР немцами создавались специальные концлагеря, причем в этих лагерях был вывешен следующий приказ:

«За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию».

«Начальник четырех таких лагерей – немка Елизавета Зеелинг – неоднократно заявляла заключенным: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу». <...>

Привожу далее цитату из Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях в Эстонской ССР. Эта часть свидетельствует о крайне жестоком режиме в концлагерях Эстонии:

«Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2–3 часа к столбу. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Залкинсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И. М. показал:

«В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены».

Перехожу к представлению доказательств по лагерям уничтожения, так называемым фернихтунгслагер. Туда свозились люди и из Западной Европы, и из стран Восточной Европы.

Для уничтожения людей в концлагерях служила специальная техника, и здесь я задержу внимание судей на одном новом моменте, специально мною исследованном при анализе материалов о концлагерях. Я задался целью выяснить, сколько специальных фирм в немецко-фашистском государстве занималось строительством крематориев для концлагерей.

В фашистской Германии было минимум три специальных фирмы, занятых только конструированием крематориев и строительством кремационных установок. Это свидетельствует о масштабе преступлений в концлагерях.

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Освенциме:

«...Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина

нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующее письмо:

И. А. Топф и сыновья. Эрфурт, 12 февраля 1943 г. Центральному строительству СС и полиции Аушвиц (Освенцим). Касается: крематория 2-го и 3-го лагеря военнопленных. Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособления для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья».

Представляю Суду за № СССР-64 документ, приложенный к докладу правительства Югославии. Это заверенный фотостат документа фирмы. Это фирма Дидье. Переписка касается строительства крематория, «рассчитанного на крупный лагерь» в Белграде. В предъявляемом мною документе фирма Дидье рекомендовала себя как имеющую специальный опыт по строительству кремационных установок для концлагерей и понимающую требования клиентуры. Для доставки трупов в печи фирма разработала особую конструкцию конвейера из двухколесных валов. Она считала, что может выполнить этот заказ лучше, чем какая-либо другая фирма, и запрашивала небольшой аванс на составление сметы по строительству лагерного крематория.

Перехожу к оглашению кратких извлечений из этого документа:

«...Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку...

Для доставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота – 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим вам чертежи этих тележек».

Предъявляю Суду документ под № СССР-225.

Документ, посвященный строительству тех же кремационных печей для концлагеря в Белграде. Это переписка фирмы Кори – общества с ограниченной ответственностью... Фирма, между прочим, упоминала, что уже построила четыре печи для Дахау и пять печей для Люблина, и подчеркивала, что ее усовершенствованные печи оправдали себя на практике с наилучшей стороны. Я привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей...

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж (указан номер) наглядно иллюстрирует устройство двух печей; по чертежу № 9122 изготовлено для строительства в Дахау четыре печи.

Следующий чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам.

Хайль Гитлер!

Кори – Общество с ограниченной ответственностью».

...Я представляю сейчас доказательства того, что кроме стационарных крематориев существовали крематории передвижные. Суд уже знаком с передвижными газовыми камерами. Это были «душегубки». Кроме того, были созданы передвижные крематории. Об их существовании свидетельствует эсэсовец Пауль Вальдман, принявший участие в одном из злодеяний немецких фашистов – в единовременном уничтожении многих тысяч русских военнопленных в Саксенхаузене. Суду уже представлены под № СССР-52 документы по этому лагерю. Я цитирую то место из показаний эсэсовца Вальдмана, которое говорит о массовой экзекуции в Саксенхаузене: «...Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашин...» Прошу Суд обратить внимание на отвратительный процесс, введенный немецко-фашистскими преступниками, который связан с промышленным использованием тел умерщвленных людей. Я представлю Суду вещественные доказательства, которые будут свидетельствовать о еще более отвратительной утилизации мертвых тел жертв. Прошу судей обратиться к альбому по Освенциму, где видны снимки упакованных для отправки в Германию семи тонн волос, которые были срезаны с умерщвленных женщин.

«...С 1943 года немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрём» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения».

Прошу Суд обратить внимание на заключение технической экспертизы.

Так, в газовых камерах были произведены специальные исследования, и на основании точных химических реакций было установлено, что отравление в газовых камерах производилось синильной кислотой (это

«Циклон А» и «Циклон Б»), а также окисью углерода. Я цитирую абзац из заключения технической экспертизы:

«...Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использовались для массового и систематического уничтожения людей путем отравления общедовитыми газами, как-то: синильной кислотой... и окисью углерода».

Я привожу некоторые данные, касающиеся отвратительного и циничного ограбления заключенных, умерщвленных в Майданеке и в Освенциме:

«На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды 348 820 комплектов. Я повторяю: 348 820 комплектов.
2. Женской верхней и нижней одежды 836 255 комплектов.
3. Женской обуви 5525 пар.
4. Мужской – 38 000 пар.
5. Ковров 13 694 штуки».

Та же картина организованного ограбления умерщвленных людей была установлена Комиссией и при проведении следствия в Майданеке. Я не буду цитировать полностью этот раздел Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии и процитирую лишь одно отношение главного хозяйственного управления СС, содержащееся в Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии:

«Всем комендантам концентрационных лагерей.

Согласно заявлению Главного имперского управления безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом в управление гестапо города Брюнн, причем оказалось, что в некоторых случаях вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и таким образом посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что Главное имперское управление безопасности в ближайшее время издаст инструкцию, регулиующую вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Глюкс – генерал-майор войск СС».

Я перехожу к представлению доказательств, свидетельствующих об объеме злодеяний.

Только в двух лагерях смерти преступниками было уничтожено 5,5 миллиона человек. В подтверждение привожу выводы Чрезвычайной государственной комиссии по Освенциму:

«...Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие

палачи уничтожили в нем не менее четырех миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...»

Цитирую соответственные места из Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной государственной комиссии по Майданеку:

«...Польско-Советская Чрезвычайная комиссия установила, что за четырехлетнее существование лагеря уничтожения Майданек гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек – советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев».

Я заканчиваю этим документом раздел о концентрационных лагерях и перехожу к последнему разделу своего доклада – «Соккрытие следов преступлений».

В период своих временных военных успехов немецко-фашистские преступники сравнительно мало заботились о сокрытии следов преступлений.

Часто они не считали нужным даже замаскировать дерном могилы, в которые сбрасывались после расстрелов тела умерщвленных.

Но после разгрома, который гитлеровская военная машина потерпела под Сталинградом, положение изменилось. Подгоняемые страхом возмездия, преступники стали применять срочные меры для сокрытия следов преступлений. Всюду, где это было возможно, они сжигали трупы. Там, где этого сделать было нельзя, могилы тщательно маскировались дерном или зелеными насаждениями. Земля, которой были засыпаны могилы расстрелянных, выравнивалась специальными машинами и гусеничными тракторами.

Однако основным методом, к которому прибегали немецко-фашистские преступники, следует признать все же сжигание трупов. Пепел от сожженных тел разбрасывался по полям, несгоревшие в пламени кости дробились специальными машинами и смешивались с навозом для изготовления удобрений. В крупных лагерях раздробленные кости умерщвленных продавались немецким промышленным фирмам для переработки на суперфосфат.

Я представляю Суду в качестве доказательства громадного масштаба преступной деятельности гитлеровцев по сокрытию следов преступлений ряд документов.

Ссылаюсь прежде всего на Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной государственной комиссии по Майданеку. Документ представлен под № СССР-29:

«...Уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели непрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500 °С. Для того чтобы

в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленялись, в частности обрубались конечности трупов».

Печей в крематориях было недостаточно, и немцы для уничтожения трупов вынуждены были прибегать к специальным примитивным кремационным устройствам, которые делали следующим образом:

«На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер от 500 до 1000 трупов. Все это обливалось горючей жидкостью и поджигалось».

Привожу краткую цитату, устанавливающую объем этой преступной работы по сокрытию следов преступлений:

«Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 тысяч трупов; на гигантских кострах в Кремнецком лесу было сожжено более 300 тысяч трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 тысяч трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 тысяч трупов».

Я ссылаюсь далее на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по городу Минску:

«...В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине трех метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям Комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могиллой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов».

Обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Львовской области. Документ был уже представлен Суду под № СССР-6. Привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«По указанию рейхсминистра Германии Гиммлера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбаннфюрер Шерляк, его заместителем – гауптштурмбаннфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их».

Зондеркоманда № 1005 была прототипом аналогичных зондеркоманд, созданных немцами. Последующие зондеркоманды, созданные для этих целей, получали номера – 1005-а, 1005-б и т. д.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львовке при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

Убийства многих миллионов людей были совершены немецкими фашистами из мотивов, продиктованных их человеконенавистническими каннибальскими «теориями» расизма и «права господ» на уничтожение народов.

Все эти убийства были хладнокровно обдуманны. Беспрецедентные по масштабу злодеяния были выполнены в точно определенные для этого сроки, причем, как я показывал это неоднократно раньше, для массовых убийств и для уничтожения следов преступлений была создана специальная техника.

Но, кроме того, во многих преступлениях немецких фашистов есть одна черта, которая делает их еще более отвратительными.

В ряде случаев немцы, уже лишив жизни жертву, не прекращали на этом преступления, но продолжали его, делая затем объектом преступного глумления самое тело умерщвленного.

Глумление над трупами жертв было характерно для всех лагерей уничтожения. Я напоминаю уважаемому Суду, что несгоревшие кости покойников продавались немецкими фашистами фирме «Штрём». Волосы умерщвленных женщин срезались, упаковывались в тюки, прессовались и отправлялись в Германию. В ряду этих же преступлений находятся и те, о которых я предъявляю доказательства сейчас. Я указывал уже неоднократно ранее, что основным методом уничтожения следов являлось сожжение трупов, но та же подлая рационализаторская эсэсовская техническая мысль, которая создала газовые камеры и «душегубки», стала работать над тем, чтобы создать такие способы полного уничтожения человеческих трупов, при которых уничтожение следов преступлений сочеталось бы с получением определенного фабриката. В Данцигском анатомическом институте уже были произведены в полупромышленном масштабе опыты по получению мыла из человеческих тел и дублированию с промышленными целями человеческой кожи. Я предъявляю Суду под № СССР-197 показания одного из непосредственных участников изготовления мыла из человеческого жира, препаратора анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура:

«Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943/44 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 г. профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2–3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах.

К смеси прибавлялась еще и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2–3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы».

Я представляю сейчас Суду эти «формы» – кюветы, в которые выливалось сваренное мыло. Дальше я представляю доказательство того, что полуфабрикат этого человеческого мыла действительно был изъят в Данциге.

«Мыло получалось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид...

...Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней – от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70–80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей – для туалета и стирки – употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер...

...Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, не знаю».

Я предъявляю сейчас под № СССР-196 копию рецепта мыла, изготовленного из тел умерщвленных. Он в основном идентичен с тем, который изложен в протоколе допроса Мазура. Для подтверждения того, что все изложенное в протоколе допроса Мазура соответствует действительности, я приведу принятые Судом протоколы допроса британских военнопленных, в частности рядового королевского суссекского полка Джона Г. Виттона. Документ предъявляется Суду под № СССР-264. Я цитирую одно небольшое место из этого протокола:

«...Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещающих 5–6 трупов, иногда по 3–4 трупа доставляли в небольших грузовиках... Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт... Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером с небольшой кухонный стол. После кипячения полученную

жидкость разливали по белым сосудам размером примерно в двойной лист обычной писчей бумаги и глубиной в 3 сантиметра. Обычно в день машина давала 3–4 таких сосуда».

Я представляю далее Суду под № СССР-272 письменные показания британского подданного – капрала королевских войск связи Вильяма Андерсена Нили.

«...Трупы доставлялись в количестве 2–3 в день. Все они были совершенно нагие, причем большинство было обезглавлено...

...Конструирование машины для изготовления мыла было завершено в марте – апреле 1944 года. Постройка здания, в котором ее предполагалось поместить, была закончена в июне 1942 года. Машина эта была смонтирована на данцигской фирме «Айрд», не связанной с военным производством. Насколько я помню, эта машина состояла из бака, обогреваемого электричеством, в котором при помощи добавления каких-то кислот растворялись кости трупов.

Процесс растворения занимал около 24 часов. Жировые части трупов, в особенности женских, складывались в большие эмалированные чаны, подогреваемые огнем двух бензиновых горелок. Для этой процедуры также применялись какие-то кислоты. Я предполагаю, что в качестве кислоты брали едкий натр. Когда кипячение заканчивалось, полученной смеси давали остынуть, а затем выкладывали в специальные формы...

Я не могу точно определить количество получаемого вещества, но я видел, как его употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это – лучшее мыло для этой цели».

Я предъявляю далее образцы полуфабриката мыла и изготовленного мыла. Здесь вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его трибуналу. Кроме того, я предъявляю образцы полувыделанной человеческой кожи. Предъявленные образцы убеждают в том, что процесс изготовления мыла был уже вполне разработан Данцигским институтом. Что касается кожи, то она по внешнему виду напоминает еще полуфабрикат. Наиболее приближается к типу промышленной кожи тот кусок, который вы видите наверху слева. Таким образом, можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были вполне завершены в Данцигском институте. Опыты по дублению человеческой кожи еще производились, и только победоносное наступление Красной армии положило предел этому новому преступлению нацистов.

Длинный ряд преступлений против мирного населения временно захваченных немецко-фашистскими преступниками районов Советского Союза, Чехословакии, Польши, Югославии и Греции не может быть исчерпан даже в самом подробном докладе. Можно выделить только наиболее типичные в тех жестокостях, подлых и расчетливых приемах, к которым прибегали главные преступники, замышлявшие преступления, и те, кто эти преступления выполнял. Те, кто находится ныне на скамье подсудимых, освободили от «химеры, именуемой совестью», сотни тысяч и миллионы преступников. Они воспитали этих преступников, создали им атмосферу безнаказанности и натравили своих кровавых собак на мирных

людей. Они глумились над совестью и достоинством человека. Но к совести мира зывали те, кого травили в «душегубках» и газовых камерах, кого разрывали на куски, те, чьи тела сжигали в печах крематориев и пепел развеивали по ветру. Мы не можем теперь назвать даже многие из мест захоронений миллионов злодейски умерщвленных невинных людей. Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, зывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, зывавших перед смертью к совести мира о справедливости и о возмездии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.